

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

«МЫ – БРАТЬЯ, ДЕТИ МЫ ОДНОЙ СТРАНЫ...»

**Сценарно-репертуарный сборник по произведениям Р. Гамзатова
и других авторов для школьных театров
в рамках Республиканского форума-фестиваля народных театров
«Народная маска»**

Махачкала

«Прежде всего театр должен обращать внимание на молодежь... В России никто серьезно не занимается воспитанием у подрастающего поколения хорошего художественного вкуса, о чем говорит и практически полное отсутствие современных театров юного зрителя...Надо воспитывать новое поколение зрителей, умеющих понимать и ценить театральное, драматическое, музыкальное искусство»

**Президент РФ
В.В. Путин**

Уважаемые коллеги!

В 2023 году празднуется 100-летие со дня рождения народного поэта на все времена, поэта, чье имя известно всей планете Земля – Расула Гамзатовича Гамзатова.

Расул Гамзатов черпал свой талант из родного фольклора, дагестанской литературы, зачитываясь поэзией Батырая, С.-Стальского, произведениями Г. Цадасы. Многие произведения Р. Гамзатова переложены на песни «Журавли», «Есть глаза у цветов», «О дружбе», «Родина» и др., которые с большим удовольствием поют и сегодня во всех уголках России. По его произведениям созданы театральные постановки, потому что в них собран дух времени, мудрость и сердечная проникновенность – все то, что так ценно и необходимо в наше непростое время.

Прошло 100 лет...Но мы вспоминаем нашего Расула Гамзатова не только в день его рождения, мы знаем, что его поэзия жива по-прежнему. И пока жива его поэзия, подарившая нам бессмертные строки, – будет жить и сам поэт. Чингиз Айтматов вспоминает о своем друге и коллеге так: «Гамзатов прочно врос корнями в горы и землю Дагестана. В этом его сила, его непохожесть, яркая национальная неповторимость. В этом, именно в этой коренной связи с культурой и жизнью своего народа заключаются истоки гамзатовского поэтического феномена – изначальный образ гамзатовского художественного мышления, который оплодотворяет и отличает его стих, его слог, его мысль...»

Мир народного театра, театральная кружковая деятельность – это необходимость сегодня для подрастающего поколения, чтобы дети знали и ценили свои корни и народные традиции, героев и культуру, стали интересными, образованными и увлеченными людьми.

В Год Расула Гамзатова во всех национальных театрах звучат поэтические слова Расула на родных языках. Это слова любви, обращенные к Дагестану, Родине, матери, женщине, друзьям...

Все мероприятия празднования юбилейного события посвящены воспоминаниям о жизни и деятельности человека, писателя, мыслителя, учителя и наставника молодежи.

Республиканский Дом народного творчества МК РД предлагает сценарно-репертуарные материалы по проведению мероприятий, посвященных 100-летию народного поэта Дагестана на клубной сцене. Сценарный ход представлен разными вариантами литературных подборок не только народного поэта Р. Гамзатова, но и других авторов дагестанской литературы, а также жанровым разнообразием, что может быть использовано и дополнено работниками КДУ, центрами традиционной культуры городов и районов Дагестана.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О РАСУЛЕ ГАМЗАТОВЕ

«Поэзия Расула Гамзатова лирична в самой своей природе, ему чужды те черты, которые, к сожалению, присущи некоторым нашим современным поэтам. В его поэзии нет оттенка самовосхваления. Чудесным качеством является юмор, обращённый как бы к себе. Это сразу подкупает читателя. Это редкое качество, отличающее настоящий талант...»

Александр Твардовский

«Мы знаем Расула Гамзатова поэта (он – поэт и в стихах своих, и в прозе, и в публицистике). Мы знаем Расула Гамзатова гражданина. И эти два понятия неразделимы. Пламенная любовь, по Гамзатову, – это не только чувство к конкретному человеку, но и преданность земле, на которой он живёт, преданность благородным традициям, памяти о прошлом, мечтам, зовущим в завтрашний день. Быть Человеком – значит, уметь любить...»

Сергей Михалков

«Расул Гамзатов – поэт со своей яркой художественной позицией. Для него характерно обострённое восприятие жизни: любить – так любить, ненавидеть – так ненавидеть. Он – поэт жизни, видит жизнь подробно, детально, осязаемо, конкретно... Но я бы подчеркнула, что смычок и струны Расула Гамзатова рождают волшебную музыку, когда поют о женщинах...»

Фаза Алиева

«Расул – лирик по складу души, по своей строчечной сути... Всё наблюдаемое в жизни, чувствуемое, переживаемое поэт пропускает сквозь своё сердце, делает своим личным, гамзатовским. И от этого мир, входящий в его образы, не суживается, не обесцвечивается, а приобретает особую достоверность и силу действия на читателя...»

Алексей Сурков

«Его стихи о любви, о женщине, его стихи о совести и мужестве пробуждают в человеке, быть может, на какое-то время дремлющие, скрытые благороднейшие качества, вызывая их к жизни. И человек вдруг видит внутренним взором себя как бы пробуждённого, со всем красивым, заложенным в нём, и он, действительно, возвышается. Он становится лучше в собственных глазах...»

Давид Кугультинов

«Он в полную меру узнал признание и любовь массы читателей, почёт и славу, достойно воспел Родину и её строителей, её женщин и героев, её колосья и деревья, горы и долины, её бессмертную красоту, он шёл по земле, влюблённый в неё и очарованный ею, радуясь цветам на ней и звёздам над ней. Большой поэт нёс и несёт большую любовь к людям, ко всему хорошему на свете, и люди отвечают ему любовью...»

Кайсын Кулиев

«Творчество Расула Гамзатова завидно самобытное, подлинно национальное по своему облику и складу. Его корни уходят в глубь духовного бытия горцев – прежнего и современного. От сложных систем образов до незначительных деталей в нём присутствуют ярко национальное мышление и эстетическое воззрение... Став одним из лучших поэтов своего времени, Расул Гамзатов перекинул мост в будущее...»

Мустай Карим

УРОКИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Во все времена я любил поэзию Расула Гамзатова, которая была для меня и колыбельной песней, и песней юности, и песней зрелости. Моя любовь к ней оставалась неизменной, и чем тяжелее бывало в жизни, тем ближе и дороже становились мне гамзатовские стихи. В них я находил силу и энергию, духовное и человеческое совершенство, достоинство и мудрость, истинную народность и высокую простоту.

Где бы я не находился, в ауле, в Махачкале или в Москве, я всегда брал с собой томик Гамзатова как путеводитель по жизни и по поэзии, и он делал меня счастливым даже в несчастные дни.

Гамзатов всегда выражал сущность человеческих переживаний: радость, печаль, боль, страдание и сострадание к человеку и всегда оставался таинственным:

Но в мире следствий и причин,
Спускаясь в тайные глубины,
Не мог добраться ни один,
До истины, до сердцевины.
Столетия таинства полны,
И не исчезнет жизнь покуда,
Есть ощущение новизны
И удивления, и чуда.

С этим ощущением «новизны, удивления и чуда» вошел Расул Гамзатов в мировую поэзию. Поэт писал радостные и грустные стихи, где

перемежались белые дни и черные ночи, где родник чувств впадал в океан мысли. В атомный век поэт учил нас мужественно смотреть в лицо этого века, не забывая при этом о колыбели и очаге, об ауле и горных вершинах, делал нас всех чище, возвышеннее, мудрее, заряжая нас энергией зрелости.

В его поэзии всегда звучал и звучит живой голос самой жизни, он необыкновенными словами говорит о самых обыкновенных вещах, и каким-то пророческим чутьем чувствует все колебания времени, века и страны.

Самыми лучшими стихами в мире считаются самые короткие стихи. Гамзатов написал книгу «Письмена», которая стала бесценным свидетелем остановленных мгновений. Четверостишия, восьмистишия, надписи, сонеты, элегии Гамзатова стали лучшими образцами поэзии двадцатого века, его песни стали выражением многомиллионных чувств людей всей планеты, и не зря во время исполнения песни «Журавли», как вол время исполнения государственного гимна, люди встают со слезами на глазах.

Поэмы Гамзатова открыли миру неведомую широту и глубину мысли и чувства. Высокая трагедия и правдивая мощь их, освещенная светом совести и мужества, говорят о человеке, а книга «Мой Дагестан» подарила миру новую поэтическую прозу.

Когда-то давно поэт написал:
Дай мне фонарь, хочу, хотя б на миг,
Увидеть лица спутников моих...
Фонарь погас. И ветер все лютей –
Жизнь так темна, что не узнать людей.

Дай мне бинокль: я так хочу взглянуть,
Откуда эти люди держат путь?
Хочу понять: откуда и куда?..
Но в темноте не отыскать следа.

И сегодня также темно в этом мире, но впереди идет, освещая земной путь светом своего сердца, наш великий современник Расул Гамзатов.

Магомед Ахмедов

СТРАНИЧКИ ПОЭЗИИ

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

МАТЕРИ

Мальчишка горский, я несносным

Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.
Но годы шли, и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.
Вот мы одни сегодня в доме.
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.
Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.
Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь, но вдруг опять
Сожмется сердце. «Неужели
Я начал маму забывать?»
А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня,
Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.
Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МАТЕРЕЙ ОДНИХ

Не оставляйте матерей одних,
Они от одиночества стареют.
Среди забот, влюбленности и книг
Не забывайте с ними быть добрее.
Им нежность ваша – целый мир.
Попробуйте перехватить хотя б на миг
Вы в молодости собственную старость,
Когда ни писем от детей, ни встреч,
И самый близкий друг вам – телевизор

Чтоб маму в этой жизни поберечь,
Неужто нужны просьбы или визы?
Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Всегда во сне нелепо все и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.

Звенит река, бежит неукротимо.
Забытый и не нужный никому,
Я распластался на земле родимой
Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это
Не знает и не явится ко мне,
Лишь в вышине орлы клекочут где-то,
И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилой
О том, что я погиб во цвете лет,
Ни матери, ни друга нет, ни милой,
Чего уж там – и плакальщицы нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
И вдруг услышал, как недалеко
Два человека шли и говорили
На мне родном аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана
Я умирал, а люди речь вели
О хитрости какого-то Гасана,
О выходках какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Я за него всегда душой болею,
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.

И чтобы понять Махмуда, мой наследник
Ужели прочитает перевод?
Ужели я писатель из последних,
Кто по-аварски пишет и поет?

Я жизнь люблю, люблю я всю планету,
В ней каждый, даже малый, уголок,
А более всего Страну Советов,
О ней я по-аварски пел, как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный
От Балтики до Сахалина - весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароят в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула-
Преемника Гамзата из Цада.
Перевод с аварского Н.Гребнева

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА

Мать родную никто не заменит.
Мы с детства это знаем.
Всем сердцем я к матери льну.
Но лишь стоит мне в годы былые взглянуться, –
С нею рядом я женщину вижу одну...
Я навек озарён этим взглядом лучистым

И улыбкой, что в душу запала, светла.
Не забыть мне ту осень, поблекшие листья,
Руку тёплую, что на плечо мне легла.
Вспоминаю себя семилетним пострелом
В дальнем горном ауле. Осенней порой
На меня, как родная, она посмотрела,
Та приезжая женщина с речью чужой.
Первый русский урок позабыть я могу ли?
День погожий в сиянье сквозной синевы...
Друг наш, Вера Васильевна, в горном ауле
Двадцать лет прожила ты – посланец Москвы.
Сколько бед, сколько горестей ты одолела,
Сколько трудностей встретила ты на пути,
Сколько сил отдала ты любимому делу,
Продолжая нелёгкой дорогой идти.
Кулаки, озверевшие в злобном бессилье,
Камни в окна швыряли и школу сожгли...
В ночь пожара, когда тебе смертью грозили,
Комсомольцы тебя от бандитов спасли.
Годы лучшие, время расцвета, здоровье
Отдала ты аулу, приехала в глушь...
А тебя возле мельниц ручных, у жаровен
И в мечети чернили наветы кликуш.
И к тебе, что хочто не носила, я помню,
Дочерей не пускали горянки в те дни.
Ты прости их, муллою обманутых, тёмных,
Ты прости их, – не сразу прозрели они.
Знаю, рано твоя голова поседела,
Но такие, как ты, не отступят в борьбе.
По ночам ты, вздыхая, на север глядела,
И родная Москва вспоминалась тебе.
И Арбат, и квартира в том доме, что рядом
С магазином цветочным, и старая мать,
Что к далёкому югу прикована взглядом
И вовек не устанет безропотно ждать.
Средь вершин, где лепились орлиные гнёзда,
Вровень с горным селеньем, на дикой скале,
Над тобою сияли московские звёзды,
Свет России, что путь указывает земле.
Друг наш, Вера Васильевна, схожа была ты
В эту пору с героями нашей земли,
С коммунистами красных полков, что в двадцатом
В наши горы свободу и мир принесли.
По ночам ты бралась за тетрадки при свете

Самодельной коптилки, мерцавшей едва.
На графлёных страницах аварские дети
Выводили впервые по-русски слова.
И лучилось, как солнышко, каждое слово,
Вековую завесу срывавшее с глаз.
...Мы сидели за партами в школе, готовы
В жизнь вступить, что скликала на подвиги нас.
Мы росли. Нас крутые влекли перевалы,
Мы мечтали трудиться, творить, открывать.
Ты в дорогу далёкую нас провожала,
Наставляла, как мать, обнимала, как мать.
И, почувствовав неодолимую силу,
Покидая гнездо, улетали птенцы.
Ну, а ты оставалась и новых растила
Там, где гор снеговые сияют венцы.
Сыновья этих гор, мы сражались без страха,
Мы прошли сквозь бесчисленные бои.
На рейхстаге пылающем: «Мы из Хунзаха»,
Начертали штыками питомцы твои.
В неоглядное небо взвивается сокол,
И уходят в учебный поход моряки.
Кто там в плаванье дальнем, в полёте высоком?
Не твои ли вчерашние ученики?
Речка горная взнуздана мощной плотиной,
И сияют селения, как маяки...
Кто огни коммунизма зажёт на вершинах?
Не твои ли вчерашние ученики?
Дипломаты советские мир неуклонно
Защищают повсюду врагам вопреки;
Выступает с открытием новый учёный...
Не твои ль это бывшие ученики?
Верный друг, ты дала нам широкие крылья,
Ты для нас распахнула просторы земли.
Дети тех матерей, что свой век проводили
В тесной сакле, – мы нынче весь мир обошли.
Но любой из нас, где бы он ни был, навечно
Сохранит в своём сердце погожий денёк,
И спокойный твой голос, и взгляд твой сердечный,
И улыбку, и первый наш русский урок.
Мы готовы, как в годы далёкие, снова
Сесть за парту, учебник раскрыть и тетрадь,
Слушать, как произносишь ты русское слово,
С места встав, на вопросы твои отвечать.
И, как прежде, к доске выходить на уроке

И задачи решать, хоть и трудные – пусть!
Декламировать Пушкина светлые строки,
Маяковского стих повторять наизусть.
Мать родную никто не заменит, я знаю.
Но взгляни в этот час на взращённых тобой –
Их сердца говорят: ты для нас как родная,
Ты для каждого матерью стала второй.
Мы от отчего дома сегодня не близко,
Только мысли несутся знакомым путём.
Наш поклон тебе, Вера Васильевна, низкий,
Мы всегда под твоим материнским крылом.

СТАРЫЕ ГОРЦЫ

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, бог весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь.
И никому не сбить их с толка,
Такая зоркость им дана,
Что на любого глянут только –
И уж видна его цена.
И перед боем горцам старым
От века ясно наперед,
Кто выстоит, подобно скалам,
Кто на колени упадет.
И лож почувствуют тотчас же,
Из чьих бы уст она ни шла,
Какой бы хитрой, и тончайшей,
И золоченой ни была.
В горах старик седоголовый,
Что ходит в шубе круглый год,
Так подковать умеет слово,
Что в мир пословица войдет.
О, горцы старые!
Не раз им еще народ воздаст хвалу.
Служил советчиком их разум
И полководцу и послу.
Порою всадник не из местных
Вдали коня пришпорит чуть,
А старикам уже известно,
Зачем в аул он держит путь.
Какой обременен задачей,
Легка она иль нелегка,
Посватать девушку ли скачет

Или наведать кунака.
Был Камалил Башир из Чоха
Ребенком маленьким,
Когда Старик предрек: «Он кончит плохо,
И многих горцев ждет беда.
Их дочерей и женщин скоро
Красавец этот уведет.
Спасая горцев от позора,
Родной отец его убьет...»
Когда над верхнею губою
У Шамиля белел пушок
И босоногою гурьбою
Шамиль командовать лишь мог,
Сказал о нем еще в ту пору
Старик гимринский как-то раз:
«Дымиться он заставит порох,
И будет гром на весь Кавказ!»
Старик, услышавший в ауле
Стихи Махмуда в первый раз,
Сказал: «Он примет смерть от пули
Из-за красивых женских глаз...»
Душой робея, жду смущенно,
Что скажут на мои стихи
Не критики в статьях ученых,
А в горских саклях старики.
Они горды не от гордыни,
И знаю: им секрет открыт,
О чем в обуглившейся сини
Звезда с звездой говорит.
Они горды не от гордыни.
Путь уступая их коню,
Я в гору еду ли, с горы ли,
Пред ними голову клоню.

ЗВЕЗДЫ

Звезды ночи, звезды ночи
В мой заглядывают стих,
Словно очи, словно очи
Тех, кого уж нет в живых.
Слышу, с временем не ссорясь,
В час полночной тишины:
«Будь как совесть, будь как совесть
Не вернувшихся с войны!»

Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь,
По-земному беспокоясь,
Загляну я в чей-то стих,
Словно совесть, словно совесть
Современников моих.

У МАКСОБСКОГО МОСТА

Эту ночь позабудешь едва ли:
На траве, что была голубой,
Мы вблизи от аула лежали
У Максобского моста с тобой.
Кони траву щипали на склоне,
А луна серебрила холмы.
И, сведенные в пальцах, ладони
Положили под головы мы.
Вдохновенно,
как дети лишь могут
Слушать тех, кто снежком убаюкан,
Горной речки мы слушали клекот,
Шелест трав, колокольчиков звон.
Мир при этом безмолвье венчало,
Было все так волшебюно вокруг,
Так прекрасно и так величаво,
Что восторг охватил меня вдруг.
И, как горец, приметивший гостя,
Зажигает все лампы тотчас,
Небо полночи полною горстью
Одарило созвездьями нас.
Я на звезды не мог наглядеться,
Надышаться от счастья не мог.
Показалось, лишь вспомнил я детство,
Будто теплый подул ветерок.
И о родине думал я снова,
И по этой причине простой,
В мыслях зла не касаясь людского,

Любовался людской красотой.
Думал я, как мы пламенно любим,
Презирая и фальшь и вранье.
До биенья последнего людям
Посвящается сердце мое.

ОТВЕТ НА ТВОЕ ПИСЬМО

Письмо получил я с сегодняшней почтой
На склоне цадинском, где мягкие травы,
Лежу и читаю.
Спасибо за то, что
Ты любишь меня и желаешь мне славы.
Ты хочешь, чтоб имя мое не сходило
С газетных полос и зовущих плакатов,
Чтоб диктор вещал, чтоб афиша гласила:
«Такая-то пьеса, и автор Гамзатов».
Здесь пашут на склонах, а ты, дорогая,
Ревнуешь меня к этим горным просторам,
Коришь, что сценария не продвигаю
И чая не пью со своим режиссером.
Родная, от жизни нужна мне лишь малость:
Быть равным среди тружеников незаметных,
Вдыхать этот воздух да ты чтоб касалась
Рукою волос моих неоднотонных.
Уже мы не юны, еще мы не стары,
И эти упреки, что шлешь ты сердито,
Ломают и опустошают амбары,
Где помыслы наши хранятся, как жито.
Я ль лучше моих земляков возмужалых,
Я ль лучше, чем мудрые горцы-крестьяне,
Чем каменотесы, дробящие скалы,
Чем старцы, сидящие на годекане?
Я ль лучше друзей моих незнаменитых,
Лежащих во тьме, под камнями седыми,
Чье доброе, хоть и негромкое, имя
Начертано лишь на кладбищенских плитах
Да в памяти близких, оставленных ими?
Как бредил я славой!
И вспомнить неловко

Сегодня, когда мне давно уж не двадцать.
А что она – слава?
Над бездной веревка,
Что выдержать может, а может порваться.
Чего же хочу я? Работы, заботы,
Чтоб руки мои не повисли в бессилье.
А слава? Пусть славятся эти высоты,
Которые создали нас и вскормили.
И если однажды забудусь я слишком,
О люди, прошу отрезвить меня встряской,
Одернуть меня, как на свадьбе мальчишку,
Что вылез вперед, околдованный пляской.

У ЧЕРНЫХ ЗАВИСТНИКОВ ШУСТРЫЕ СЛУГИ...

У черных завистников шустрые слуги,
И, чтобы не дать человеку житья,
К тебе эти слуги – проклятые слухи
Сумели добраться быстрее, чем я.
Они уже здесь отличились, конечно,
И кажется правдою тонкая ложь.
И встречен тобою я так бессердечно,
Что впрямь на незваного гостя похож.
Ты, книжку раскрыв, в уголке примостилась.
Пускай, мол, на скачках твой вырвался конь,
Но чайник уж сам, раз попал ты в немилость,
Чтоб чаю напиток, поставь на огонь.
Остались подарки мои без вниманья.
Так грустно, как будто бы дождик идет.
Кота приласкал я, и в знак пониманья
Запел, замурлыкал сочувственно кот.
Шагнул за порог я, и с лаем собака
Мне кинулась радостно прямо на грудь.
Но мил я не всем в этом доме, однако,
Иных мой приезд не волнует ничуть.
Ах, как же так можно жестоко, безбожно,
Так неосторожно безвинных карать?
Да будет ничтожно то слово, что ложно,
И радость в мой дом возвратится опять.

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

МАХМУДА ПЕСНИ БУДУТ ЖИТЬ, ПОКУДА...

Махмуда песни будут жить, покуда
Неравнодушен к женщинам Кавказ,
Но разве после гибели Махмуда
Любовных песен не было у нас?
Нет, песни есть пленительного лада,
Еще какие песни о любви,
Но только горцу похищать не надо
Печальную красавицу Муи.
В век Шамиля баталии бывали,
Их чтит поныне горская земля,
Но разве славных не было баталий
Со времени плененья Шамиля?
Нет, славных битв произошло немало,
Но только горец в них не обнажал
Холодной стали острого кинжала, –
Стал нынче мирно выглядеть кинжал.

ХОТЬ Я НЕ БЕССМЕРТНИК, ХОТЬ ТЫ НЕ СИРЕНЬ...

Хоть я не бессмертник, хоть ты не сирень,
Но срезать однажды нас будет не прочь
Белый садовник по имени день,
Черный садовник по имени ночь.
Хоть ты не пшеница, хоть я не ячмень,
Щадить нас не будут – им это невмочь –
Жнец белолицый по имени день,
Черная жница по имени ночь.
Хоть ты не косуля, хоть я не олень,
Не смогут охотничью страсть превозмочь
Белый охотник по имени день,
Черный охотник по имени ночь.
Белый охотник ли выследит нас,
Черный охотник ли выстрелит в нас?
А может, у первого дрогнет рука,
А может, второй промахнется не раз?

ЕСТЬ ТРИ ЗАВЕТНЫХ ПЕСНИ У ЛЮДЕЙ

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей -
Ее слагает мать над колыбелью.

Вторая – тоже песня матерей.
Рукою глядя щеки ледяные,
Ее поют над гробом сыновей...
А третья песня – песни остальные.
Пер. Н. Гребнева

Дорогая моя, мне в дорогу пора,
Я с собою добра не беру.
Оставляю весенние эти ветра,
Щебетание птиц поутру.

Оставляю тебе и сиянье луны,
И цветы в тляротинском лесу,
И далекую песню каспийской волны,
И спешащую к морю Койсу,

И нагорья, где жметя к утесу утес,
Со следами от гроз и дождей,
Дорогими, как след недосыпа и слез
На любимых щеках матерей.

Не возьму я с собою сулакской струи.
В тех краях не смогу я сберечь
Ни лучей, согревающих плечи твои,
Ни травы, достигающей плеч.

Ничего не возьму, что мое искони,
То, к чему я душою прирос,
Горных тропок, закрученных, словно ремни,
Сладко пахнувших сеном в покос.

Я тебе оставляю и дождь, и жару,
Журавлей, небосвод голубой...
Я и так очень много с собою беру:
Я любовь забираю с собой.

Перевод с аварского Н. Гребнева

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Летит, летит по небу клин усталый.
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежутки малый,
Быть может, это место для меня.

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей

Гамзатов Р. Журавли: [стихотворение, в переводе на русский язык] // Оборванные струны / сост. М. Митаров; пер. на рус. яз. М. Гребнев. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1985.

СОЛДАТЫ РОССИИ

I

Спят в Симферополе в могиле братской
Семь русских и аварец, мой земляк.
Над ними танк, их памятник солдатский,
Еще хранит следы былых атак,
И благодарно вывела страна
На мраморной плите их имена.

Пусть память их товарищи почтут,
Пусть недруги их имена прочтут.

Благоухали Крыма ароматы,
Пылал в степи в ту пору маков цвет,
Шел старшему в ту пору двадцать пятый,
А младший жил на свете двадцать лет.
В Крыму весенние стояли дни,
Когда в разведку двинулись они.

У каждую была далеко где-то
Знакомая, невеста иль жена.
Душа была надеждами согрета,
Мечтаньями и планами полна,
Когда они в машине, на броне,
Поехали по крымской стороне.

Они любили ветер побережий
И свет зари, играющий в волне.
У всех воспоминанья были свежи
О первой взволновавшей их весне,
Об осени, ронявшей позолоту,
О материнских ласковых глазах,
О мирных днях, о птичьих голосах,
Скликавших на учебу, на работу.

И, может быть, в тот смертный,
трудный час
В огне войны сквозь смотровые щели
Они вперед, в грядущее, глядели
И видели тогда себя среди нас.

Обороня русскую страну
В горящем Сталинграде,
на Дону,
Они себя искали на канале,

С просторной Волгой Дон соединяли,
Читали счастье мирного труда
В словах чеканных воинских приказов,
И видели себя уже тогда
Средь наших плотников и верхолазов,
И строили дома и города.

Из люка приподнявшись на мгновенье,
В пыли руин, в пороховом дыму,
Себя с семьёю видели в Крыму,
Когда прекрасно так его цветенье,
И выбирали, в первый раз взглянув,
Для отдыха Алушту иль Гурзуф.

Наш мирный день, горячий, долгий, ясный,
Мерещился им в каждом кратком сне.
Они за мир боролись на войне,
И подвиги их были не напрасны.

Их в сорок пятом не было в живых,
Но это им цветы бросали в Праге,
Но подписи друзей их боевых
Весь мир прочел в Берлине, на рейхстаге.
София посылала им привет.
Из пепла подымалась к ним Варшава.
Их чествуя, Советская держава
Зажгла своих великих строек свет.
До скорого, танкисты! Путь счастливый!
А этот путь ведет в фашистский тыл.
Степной закат, отчаянный, красивый,
Бойцов до ближней рощи проводил.
Они вдыхают крымской ночи воздух
И вспоминают о далеких звездах,
Тревожное раздумье гонят прочь...
Последней оказалась эта ночь!

Их долго ждали в штабе, ждали в роте
И где-то там, в родных местах, вдали.
Назад бойцы живыми не пришли...
В душе народа вы теперь живете.
И памятник воздвигнут вам страной,
Друзья мои, танкисты дорогие!

И высится над вами танк стальной,
Могущественный, как сама Россия.

II

Был танк подбит при первом свете дня.
Оделась пламенем его броня.
Эсэсовцы танкистов окружили.
Но созданы, должно быть, из огня,
Солдаты и в огне, сражаясь, жили.
Сражались до конца. Но нет конца
Там, где, как солнце, светятся сердца,
И этот свет – вечно живая сила.
Сражались гак, как родина учила
Своих любимых, любящих сынов,
Свою надежду – молодое племя...

III

Здесь хорошо гулять по вечерам.
Везде, во всем желанной жизни звуки.
Бойцы стоят, и связаны их руки,
И на веревки льется кровь из ран.
На грани смерти, на последней грани,
Стоят... Не каждый видеть смерть привык.
И деланно спокойно штурмовик
Сказал, держа свой револьвер в кармане:
«Вы молоды, и жаль мне молодых.
Смотрите, как чудесно жить на свете
И как легко остаться вам в живых:
Лишь на мои вопросы вы ответьте».

Тут Николай Поддубный произнес, –
Согласны были все с его ответом:
«Ты нам осточертел, фашистский пес.
Мы – русские, не забывай об этом!»
Такая сила в тех словах жила,
Такая гордость, ненависть такая,
Что до кости фашистов обожгла,
Невольно трепетать их заставляя.

«Мы – русские!» Как видно, этих слов
Они постигли точное значенье.
Захватчиков седьмое поколение,

Они от русских бегали штыков:
Знакомы им и Новгород и Псков,
Запомнилось им озеро Чудское,
И Подмосковья жесткие снега,
И Сталинград, и Курская дуга.
Они в чертах Матросова и Зои
Черты России стали различать.
И опыт им подсказывал опять,
Что не сломить характер тот железный,
Что будут уговоры бесполезны,
Что пытками не победить таких...
Поэтому убили семерых.

IV

Они убили русских семерых,
Аварца лишь оставили в живых.

Вокруг лежат убитые друзья, –
Их кровь, еще горячая, струится, –
А он стоит, как раненая птица,
И крыльями пошевелить нельзя.

На смерть товарищей глядит без страха
Танкист, земляк мой, горец из Ахваха,
Глядит на них, завидует он им,
Он рядом с ними хочет лечь восьмым.
В его душе тревога и обида:
«Зачем я жив? Настал ведь мой черед!»

Враги не знают Магомед-Загида,
Им неизвестен горский мой народ,
Они лукавят: «Русские убиты,
А ты – чужой им, ты совсем другой,
К погибели ненужной не спеши ты».

...Земляк, всегда гордились мы тобой,
И знаю: в это страшное мгновенье
Ты горцев вспоминал, свое селенье,
И реку, что несется между скал,
Ты именем аварским называл.

Но как в твоей душе заныла рана,
Всех ран твоих острей, товарищ мой.
Когда тебе, джигиту Дагестана,

Сказали, будто русским ты чужой!
Ты поднял черные свои ресницы, –
Нет, не слеза блеснула, а гроза!
Сначала плюнул ты врагам в глаза,
Потом сказал им, гордый, смуглолицый:

«Я – русский, я – советский человек,
С убитыми сроднился я навек.
Мы – братья, дети мы одной страны,
Солдаты родины, ее сыны».
Так он сказал тогда, на грани смерти,
Так он сказал врагам, и вы поверьте,
Что ради рифмы к тем словам его
Я не посмел прибавить ничего.

Так он сказал, и выстрелы раздались, –
Как русского, враги его боялись, –
И с выжженной на груди звездой
Упал на землю горец молодой.

V

Они теперь лежат в одной могиле.
Их, восьмерых, захватчики убили,
Убили, не узнав их имена,
Те имена, что свято чтит страна,
Что вывела на мраморе она,
Что матери дают новорожденным,
Что стали песней.

Эта песнь жива,
Она близка аулам отдаленным,
Ее поет Ахвах, поет Москва.
Мы восьмерых танкистов не забыли,
Цветы не увядают на могиле,
Могилы эта далеко видна.

Но те, чья цель, чье ремесло – война,
Те позабыли эти имена.

Они забыли, что живут на свете
Лишь потому, что, жертвуя собой,
Вступили в правый бой танкисты эти,
Земля моя вступила в правый бой.
Они забыли ужас лихолетий

(Они-то ведь скрывались позади!),
Они забыли, эти бомбоделы,
О воинах, свершивших подвиг смелый,
О звездах, выжженных на их груди,
Они забыли стойкость Сталинграда,
Они забыли, кто вступил в Берлин,
Они забыли, что погиб от яда
Их выкормыш – фашистский властелин.
Они забыли о народной силе,
Они забыли нюрнбергский суд.
Они нарочно обо всем забыли,
Но от суда их бомбы не спасут.
Со всех сторон видна моя страна,
Чьим солнцем вся земля озарена.

Повсюду это солнце видят люди,
Повсюду людям от него светло.
Решетки банков и стволы орудий
Слабее, чем его лучей тепло.
Оно пожарища войны сильнее.
Оно сияет детям, матерям.
Есть «Молодая гвардия» в Корее,
Сражается Матросов за Вьетнам!

О дружбе человек не забывает,
Народы не забыли ничего, –
Поэтому-то Сашей называет
Гречанка мальчугана своего,
Француженка зовёт своей сестрою
Ту мать, что миру подарила Зою.
Недаром в европейских городах
Есть площадь русской славы – Сталинграда,
И есть на сельском кладбище ограда –
Хранит земля бойцов советских прах.

В ущельях тесных, рядом с облаками,
Давно живет мой маленький народ.
Он вырос вместе с горными орлами,
Сохою землю он пахал веками,
И пусть не видел от нее щедрот –
За эту землю бился он с врагами.

Захватчикам проклятье до сих пор
Звучит в сказаньях наших древних гор.

Народ мой к русским обратил свой взор,
Россией были спасены аварцы.
Пословицу сложили наши старцы,
И подтвердить ее весь мир готов:
«России люди – правильные люди».

Проверили мы точность этих слов
В дни радостей, сражений и трудов.
Мы никогда, вовеки не забудем,
Что из России счастье к нам пришло,
Что нас взлелеяло ее тепло.

Я буду повторять их неустанно,
Те светлые слова, что произнес,
Смерть презирая, не страшась угроз,
Абдул Манапов, горец Дагестана:
«Мы – братья, дети мы одной страны,
Солдаты родины, ее сыны».
О люди! Не простые те слова:
В них наша правда вечная жива.
Пред смертью их сказал солдат России,
И гордо повторяют их живые.

1951

СТИХИ НА АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

РАСУЛ ХІАМЗАТОВ

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА

Дида лъала эбел цо йикӀунейлъи,
Цогияз кидаго гъей хисунгутӀи;
Амма дир гӀумрудул хӀисаб гъабидал,
Йиго цоги чӀужу цее ячӀуней.
Анкьго сон букӀана, ракӀалда буго,
РикӀкӀадаб магӀарухъ гӀазизаб росуль,
Жийго эбел гӀадин, мацӀ чияр гӀадан

Чияр васасухъ дихъ балагъарай куц.
Гъеб хинаб балаялъ нуха реГана
Киналго гЛумрудул нухазулъан дун.
Кинго кЛочонаро тЕгъ гъунеб гъветГги,
Дир гъажалда лъураб тамахаб кверги.
Вера Васильевна, гЛазизай гълмагъ,
ТЮцебе гЛурус дарс дие цЛаларай.
Къого хасел ана нижер росулье
Москвалдаса мун ячЛаралдаса.
ГЕмераб мех бана, лъачЛо дур къимат,
КигЛан къо бихъараб, къварилъи лъараб.
Къисматалъ щибГЛаги гъабичЛо гурхЛел,
Гъанжеги букЛуна дир ракЛ гъель унтун.
Дир школ бухЛана сардилъ кулаказ,
Дур гордал гъурана гъезул ганчЛаца.
Дагъабги кЛудияб ккезе бахъана, –
Комсомолаца мун гъаюна хвасар.
Хирияй, бищунго бахЛарал сонал
БецЛаб мугЛурул росуль тЛамуна дуца.
БецЛал руччабазул гъерсилал мацЛаз
Гъабихъги корохъги какулаан мун:
БотЛуrol рас бахчизе чохтЛо-кЛаз гъечЛей
Дуде аскЛой ясал ритЛиларилан.
Цогиги рукЛана дозул бугътанал,
БичЛЧи щвечЛел гъезда тЛаса лъугъа мун.
Радал-бакъаниде севаралдехун
Дуца угъулаан панаяб хЛухълел.
Пашманал лахЛзатаз магЛурул росуль
ГЕмераб щолаан дуда ракЛалде:
РакЛ урхъараб Москва, Арбаталъул къватЛ,
ТЛугъдузул тукада дандбитЛараб рукъ,
ТЛинчЛги ун хутЛараб хЛинчЛалда рельълун,
Мун рукъой ахЛулей хЛасратай эбел;
Ва гъельул макъаби маргъабалъ гЛадал. –
ГЛасиял къураби, чЛахЛиял борхълал,
Бидул цЛурул хунжрул ва гъезда гъоркълей
Микъабго рахълълан сверун ккурай мун...
Вера Васильевна, захЛмат букЛана,
Амма дуца кинго кверал рорхичЛо.

Дур каранлъ букІана багъадураб ракі,
Дур рекІель букІана багъадураб къасд.
Мун релълъун йикІана, дир рекІел гъудул,
Бокъун къалде арав рагъухъанасда;
Яги къоабилелъ мугІрузде шварал
БагІарал полказул коммунаразда.
Духъ букІана канлъи, цо кули гурелъ,
Кинабго дунял гвангъизабулелъ.
Россиялъул канлъи, Москвалъул цІва,
Тушбаби риххулелъ, гъудул воххулелъ.
Ва хасалил сардаз квачараб рукъоб.
Мукъсанаб канлъухъе дуца цІалана:
МугІрул лъималаца тІоцере хъварал
Бищунго гІадатал гІурус рагІаби.
Гъеб щибаб рагІиялъ нижер бадиса
Борхана азарил соназул пардав.
Нижеда бихъана партабаздасан
Гъайбатаб гІумрудул гІор швараб чвахи.
Ниж гІуна, гІемерал сонал роржана.
Нижеца гІасиял мугІрул рахана.
ГІазизай эбелалъ кинигин, дуца
Квер босун сапаралъ ниж тІоритІана.
Дуца куркъбал гъурал цІалдохъабаца
ЦІар бугеб лебалаб нух нахъа тана.
ЦІия-цІияб къукъа гІезабулаго,
Дир гІагараб росулъ дур рас хъахІлъана.
Дур цІалдохъабаца-магІарул васаз
Ротаби гъужумалъ цере рачана.
Рейхстагалъул къеда бегІераб хечалъ
«Жал Хунзахъа ругин» гъолбас гъабуна.
Дур цІалдохъабаца, цІумаллъун роржун,
ЦІвабзахъе щезегІан гІавап гъабуна;
Ва океаналъул карачалаби,
Гучал китаз гІадин, рикъизаруна.
Дур цІалдохъабаца – мун чІухІуларищ,
ЧегІер гІорда себе сангар гъабуна,
Ва бецІал росабалъ колхозчагІазе
Коммунизмалъул цІаял ракана.
Дора Москваялъул институтазда

Дарс цџалулел руго дур цџалдохџаби.
Цџороберал рарал гџалимзабазуль
Гџадамаз рикџџуна дур цџалдохџаби.
Гџорхџаби тун кџватџир рекџел цџунулел
Совет дипломаталџь дур цџалдохџаби.
Вера Васильевна, кинаб дуниял
Дур дарсаз рагџараб нижер беразе!
Киб бакџалде швечџел, унго, дур хџанчџи,
Улбузда мугџрул тун кџватџиб бакџ лџачџел!
Амма кир шваниги, щибасул рекџель
Букџуна росуги, хаслихџе мехги,
Керчал гџутџбуздаса гџунеб тџамахги,
Гџџажалда тџад лџураб тамахаб кверги.
Ракџалда букџуна нилџер школа,
Бищун нахџа росуль сунеб дур чирахџ,
Багџараб щакџияль лџурал кџиматал,
Щибасул класгин щибасул парта.
Дол партабазда нахџ гџодорги рукџун,
Гџисин лџимал гџадин, руго ниж урхџун,
Нахџойги цџидасан духџ гџенеккизе,
Цџумур кџабгџизегџан духџ балагџизе;
Доскайлде рахџун дарсал рицине;
Ва масџалабазе жавабал кџезе;
Пушкин ракџалдасан дарран цџализе,
Ва Маяковский такрар гџавизе.
Вера Васильевна, кигџан гџуинго
Гџџанже дур хџакџальуль васаз бицунеб, –
Цџоџа абула урхџарай яцин,
Цџогияз абула эбел йигилан.
Дида лџала эбел цџо йикџунейлџи,
Цџогидаз кидаго гџей хисунгутџи,
Амма киназулго ракџаль абула
Кџиабилей эбел йигин мунилан.

1950

КџУНКџРАБИ

Дида ккола рагџда камурал васал
Кирго рукџун гџечџин, кџанабакџ лџечџин.

Доба борхалъуда хъахИил зобазда
ХъахИал къункърабазде сверун ратилин.
Гъел иххаз, хаселаз, халатал саназ,
Нилъее салам къун, роржунел руго.
Гъелъин ниль пашманго, бутІрулги рорхун,
Ралагъулел зодихъ щибаб нухалда.

Боржун унеб буго къункърабазул тІел,
Къукъа буго чІварал гъудулзабазул.
Гъезул тІелалда гъоркъ цо бакІ бихъула,
Дун вачІине гъаниб къачІараб гурищ?

Къо щвела борхатаб хъахИилаб зодихъ,
ХъахИаб къункъра лъугъун дунги паркъела.
Гъелъул гъаркъидалъун ракъалда тарал
Киналго нуж, вацал, дица ахИила.

ХІамзатов Р. Къункъраби // ХІакъикъат. – 2015. – 8 мая (№ 17). – Гъ. 18.
Гамзатов Р. Журавли: [стихотворение] // Истина. – 8 мая (№ 17). – С. 18.

МАЦІАЛДА ДУР ЦІАРГИН

МацІалда дур цІаргин гІагарав эмен,
Дур васал гъужумалъ рортулел руго.
РакІазда рагъулаб дур буюрухгин,
БахІарзаца тушман хъамулев вуго.

Маххул сангаразги кквеларо гъанже,
Гъаб кутакаб гъужум дур корпусазул.
Тушман чІинтІичІого чІей букІинаро,
КъвакІун цере унел дур аскаразе.

ГІагарав Сталин, дур хІатІил гъаракъ,

Фронталъул мухъчІван рагІула дида.
Солдат шинель ретІун тІаргъида цІва бан,
ЦІадулъан унев мун вихъула дида.

РекІель чаран лъола дур рагІабаца,
Черхалда махх гъола дур пикрабаца,
БахІарчилъиялда рагъде лъугъине,
РухІги яхІги къола дур буюрухаз.

Дур рокъулел васаз цере рилъгъине,
Байбихъи гъабуна дур цІаралдалъун,
БукІина цо заман гъужум лъугІараб,
Гъеб цІаралдалъун бергъенлъи босун.

МацІалда дур цІаргун гІагарав эмен,
Дур васал гъужумалъ рортулел руго.
РакІазда рагъулаб дур буюрухъгин,
БахІарзаца тушман хъамулев вуго.

ХІамзатов Р. МацІалда дур цІаргин // ХІасратаб рокъиги боркъараб ццинги. – Махачкала: Даггиз, 1943. - С. 34.

Гамзатов Расул. С твоим именем на устах...: [стихотворение] // Пламенная любовь и жгучая ненависть.

КЪЕЧ

Дица хъантІун, гІедегІун
Цо бергъараб гІищкъуялъ,
Байбихъана гъекъезе
ГІитІинго, кинидаго.

Гъекъана щибаб къойил
Хъатал цІу-цІун багІарбакъ,
Баккулаго данде ун,
Терхъунаго хадув ун.

Гъекъана хъуби цІу-цІун
ЦІваби дица сардида, –
МугІрул гІохазде вахун,
Аххаде гІорухъе ун.

Гъекъана мугІрул гъава,
Гъогъомараб, бацІадаб.
Гъал дир магІарзул къалал

Гъель рухИзе гъаруна.

Гъекъана хъвалеб гІазу
ГІодобе бачІунаго.
Дир кІугІби сверухъ полоп
Гъель бетизе гъабуна.

Гъекъана ралел цІадал,
Гъез цІилъана дир лугбал.
Гъекъана гъагал цІаял,
Гъез чІух лъуна беразда.

Гъуралги рикъизарун
Гъекъана гъугъай, пири,
Бекараб гъакил берлъун
Гъаб ракъалда чІараб нур.

НакІазде тІадеги пун
Гъекъана хъахІил зобал,
Полпида тІад кІалги чІван
ЧагІа гъекъолеб гІадин.

Нуха унеб мехалда
Иццахъ, лъарахъ ГІодов чІун,
Лъай босилеб куцалда
Гъезул бакънал гъекъана.

Их тІаде гІунтІарабго,
ГІидрабазда науку чІван,
ГІинтІи дица бетІана,
ТІогъол махІал гъекъана.

Гъекъана вельулаго,
Гъекъана гІодулаго,
ГІумруялъ къурал лълъарал –
КъогІалги гъуиналги.

Дица Прагаялъул
Фестивалал гъекъана,
Цинги Хиросималъул
Къварильаби гъекъана.

Гъекъана чагъир гІадин
Дагъистаналъул ихал,
ГІаркъил сурахІи гІадин

Севералъул хаселал.

Дица къоял гъекъана,
Гъимулаго кепалда.
Дица сонал гъекъана,
КъулчІулаго магІугун.

ГъитІинаб мех гъекъана,
ГІолихъанлъи гъекъана.
ГІолохъанлъиги гъанже
Гъекъон бахъунеб буго.

ЦамгІалаб жо батила
Дуниялги гІумруги –
КигІан гІемер гъекъараб
Гъанжеги къеч буссинчІеб.

Гъекъезе бокъун буго,
Мехтизе бокъун буго
Роххелалъгин талихІалъ
Ва дагъаб пашманлъиялъ,

Гъаб бацІадаб гъаваялъ,
Гъал роцІарал зобаца,
Ракълилаб дунялалъул
Даимаб берцинлъиялъ.

Дица гъекъон лъугІулеб
Бакъ, моцІ, тІабигІат гуро.
Дица гъекъон лъугІулеб
Гъаб дирго гІумру буго.

Гъедин букІин лъикІ буго,
Дун хвей бигъаяб буго.
Дица гъекъарал берал
Даимго къанщизегІан.

Гъаб дуниял сверулеб
БугебгІан заманаялъ
Дунялалъул гъайбатлъи
Гъекъон къеч буссинаро.

1959

ГІАХЬВАХЬ

Муса МухІамадовасе

Вильльа дунгун цадахъ
гІахьвалазухъе,

ГІолохъанго ругиш нильгоян
лъае.

Рильльа ТІад Магъилъе тІаргъал
реххизе,
Рохелаль гъоболлъухъ риччалиш
нилъан.

Дида рекІель буго рикІкладисеб
их,
МаркІачІуда росдахъ балагъараб
моці.

Гъелдаса балъго ниж, гІанчІал
гІолилал
ГІахьвахъ цо ригъалъул
рагъдухъе щвана.

Рагъун буго гордо, гордухъ йиго
яс,
Ясаль кечІ ахІулеб буго
хІайранго.

Зобалъул цІвабзазде, харил
тІегъалде,
Хурив данде ккарав цо
гІолиласе...

Керен гІеккана дир гъелъухъ
гІенекун...

Пахьвалаз жидерго цІахІилал
тІаргъал
«ТІаса више, ясай, бокъарав
васин»

Иргадал рехана гордухъа жанир.

Дицаги, гъоболас гъеб гІадат
цІунун,
ГІолилай ясалде салам гъабуна.
Дирги шапка тІагъур шурун
ккун, маян,

Гъитинаб гордухъе хъуризабуна.

Гъоркъоб мех иналде цахИлал
тАргъал

Цорол гордазухъан рехун
рачАна.

Дир шурун бекараб шапка
тАгъурги,

ХЮрихъан къверкъ гАдин,
къватИб кАнцАна.

Къварилъарав дида ясалъ абуна:

Вас, мун гъитИин вугин, цакъ
хекко кканин,

Хадуб миxъ баккигун вакке
гъаниван

Гъеб дурго тАгъургун, гъеб дурго
раКгун.

Дида рекЕлъ буго, нижер васазул

ЦохЮ бетЕралъе тАгъур
батичЮ. –

ТалихАв гЮлихъан, миxъалги
къурун,

Къинч гАдин харана къадахъа
тАде.

Гъев жанив лъугъингун, хал
гъабе, ясалъ

ХантАн къана гордал бакъ
баккизегАн...

Гъоркъор сонал ана: сапарал,
рагъал,

Ралъадал, шагъарал... швана
ГАхъвахъе.

МоцІ балагъун буго гъадабго
росдахъ,

Ясалъул кечІ буго гъадабго
гордухъ.

Гордухъе гЮлилаз рехула
тАргъал,

Дицаги рехана дирго шляпа.

Цогидав харула къдахъа тIаде,
Къварилъарав дида абула ясалъ:
Мун кватIун кканилан,
хъахIлъулев вугин
Борхатаб магIарде гIазу бан
бугин...

ХъахIилаб зодихъан бортун ана
цIва. –
Кибе бортараб мун, дир
гIолохъанлъи!
Я хекко ватула, я кватIун ккола,
Кивего ккечIо дун цо цIараб
гIужда.

1959

АВАР МАЦI

Ноль макиль вихъана, къалда
лъукъ-лъукъун,
Къурда квер чIван унев, бида
вецIун дун;
Къуруги батIальун цеве унаго
Цо лъарал рагIалда гIодов кколев
дун.

Лъар чваххулеб буго чабхил
кIкIалахъан
Лъин кIанцIулеб буго ганчIазда
тIасан;
ТIарамагъадисеб къвал балеб
буго,
Къо лъикIилан дица согIаб
ракъалда.

Дида лъалеб гъечIо лъил ракъ
гъабали,
РагIуларо цо сас сверухълъиялда.
ГIицIго борхалъуда цIумал
ахIдола,
ГIицIго ахалъуда чундул угъдула.

Гъедин холев вуго, хадур гЮдизе
Я гагарлъи гуро, я гъудул гуро.
Берал къанщулелъул тIаде
къулизе
Я йокъулей гъечЮ, я чIужу
гъечЮ.

Гъале, гъеб мехалда,
борхалъудасан
Нухлулазул гъаракъ рагIана дида.
Гъез бицунеб буго ах, хур,
хералъул,
Исана букIинеб магIишаталъул.

Къерхен-роцIеналъул, боцIи-
панзалъул,
Пуланав ХIасанил
сихIирлъиялъул...
Гъел кIалъалел руго нилъер
гIадатаб,
Гагараб, бацIадаб магIарул
мацIалъ.

Дир магIу бачIана бадиса
къватIиб,
Къана данде цаби, вахъана тIаде.
Аваразул калам, гъелъул
камиллъи!
Кинабго черхалда лъикIлъана
ругънал.

Лъаларо, МухIамад, цогиязул иш,
Амма дица дирго рахъалъ абила:
Метер магIарул мацI хвезе
батани,
Хваги дун жакъаго жаниб ракI
къвагъун.

Щай дие къваригIун бугеб
Дагъистан,
Дир гъаракъ бахъани дир
лъималахъа?
Щай, дир магIаруллъи, магIарул
чагIаз

Чияр мацІ бицунѐб жидерго
гъасда?

Щай дие гъал мугІрул, гІурул
рагІалда
Гагараб магІарул кечІ
рагІичІони?
Камилаб гъаракъаль нильѐр
къерилаз
Къурул рагІалда чІун, гъѐб
ахІулеб куц!

Дун кІудияб пикру гъитІин
гъабизе
ГъитІинаб рукІнисан кІалъалев
гуро,
Ва пачалихъазул Ассамблеялда
Авар мацІалъѐ бакІ гъарулев
гуро.

Амма гъал къурабалъ улкаялъ
рарал
Мактабазда гъѐб мацІ малъизе
ккела.
Гъѐб рекъараб буго нильѐр
халкъалда
Черхалда борчараб рачел киниги.

Гъѐб мацІалъ панаяб кечІ
ахІулаго,
Киниги гъулакги кІикІана
нильѐр.
Гъаб мацІалъ рукъоса унеб
мехалда
Нух битІагийилан абуна улбуз.

Гъанже нухалги тун рукъоре
щвейгун,
Щиб, цоги мацІалъиш ниль
гаргадилел?
Дун магІарулазе, гъедин батани,
Бищун ахирияв поэтиш кколѐв?
МахІмудил пасихІлъи, гъасул

ХІасралъи,
Бидуль къаламги ччун гъарурал
кучІдул,
Гъел, нилъер магІарул мацІалъ
книгин,
Киданиги дида ричІчІизе гъечІо.

Бокъула, МухІамад, дие гъаб
дунял,
Дунялалда бищун гъаб нилъер
улка!
Дица кІвараб куцалъ кинабго
рахъалъ
КучІдуль гъеб ахІана, жеги
ахІила.

Ва амма батІаго цоги рокъиялъ
Бокъула гІураб ракъ, магІарул
тІалъи.
Лъаларо кивехун дун хвелевали,
Амма хоб бокъила гъаниб
букІине.

Щиб лъалеб, хабада цересан унел
Цо-цо нухлулаца дир хІисаб
гъабун,
Гъав нилъер Хмамзатил Расул
вугилан,
ХІасратаб магІарул мацІалъ
абилеб.

1959

ЦО-ЦО МЕХАЛЪ УРХЪУЛА

Цо-цо мехалъ урхъула
Цересал умумузухъ,
Йокъарай яс чан гІадин,
Чода тІад лъун хъамурал.

Гъанир чуялги гъечІо,
БецІал сардалги гъечІо,
Йокъулей яс йикъизе

Закональ гъукъун буго.

Цо-цо мехаль урхъула
Цересал умумузухъ,
Гъезул кечI чваххулаан,
Чваххун унеб лъар гIадин.

Гъаниб мегIерги гъечIю,
ГIазуги биунаро;
Дие кечI ГIумрулъунги
Налъилъунги ккун буго.

1960

ГЪИТИНАЙ ШАГЪРИДЕ

Мун щайзе гIодулей, мун щай
гIодулей,
ГIумру жеги лъачIеб гъитIинаб
лъимер?
Дурни эбел йиго, эменги вуго,
Дур киниде къулун киналго руго.

Дир эбел камуна, дир эмен хвана,
Лъица бесдаласде васин ахIилеб?
Гъаб гIумру лъарав дун ккола
гIодизе,
Мун щайзе гIодулей, мун щай
гIодулей?

Мун рекIкIалъ кIвекIичIю, дулъ
жахIта гъечIю
Жеги мун гъерсаца пащман
гъайичIю.
Мун кодой ккун гIадии, рокънялъ
цIурал
Ракъалда панаял кучIдул ахIичIю.

Дидани бихъана тушбабазул
щцин,
Цинги гъудулзабаз гъабун тараб
рекIкI.
Гъаб ракI лъукъарав дун ккола
гIодизе,

Мун шайзе гЮдулей, мун шай
гЮдулей?

Дуда рагъ бихъичЮ, ругънал
ссудичЮ,
Жеги би тинкичИель гЮлеб
магЮ щиб?
Къо саламин абун бачЮна духъе,
Сордо лъикан абун уна гъеб
нахъе.

Дир бахарал вацал рагда
хутана,
БухЮлеб гъаб талъи дида
бихъана.
Балагъал лъарав дун гЮдизе
ккела,
Кинан мун гЮдулей, шай мун
гЮдулей?

Дне жаваб къуна гъитИнай ясаль,
Гъельул мацЦІ бичИчІана щяами
дида,
Гъель абунa: мунин, гъеб кинабго
лъан,
КучИдул хъвалев вугин, чІагого
вугин.

«Дица гъеб чІаголъи кинан
гъабилеб,
Гъадиаб хИнкъараб
дуниялалда?
Гъель гЮдулей йиго, гЮдулей
йиго,
Мун шайзе гЮдулев – дида
лъаларо».

Рагъдаса солдатал руссаян абе,
Сукнодал шинелал дагъ рукъе
абе,
Амма дир мохъал, нуж

Горхъабазда чІа,
ЧухІарал асараз окопал тоге.

Нилъер улкаялда рагІи абун,
АнцІго рагІи абе мацІихъабазде.
Абе цІакъ мухІканго, бухІилеб
куцаль,
Каранзул рекІеда хІунсилеб
куцаль.

Абе ГІаламалда рагІилеб куцаль
ГІужилго, бегІерго, баГІаризабун.
Абе, ма босеян, гьерсихъабазда,
Гъез жодорго килщал хІанчІилеб
куцаль.

Къураб квер хІанчІизе хІадур
ратулел
ХІалихъатал гъезда бихъе букъун
зар...
Рагъдаса солдатал руссананиги,
Солдатасул шинель бахъуге, дир
кечІ.

КЪО ГЪЕЧІО

Вас гъавичІеб къо гъечІо,
КечІ гъабичІеб къо гъечІо,
ЦІад балареб къо гъечІо,
Бакъ щолареб къо гъечІо.
ГъечІо къо рокъи ккечІеб,
Йокъулелда къвал бачІеб,
Къого миллион сональ
Дир гІищкъул улкаялда.

Нилъер къоял, нилъер къоял,
Бакъулалгин цІадалал,
Рокъи гъечІел чаГІазе
Гъадинго арал руго.

ГІазу бачІеб къо гъечІо,
МаГІу тІечІеб къо гъечІо,
Ццин бахъинчІеб къо гъечІо

Кудияб дунялалда.
Гъаниб щин гъукъун буго,
Гъересидуй бакI гъечЮ.
Цо гIищкъу, гIищкъу, гIищкъу, –
Гумру Цадастаналда.

Нилъер къоял, нилъер къоял,
Бакъулалгин цадалал,
Рокъи гъечIел чагIазе
Гъадинго арал руго.

ГъечЮ кьо къварилъичIеб,
ГъечЮ кьо рохел гъечIеб,
ГъечЮ, гъечЮ, гъечЮ кьо
Гъудулалда данд чIвачIеб.

БитIахъе росу бакъуль
Цада гъавунаниги.
Цадастаналдаса чи
Гуро рокъи гъечIев чи.

Нилъер къоял, нилъер къоял,
Бакъулалгин цадалал,

Рокъи гъечIел чагIазе
Гъадинго арал руго.

Цадастаналдаса гIадатав чи

- Мун щив?
- Расул ХIамзатов.
- Киса?
- Цада росульа.
- Дур хъулухъгин хIалтIи щиб?
- ХIасраталъул шагIир дун.
- Дур миллат, мацI, цар, улка?
- Цадастан, рокъи, рокъи.
- Цаларав кив, гIелму щиб?
- ГIищкъул академия.
- Гъудулзаби, гIагарлъи?
- Киналго гIищкъу ккарал.
- Судалде гъоркъе кканищ?
- Рокъул судалде ккана.
- Рагда гъорлъ гIахъаллъанищ?
- Гумруялъ гъенив вуго.

— Дур тушман шив?
— Ццин буго.
— Цоги?
— Гьересигун мацІ.
Гьез кидаго лъукъана
Каранлъ жаниб гьинал ракІ.
— Мун асирлъун вукІанищ?
— Рокьул асирлъун вуго.
— Дие рокьулел кучІдул?
— Цо рокьул, рокьул, рокьул.
— Дие рокьулел харбал?
— Гьадабго рокьул, рокьул.
— Дур хІайранал пикраби?
— Кидаго рокьул, рокьул.
— Дие щвараб шапакъат?
— Холареб рокьи буго.
— Дур хазина, бечелъи?
— Даимаб рокьи буго.
— Дур борхараб байрахъ щиб?
— Панаяб рокьиялъул.
— Гьельул кьер?
— Нусабго кьер
Нур къотІун гьабун буго.
— Байрахъалда хъвараб щиб?
— Рокьи ккарал цолъеян.
— Байрахъалда себе гъа?
— Рокьул улка цІунизе.
— Дур гІумру?
— Гищкъу буго,
Гищкъуялъе ригъ гъеч! о.
Гьедиалщинал руго
Цадастаналъул лъимал.

– Дун гъавураб Дагъистан,
Картаялда — хІанчІил тІинчІ,
ХІасраталъул улка, мун
Щиб картаядла бугеб?
– Дун бугеб карта буго
Каранда гьалдолеб ракІ,

Гъудулалъулги дурги
ДандчІван кенчІолел берал.

– Дие ирсалъе къураб
Инсул тІалъи, мун даим
Цо-до континенталда
Цо-цо керен цун буго.

Дие швараб Цадастан,
Щиб бакІалда мун бугеб?
– Рокъул куркъбал гІатІидал,
Гищкъу гъечеб бакІ гъече.

– Дун гІураб ракъ, дур гІурхъи
ГІораз мугІруз бикъула,
Рокъул улка, дур гІорхъол
ГІаламат, тІабигІат щиб?

– Рокъи, ракъ кинигинан,
Бикъуларо гІорхъабаз;
ГІаламалде швараб бакъ –
Кибего шуцалеп цІад.

– Дир ВатІан дида лъала
Лъидасан кин цІунилеб;
Гищкъу, дур хъаравул дун,
Дида тІадаб хъулухъ щиб?

– ЦІуне, гІураб ракъ гІадин,
Рокъи гъаб дунялалда.
ЦІуне бищун хирияб
Хазина цІогъаздаса.

ПАТИМАТ

Мун ячІана гъитІинай
Гъобол дунялалде,
Данде къана эбелалъ:
ПатІимат, ПатІиматин.

Гъулаказул гъулчиги,
Чвахулеб лъарал кечІги,
КинабГІаги рагъи-тІох:
ПатІимат, ПатІиматин.

Гьоркъоб замана ана,
Дуца гьалал къурана,
Дур гордухъ дун гьардана:
Патимат, Патиматин.

Дица дунял сверана,
Рекел дандерижиял
Дида цадахъ ахидана:
Патимат, Патиматин.

Полел руго, Патимат,
Нилъер гьитинал танчи,
Гъезие гвангъулеб бакъ:
Патимат, Патиматин.

Телхаз рахчулел берал,
Бераз рорхулел телхал,
Толго дунял даим:
Патимат, Патиматин.

БИЦУНГЕ

Бицунге, бицунге, бицунге дие
Берцинал ясазул гурони хабар!
Цогиял рагаби – гьадингоял жал, –
Гъечю дунялалда тлокаб хазина.

Цоги хабар кинаб? – Лъимер тIад гъечIеб,
Гьороца кIикIулеб пашманаб кини.
Кеп кинаб букIунеб, чогърол бакIалда
Чашкаяльуб тIураб хIабургъараб льел?

АхIуге, ахIуге, ахIуге дие
Дунялалда сарин цо рокъул гуреб!
Цогиял саринал маргъаби руго,
Маргъуцин лъикI луро рокъи гъечIони.

Роржанхъулел руго хъахIилал хIанчи, –
ХIасратальул буго гъезул бугеб кечI.
Рохъазда чундузул чапулел бакънал, –
Цоги бакъан, гъечю гIищкъул гурони.

Гуми унел руго океан хъвалхъун,
Угьдулел руго гъел, огъ, дунялан.
Гъезда тIад роржунел самолетаца
Саламалъе рокъул куркъби хъвагIула.

Дирги ракI гьедула хабаль лъезегIан,
Хабар гъабиларин гъаб гIищкъул гуреб.
Хабаде берцинаб гьумер къулани,

Къабге абе къали, пуйзе те зурма,
Свери глатид гъабе гъаб глаламълул!
Горул карачелаз, киналго хланчлаз
КечI ахлеян абе, хъат чIваян абе!

Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Гъанже балагъилин
Щив свакалаян.

Дир каранда лъураб квералъул зарукъ
Боржине къачIараб хIинчIлъун буго ракI.
Цояб квер битIула гIебеде дица,
Дур гъежда тор гъабун гъадин жемилин.
Цояб хIетI малгалда, цояб агъалда,
Уна дун лъедолей дур лъалкIда хадув.

Цо гъаниб, цо доба – цадахъ кIиябго
Дуй накаби чIвала, мутIигIав вугин.

Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Гъанже балагъилин,
Щив свакалаян.

Дур рорхарал кверал, кие йоржуней?
Космосалдейищ мун къачIалей йигей?
Къо лъикI, рокъул гIалам, дуда хадув дун,
Дунял ахада тун, воржина цадахъ.

Цадахъ гъаб гIумруялъ, гъаб гIаламалда,
ГIатIидал рорхатал гъал зобалазда
Къурдилин, йокъулей, нилъехъ хал гъабун,
Херал бахIарлъизе, хварал рахъине.

Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Хъат, хъат, гъарс, гъарс!
Гъанже балагъилин,
Щив свакалаян.

Дица дуге тIагъур бахъулеб буго,
Накъиял риччанте гъанже къурдизе.

ОГЪ, РУЧЧАБИ!

Нуж лъазегІан дир гІумру
Лъарал рагІалда ана.
Нуж лъаралго лъаралъа
Пурулъе кІанцІана дун.
Гъеб гІораль нужер асир,
Унго, киве рехичІев?!
Огъ, руччаби, агъ руччаби,
Унго-унго руччаби!

Нуж лъазегІан дун гъасда
Цеде къулун вукІана;
Нужер цар гъуинлъигун
Цадай кІанцІана пулан.
Гъеб цадуца керен-ракІ
КигІан гІемер бухІараб!..
Огъ, руччаби, агъ, руччаби,
Унго-унго руччаби!

ЛъикІал гъудулзабигун
Нуж сабаблъун вагъана.
Цере дадахъ рукІарал
Дидаса ратІалъана.
НекІо росулел кврал,
Гъанже рукъулел зарал.
Гъай руччаби, гъай руччаби!
Пайда щибха, руччаби!

Нужее гІоло чанги
Гъалмагъзабаз гуккана,
Дица гъелги гуккана,
Гъереси бицинаро.
Амма киназдасаго
Нужер сихІру бергъана.
Агъ, руччаби, огъ, руччаби,
Унго-унго, руччаби!

Абула, рекъечІеб иш
Бугин щакдарийилан;
ЩакдаричІого чІолиц? –
ЧІурканлъи гъел лугбазул!
Добе гъимулеб гъумер,
Гъанир къуркъулел берал,
Вай, руччаби, гъай, руччаби,

Пайда щибха, руччаби!

Цо гьалал гьуршулел куц,
Цо курмул цутулел куц,
Больоде рахунельул
Цо бохдул росулел куц!
Гьечю дий хвалил ургьел
Херльize виччаге дун.
Огь, руччаби, агь руччаби,
Унго-унго, руччаби!

Нужеда ццинги бахъун,
Дирго керен бухана,
Нужехъ ккараб рокьяль
Дирго макьаби чвана.
Нуж цоцада релъларал,
Цинги бати-батыял.
Огь, руччаби, агь руччаби,
Унго-унго, руччаби!

Нужеца дир азарго
Ургьел, рохел хисана.
Нуж дий хисарданин ккун,
Нужее дун хисичю.
Нуж каканаган гемемер
Гицкью ккезе гьабулел,
Вай, руччаби, гьай, руччаби,
Пайда щибха, руччаби!

Анцила микьади дир хиял ккарай,
Дун хадув лъугьарай, кодой щвечей яс,
Кин гьабсаглаталда мун йигей, бице?!
Дида мун кюченчю, дун кючон танищ?

Анцила микьади диде къасд ккарай,
Къисмат хисун ккарай мугрул голилай,
Кин гьабсаглаталда мун йигей, бице?!
Дида мун кюченчю, дун кючон танищ?

Дун лъадигун вуго, лъималгун вуго,
Нужерги нужерго буго хъизан-рукъ,
Ва амма анцила микьабилеб их

Дуда кјочон танищ? Дида кјоченчјо.

Кјочон тана чанги цебехун ккараб,
Кјочон тана чанги хадуб букјараб,
Амма кјочонаро рокјул байбихъи,
Анцила микъида тјоцебе ккараб.

ДАГЪИСТАН

Гуро, гъитинаб гъечјо, гъудулзаби, Дагъистан,
Гъелъул борхалъиялде ваха гъедин абулев.
Аххал тјогъода руго, тјогъал гъаздада руго,
Гатјидаб Каспиялда гъуми лъеделел руго.

Тпадегјанаб,
Тпадегјанаб, гјагараб,
Магјарулазул улка,
Аваданаб Дагъистан.

Йохъ, цо миллион гуро дагъистаниял ругел
Дунялалда гјагарлъи гјунги тјокј буго нилъер
Мугјрул тјокјларал иццахъ океан зигардула
Аваразул васазухъ ясал чанги угъдула.

Гуро, гјамал кјудияб гјадамазул ватјан гъаб,
Амма бетјер даличјо Дагъистаналь лъиего
Гъелъул ччорбаль беролел буго цјакъ машгъураб би
Гъелъул каранлъ къабгјелеб буго цјакъ къварараб ракј.

Къунсрул
Дур надал байданалда
Цјакъ къваридаб кјиги хјор,
Эрменияз Севан къе,
Къеларо гъелъухъги гъел.

Хјоразул тјаралъуда
Рас чјегјераб кјиги цер,
Цоцаде рачјги рехун,
Регун руго гјумруялъ.

Гъел, чјагоял чјвараб ххвел
Гъабун руго, сихјирал,
Сверухъ женжелев вугев
Чанахъан — дун гуккизе.

ХІаразда бугеб гъава,
Гъезда лъала, бичІула,
Яхъая цо кърдизе,
Къижун гъечІо гъел чундул.

Гъел цо къркъудулел куц,
Гъел цо кІичІардулел куц,
Нагагъ дур ц, цин бахъани,
Цо гъел рукІІун унеб куц.

Гъезул ишанаца дун
АхІаравщинав духъе:
Аян дун витІулеб куц,
Цо рас багъаричІого.

Чанги сихІирал цурдул
Руго дунялалда,
Гъаздаган лъикІаб хъулухъ
Лъиданиги батичІо.

ГъутІбузда бусен лъурал
ХІанчІазул жахІта ккела, –
Гъаз бусен лъураб гадаб
СанагаІааб бакІ гъечІо.

Дица гъазул мурадал
Даим тІуразарула,

ТІубараб мурадалде
Дунго щвечІонаниги.

Дуца гъал къачІалелъул
Дир назму разилъула,
Дур хІоразухъ балагъун,
Гъезий баркала къола.

Баркала, цурдул, нужей,
Дир хІорал цІунаралъухъ,
ХІабургъине течІого,
РацІІад гъел хъихъаралъухъ.

Гъеб хІорил лъим гъекъезе
Цо-цо дун вачІаравго,
ВихъичІеб ххвелги гъабун,
Хварал жаллъун чІаралъухъ.

НИЛЪЕР ЦАРАЛ

Нилъер киязулго цо-цо цар буго,
Цунизе умумуз нилъее кѳураб.
Дѳе кѳуна зодой цѳабзахъ балагѳун,
Дие – цѳа бакарал нухахъ балагѳун.

Хадуб гѳаб гѳумруялъ гѳадамаз кѳурал
Гѳемер царал руго батѳи-батѳиял:
Гѳалал кѳурулелѳул дѳуй кѳурал руго,
Чѳу кѳололеб мехаль, дѳий кѳурал руго.

Мун дандѳиваралдаса гѳал гѳадамаца
Гѳащикѳилан абун лѳуна дида цар.
Дун гѳащикѳ ватани, гѳищкѳу мун ѳиго,
Гѳащикѳзаби уна, гѳищкѳу хутѳула.

Дица дѳе кѳучѳдул щѳурулеб мехаль,
Шагѳирилан абун абѳуна дида.
Дун шагѳир ватани, шигѳру мун ѳиго,
Шагѳирзаби уна, шигѳру хутѳула.

Нилъей чанги царал щвана гѳумруялъ,
Гѳадатги, гѳамалги, хѳвадиги бѳихѳун.
Дѳуца дие кѳуна киналго царал,
Дица дѳе кѳуна киналго царал.

Рокѳиялъе киналго
Ригѳал мутѳигѳал руго.
А.С. Пушкин

ДУН ЦИДАСАН ГЪАНЖЕ

Дун цѳидасан гѳанже поѳт лѳугѳана. –
Гѳитѳинав вѳукѳана, нуѳеда лѳала.
Кѳудияб чѳаголѳи гѳечѳонаниги,
Гѳунар дилѳ букѳана рекѳкѳи-макрѳу гѳечѳеб.

Хадѳв дун вачана гѳучаб чѳвахѳиялъ,
Цин вакѳун, цин тѳерхѳун, рохѳоб чан гѳадин.
Цоѳца квер кѳуна карачалабалъ,
Цоѳяз гѳорлъе цѳана гѳанкѳилин абун.

Гѳанѳе дун гѳун вѳуго, гѳорѳула кѳватѳив

Годой кьуличйого вачӀунев вуго.
Доба-гъаниб тункун ругӀнал шваниги,
Дун тарулев гьечӀо, дун чӀаго вуго.

Хун гьечӀо диль жеги некӀсияб рокьи,
НекӀоялде тӀаде жегиги буго.
Гъеб рокьуда рекъон гъаракъ гъабуни,
ГъакӀкӀан кӀалгун дунял хутӀизе буго.

Гъеб гъаракъ дир гьечӀо. Дун – лъукъараб чан,
Чанги тӀухьи буго дир кереналда.
Амма данд къан руго дир цабзас кӀутӀби,
Дихъе квер бегъуге, дунго вильльина.

Дун – цӀидасан гъанже ццидалав гӀащикъ:
ГӀуцӀун буго дица дир рокьул улка.
Полпилаб чваххидаль дун гъорлъе цӀалел
Дица, гъванщаги ккун, тункила цоцаль.

ЦАДАСТАН

Дир бусен, дир гъансито,
Дир хӀасраталъул рогъел,
ТӀоцебе дий ахӀараб
Ихдалил кочӀол гъулак.

Буго мун, Цада росу,
Нусго цӀараки гьечӀеб,
Дур панаяб цагун дун
Дунялалда тирана.

Чваххана цӀад, бана цӀер –
ЦӀорочӀо, кваччӀо дун.
Дур кунчӀиялъ цӀунана
Киналго полюсазда.

Биччай, нильер миллат, мацӀ
Лъалеб батичӀониги.
Лъалеб асар батана
Нусго улкаялда гъеб.

Дир хӀасраталъул вацал,
Цо бакӀалда ратичӀел,
Цо ракӀалъул руго гъел, –

Рекѐль щибжо гьунарѐб?

Гьел рихьун дида лъана,
Дунял цун буго Цада:

Нусго цѐраки гуро,
Нусго миллион буго.

Дир бусен, дир гьансито,
Дир хѐсраталъул рогьел,
Поцебе дий чваххараб
Иххалъул иццул бетѐр...

Гьанже мун гѐтѐилъана,
Гѐщикъзабазул улка...
Дица гьалда цѐр лъуна
Цѐдастанилан абун.

ДУР ЦѐАР

Дида дур цѐар рагѐула,
Гозо бегѐараб хѐинчѐалъ
Горда кѐутѐараб гадин,
Гѐумру, гѐумру, гѐумруян.

Рагѐула гѐаламалъул
Киналѐаги гѐолилал

Гѐищкъу, гѐищкъу, гѐищкъуян
Щѐрщулел ругел гѐадин.

Дида дур цѐар рагѐула, –
Бокъухъе къалъе бакъан,
Къочардулел кѐутѐбузул
Цо тѐагѐамаб сас гѐадин.

Цингиги гьѐб рагѐула,
Хаслихълъидул накѐкѐлал щун,
Хѐхго хур бакѐаризе
Дунго ахѐарав гѐадин;

Хѐалхъи босулеб рокъов
Паракъат вугѐб мехалъ.
Полк чѐараб гѐорхъодасан
Бачѐараб тел кинигин;

НакIкIал хъвалхъун эхеде
Борхун иналде цебе,
Аххада самолеталъ
Гъабулеб хъуй кинигин;

ХъахIилал карачелалъ
Океаназуль регун,
Улкабазул гаванахъ
Гумузул гъаракъ гIадин;

Гъорол къояз рохъазда
ГъутIбузул зигар гIадин,
Нухда унел васазе
Улбузул гъари гIадин.

Цо гъотIода тIил къабе –
ТIолго рохъаз ахIула.
Цо къурда гъецIо речIче –
ТIолго ганчIаз ахIула.

Цо ччугIигIин гIинда чIвай –
ТIолго гIораз ахIула.
ЦохIо нухалда кIутIе –
ТIолго цIурмаз ахIула.

КиналгIаги тункулел
Бокалаца ахIула.
Щибаб лахIзат, секундаз,
ТIолго сагIтаз ахIула.

Сардиль дица шурулеб
Дур цар – дир цIваги цIаги.
Дур цар... лъалхъе, рагIулищ
Гъеб абун, ракI кIетIелеб?!

Рорхатал цIвабзазде сухъмахъал гъарун,
Гъенире ракетал роржаян абе.
Бищун тIадегIанал гIагарал цIваби
Падамазухъе щвей буго дир мурад.

1959

жанра, пожалуй, оно не имеет ничего подобного себе в мировой литературе. Да и только ли жанра?!»

РЕПЕР ТУАРН АЯ ЧАСТЬ

«МОЙ
ДАГЕС
ТАН»

Фра
гменты
из книги
Расула
Гамзато
ва

«Тв
орение
Гамзато
ва не
похоже
ни на
что, что
когда-
либо
доводил
ось
читать.
С точки
зрения

Ч. Айтматов

(Голос за кадром). Мы сегодня будем снова и снова обращаться к книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан». Это самая удивительная книга в прозе, живая и глубокая, самобытная и лирическая, философская и ироничная, мудрая и афористичная. Её называют «лирико-философской энциклопедией малого народа».

Предлагаем всем вместе окунуться в мир сказаний, легенд, притчей, различных историй, воспоминаний, написанных мудрым, лиричным, обладающим тонким юмором автором книги – Расулом Гамзатовым., а также прочитать «Сказки народов Дагестана» своей национальности и поделиться впечатлениями о прочитанном.

О СМЫСЛЕ ЭТОЙ КНИГИ И О ЕЕ НАЗВАНИИ

*О празднике он возвещать нам рад,
Но дремлет в нем и яростный набат.*

Надпись на колоколе

*Был храбрым отец, был правдивым отец до
конца.
Здесь младенец спит, носящий имя отца.
Отцовский кинжал висит в его головах,
Подвиг отца – у колыбельной песни в словах.*

Надпись на колыбели

Две вещи должен беречь горец: свою папаху и свое имя. Папаху сбережет тот, у кого под папахой есть голова. Имя сбережет тот, у кого в сердце – огонь.

В потолке нашей тесноватой сакли много следов от пуль. Друзья моего отца стреляли в потолок из пистолетов: орлы, гнездящиеся в окрестных горах, должны узнавать, что у них родился брат и что в Дагестане одним орлом стало больше.

Конечно, от выстрела, от пули не может родиться сын. Но всегда должна найтись пуля, чтобы отметить рождение сына.

Когда родился я и когда мне давали имя, друг моего отца выстрелил дважды: и в потолок, и в пол. Мать рассказывала о том, как мне давали имя. Я был в нашем доме третьим сыном. Была еще одна девочка, моя сестра, но мы говорим о мужчинах, о сыновьях.

Имя первенца знал весь аул задолго до его появления на свет, ибо по обычаю он должен был получить имя своего покойного деда. Каждый житель аула помнил об этом, и все говорили: скоро в семье Гамзата появится Магомет.

Во двор моего дедушки ни разу не заходило ни одно четвероногое животное, кроме разве собаки да кошки. Едва ли он когда-нибудь спал под одеялом, едва ли он знал, что такое нижнее белье. Ни один доктор в мире не мог бы похвастаться тем, что осматривал Магомета, заглядывал ему в рот, щупал пульс, заставлял дышать его то глубже, то реже и вообще видел его тело. Никто не знал также у нас в ауле точных дат его рождения и смерти. Если верить одному заявлению, написанному, чтобы очернить моего отца, дедушка Магомет немного знал по-арабски. Его-то имя и дал мой отец своему первенцу, моему старшему брату.

Был у моего отца еще дядя, который умер незадолго до рождения второго мальчика. Дядю звали Ахильчи.

— Вот и Ахильчи воскрес! – радостно говорили жители аула, когда родился в нашем доме второй мальчик. – Воскрес наш Ахильчи. Пусть будет к добру, а не к беде, если сядет ворона на его бедную саклю. Пусть мальчик вырастет таким же благородным человеком, каким был тот, чье имя ему досталось носить.

К тому времени, когда нужно было родиться мне, у отца не было уже в запасе ни родных, ни друзей, которые недавно умерли или пропали на чужой стороне и чье имя можно было мне передать, чтобы я нес его по земле с той же честью.

Когда родился я, отец, чтобы исполнить обряд наречения, пригласил в саклю самых почтенных людей аула. Они неторопливо и важно расселись в сакле, словно предстояло решать судьбу целой страны. В руках они держали по пузатенькому изделию балхарских гончаров. В кувшинах была, конечно, пенная буза. Только у одного, самого старого человека с белоснежной головой и бородой, у старца, похожего на пророка, руки были свободны.

Этому-то старцу передала меня мать, выйдя из другой комнаты. Я барахтался на руках старца, а мать между тем говорила.

— Ты пел на моей свадьбе, держа в руках то пандур, то бубен. Песни твои были хороши. Какую песню ты споешь сейчас, держа в руках моего младенца.

— О женщина! Песни ему будешь петь ты, мать, качая его колыбель. А потом песни ему пусть поют птицы, реки. Сабли и пули тоже пусть поют ему песни. Лучшую из песен пусть споет ему невеста. — Тогда назови. Пусть я, мать, пусть весь аул и весь Дагестан услышат имя, которое ты сейчас назовешь.

Старец поднял меня высоко к потолку сакли и произнес:

— Имя девочки должно быть подобно сиянию звезды или нежности цветка. В имени мужчины должны воплощаться звон сабель и мудрость книг. Много имен узнал я, читая книги, много имен услышал я в звоне сабель. Мои книги и мои сабли шепчут мне теперь имя – РАСУЛ.

Старец, похожий на пророка, наклонился над одним моим ухом и шепнул: «Расул». Потом он наклонился над моим другим ухом и громко крикнул: «Расул!» Потом он подал меня, плачущего, моей матери и, обращаясь к ней и ко всем, сидящим в сакле, сказал:

— Вот и Расул.

Сидящие в сакле молчаливым согласием утвердили мое имя. Старцы опрокинули кувшины, и каждый, вытирая рукой усы, громко крикнул.

Две вещи должен беречь каждый горец: папаху и имя. Папаху может оказаться тяжелой. Имя тоже. Оказывается, седовласый горец, повидавший мир и прочитавший много книг, вложил в мое имя смысл и цель.

Расул по-арабски означает «посланец», или, еще точнее, «представитель». Так чей же я посланец, чей представитель?

Из записной книжки. Бельгия. Я – участник встречи поэтов мира, на которую собрались представители разных наций и стран. Каждый выходил и говорил о своем народе, его культуре, его поэзии, его судьбе. Были и такие представители: венгр из Лондона, эстонец из Парижа, поляк из Сан-Франциско... Что поделаешь, судьба разбросала их по разным странам, за моря и за горы, далеко от родной земли.

Всех больше меня удивил поэт, который провозгласил:

— Господа, вы собрались сюда из разных стран. Вы являетесь представителями разных народов. Только я не представляю здесь ни одного народа, ни одной страны. Я представитель всех наций, всех стран, я представитель поэзии. Да, я – поэзия. Я – солнце, которое светит всей планете, я – дождь, который поливает землю, не задумываясь о своей

национальности, я дерево, которое одинаково цветет во всех уголках земного шара.

Так он сказал и пошел с трибуны. Многие аплодировали, А я думал: он прав, конечно, – мы, поэты, ответственны за весь мир, – но тот, кто не привязан к своим горам, не может представлять всю планету. Для меня он похож на человека, который уехал из родных мест, женился там и тещу стал называть мамой. Я не против тещ, но нет мамы, кроме мамы.

Когда у тебя спрашивают, кто ты такой, можно предъявить документы, паспорт, в котором содержатся все основные данные.

Если же у народа спросить, кто он такой, то народ, как документ, предъявляет своего ученого, писателя, художника, композитора, политического деятеля, полководца.

Каждый человек смолоду должен понимать, что он пришел на землю для того, чтобы стать представителем своего народа, и должен быть готовым принять на себя эту роль.

Человеку дают имя, папаху и оружие, человека с колыбели учат родным песням.

В какие бы края ни забросила меня судьба, я везде чувствую себя представителем той земли, тех гор, того аула, где я научился седлать коня. Я везде считаю себя специальным корреспондентом моего Дагестана.

Но в свой Дагестан я возвращаюсь как специальный корреспондент общечеловеческой культуры, как представитель всей нашей страны и даже всего мира.

*О нашем крае всем краям подлунным
Я, как хотелось, рассказать не мог,
С собой носил я полные хурджины,
Да вот беда – их развязать не мог.
И звонкой песни на родном наречье
Я о подлунном мире спеть не мог,
Я кованный сундук взвалил на плечи,
Но сундука я отпереть не мог.*

Перевел Н. Гребнев

— Не повстречал ли в дальних краях нашего человека?

— Нет ли на земле гор, похожих на наши?

— Не было ли тебе скучно в чужой стороне, не вспоминал ли ты наш аул?

— Знают ли там, в других странах, о нас, о том, что и мы живем на земле?

Я отвечаю:

Рассяде

— Откуда им знать нас, если мы сами себя еще как следует не знаем. Нас один миллион. Мы собраны в каменную горсть дагестанских гор. Миллион человек и сорок разных языков...

— Вот ты и расскажи о нас – нам самим и другим людям, живущим по всей земле. В течение веков писали нашу историю кинжалы и сабли. Переведи на язык людей эти письма. Если ты, родившийся в ауле Цада, не сделаешь этого, никто не сделает этого за тебя.

Собери свои мысли в отборные табуны, где скакун к скакуну и худших нет между ними. Выпусти эти табуны на пастбища чистых страниц. Пусть мысли мчатся по страницам, как вспугнутые лошади или как стадо туров.

Мысли свои не прячь. Спрячешь – забудешь потом, куда положил. Не так ли скупой забывает иногда о тайнике, где спрятаны деньги, и теряет их из-за своей скупости.

Но не отдавай своих мыслей и другим. Дорогой инструмент нельзя давать ребенку вместо игрушки. Ребенок или сломает, или потеряет инструмент, или обрежется об него.

Никто не знает повадок твоего коня лучше, чем знаешь их ты сам.

Притча о тропе моего отца. Из нашего маленького аула Цада в большой аул Хунзах есть дорога, по которой ездят автомобили. В Хунзахе – районный центр. Мой отец всегда ходил в Хунзах не общей дорогой, а по своей собственной тропинке. Он ее наметил, он ее проторил, он ходил по ней каждое утро и каждый вечер.

На своей тропе отец умел находить удивительные цветы. Он собирал их в еще более удивительные букеты.

Зимой и справа и слева от тропы он лепил из свежего снега маленькие скульптурки людей, лошадей, всадников. Жители Цада и жители Хунзаха приходили потом любоваться на эти фигурки.

Давно завяли и высохли те букеты, давно растаяли фигурки, вылепленные из снега. Но цветы Дагестана, но образы горцев живы в стихах отца.

Когда я был еще подростком и был еще жив мой отец, мне понадобилось сходить в Хунзах. Я свернул с большой дороги и хотел идти по тропинке, проторенной отцом. Старый горец, увидев меня, остановил и сказал:

— Тропу отца оставь отцу. Ищи себе другую, свою тропинку.

Я послушался старого горца и пошел искать новый путь. Длинной, извилистой оказалась тропа моей песни, но я иду по ней, собирая свои цветы для своего букета.

На этой же тропе мне впервые пришла мысль об этой книге. Задумал – все равно что зачал. Дитя обязательно родится, нужно только выносить его,

как вынашивает женщина плод в своем чреве, а потом в поте лица и в муках – родить. Применительно к книге – написать.

Но имя ребенку можно выбрать до того, как он появится на свет. Как же мне назвать мою книгу? Взять ли мне имя для нее у цветов? Или у звезд? Вычитать ли в других мудрых книгах?

Нет, не буду надевать на своего коня чужое седло. Имя, взятое со стороны, может быть только прозвищем, кличкой, а не именем.

Все это так. Но если ты ищешь заглавие, надо исходить из того содержания, которое ты хочешь вложить в свою книгу, а также из цели, которую ты ставишь перед собой. Папаху выбирай по голове, а не наоборот. Длина струны определяется длиной пандура.

Мой аул, мои горы, мой Дагестан. Вот гнездо моих дум, моих чувств и стремлений. Из этого гнезда вылетел, как оперившийся птенец, я сам. Из этого гнезда все мои песни. Дагестан – мой очаг. Дагестан – моя колыбель.

Тогда зачем долго думать? В горах сыну чаще всего дают имя деда. Книга будет твое детище, а ты сын Дагестана. Значит, имя ей – «ДАГЕСТАН». Да и может ли быть более подходящее, более прекрасное и точное имя?

Страну, которую представляет посол, узнают по флажку на его машине. Моя книга – моя страна. Название – флажок.

У пишущего человека мысли спорят между собой на каждой странице, в каждой строке, за каждое слово. Вот и мои мысли тоже вступают в спор о названии книги – как министры на каком-нибудь международном совещании бросаются в словесную драку, начиная даже с повестки дня.

Итак, один министр внес предложение назвать будущую книгу словом «Дагестан». Второму министру это не понравилось. Раскладывая перед собой бумаги, он начинает возражать:

— Не пойдет. Не годится. Как это можно именем целой страны называть маленькую книгу? На ребенка не надевают папаху отца – голова ребенка утонет в ней.

— Почему не годится? – протестует министр, внесший предложение. – Когда луна плывет в небесах и отражается в морской или речной глади, то и отражение луны мы продолжаем называть луной, а не как-нибудь иначе. Неужели нужно придумывать для этого отражения какое-нибудь другое название? Правда, в сказке лиса, показывая однажды отражение луны волку, убедила серого, что это кусок льда, и волк сдуру прыгнул в реку. Но ведь лиса – известная обманщица и плутовка.

— Не пойдет. Не годится, – упорствует тот, другой министр. – Дагестан – прежде всего понятие географическое Горы, реки, ущелья, родники, даже

моря. Когда мне говорят – «Дагестан», я прежде всего вижу географическую карту.

— Ну нет! – вмешиваюсь я. – Мое сердце до краев наполнено Дагестаном, но оно не географическая карта. У моего Дагестана вообще нет географических и каких-либо других границ. У моего Дагестана нет и последовательного плавного течения из века в век. Моя книга, если я ее напишу, не будет похожа на учебник о Дагестане. Я смешаю века, а потом возьму самую суть исторических событий, самую суть народа, самую суть слова «Дагестан».

Казалось бы, Дагестан – один-единственный для всех дагестанцев. И все-таки у каждого дагестанца он свой.

И у меня есть тоже свой собственный Дагестан. Таким вижу его только я, таким знаю его только я. Из всего, что я видел в Дагестане, из всего, что я пережил, из всего, что пережили все дагестанцы, жившие до меня и живущие вместе со мной, из песен и рек, поговорок и скал, орлов и подков, из тропинок в горах и даже из эха в горах сотворился во мне мой собственный Дагестан.

Из записной книжки. Кисловодск. Нас двое в палате. Я и один узбек. В час заката и в час восхода мы видим в окно обе вершины Эльбруса.

Я думаю о том, что эти две вершины похожи на бритые, покрытые ранами головы двух друзей, бесстрашных мюридов Шамиля.

В ту же самую минуту мой сосед говорит:

— Эта двуглавая гора напоминает мне одного седовласого старца из Бухары, который шел с двумя блюдами плова и вдруг остановился и замер, очарованный открывшимся видом утренней долины.

Из записной книжки. В Калькутте в доме великого Рабиндраната Тагора я видел нарисованную птицу. Такой птицы нет на земле и не было никогда. Она родилась и жила в душе Тагора, она плод его фантазии. Но, конечно, если бы Рабиндранат никогда не видел настоящих земных птиц, то он не мог бы создать и образа своей чудесной птицы.

У меня тоже есть такая чудесная птица – мой Дагестан. Поэтому, чтобы название книги было точнее, нужно назвать ее «МОЙ ДАГЕСТАН». Не потому, что он мой по принадлежности, а потому, что мое представление о нем отличается от представления других людей.

Итак, решено. На обложке будет написано: «Мой Дагестан».

СЛОВО О СКАЗКАХ МОЕГО ДЕТСТВА

Мой отец любил проверять ум и находчивость своих сыновей и задавал нам неожиданные вопросы. Помню, однажды он сидел в овчинной шубе на террасе нашей сакли и рассказывал нам какую-то историю. А на телеграфных проводах сидели ласточки и своим пением прерывали рассказ отца, вернее, не прерывали, а музыкально сопровождали его. Закончив, отец вдруг обратился ко мне:

— Скажи, что старше – песня или сказка?

— Конечно, песня старше, – сказал я, – ее поет мама еще у колыбели. А сказку рассказывают потом, позже.

— А кто тебе рассказывает сказки?

— Дедушка и бабушка.

— А знаешь ли ты, кто старше – мама или дедушка с бабушкой? Вот ласточки поют песню, а эти горы и скалы рассказывают сказки.

— Горы и скалы?

— Да, слушай их. Им тысячи лет...

Седые горы, укутанные синими туманами, говорят, что они когда-то были злыми, огромными аздахами. Драконы эти, аздахи, лишили Аварию водных источников. Но юноша-горец острым мечом убил аздаха, и мертвый дракон превратился в гору. А другого аздаха убила наповал метким и острым словом молодая горянка – дочь бедняка, – так образовалась вторая гора. Был и третий аздах: мои аульчане напустили на него сварливую женщину.

Испугался ее дракон и убежал. И до сих пор, говорят, бежит и не может остановиться. Седые сказки моей Аварии, моего Дагестана!

Сколько мудрости и благородной простоты в них!

В детстве меня будили песни птиц и песни матери. А вечерние сказки моих горных аулов дарили мне сладкие предутренние сны.

Сны быстро забывались, но сказки запоминались навсегда. Не знаю и не ведаю, что появилось раньше – песня или сказка? В моем представлении они – два лебяжьих крыла из сказки моего детства. Только у лебедя, что плавает по озерной глади, крылья одноцветные, белые, а у моего лебедя они будто выкроены из радуги. Не знаю и не ведаю, что появилось раньше – ласточка или пушистый котенок? Но оба они мирно жили в моей сакле, и ласточка своим пением, а котенок своими сказками доставляли мне огромную радость. Песня и сказка одинаково дороги мне. Они – жемчужины разного цвета, нанизанные на единую нить. И порвись нить – рассыплется ожерелье.

Сказочность в поэзии и поэзия в сказках тесно сомкнуты, как кинжал с ножнами. Рассказывают, когда малолетний сын легендарного Шамиля – Джемалутдин, взятый русскими в заложники, через двадцать лет «по милости» царя был возвращен родному Дагестану, то оказалось, что юноша

забыл все: и молитвы, и язык родной, и Дагестан, и его суровые обычаи. Ничто не напоминало этому горцу в шинели царского офицера о родине, и он, выросший на чужбине, рвался в Петербург. Но мать спела ему песню об Аварии, ту самую, что слышал он в колыбели, и в нем проснулась душа горца. Он вспомнил родную саклю, суровые горы, израненные, истекающие кровью аулы, – вспомнил родину. И сбросил юноша с плеч чужую шинель, надел горскую черкеску и попросил у отца кинжал, чтоб сражаться за родной край. Песня матери вернула его родине. Песня матери возродила в нем любовь к свободной бедности горцев.

Мне было года четыре, когда умер мой дед, но я хорошо его помню. Это был белобородый горец с карими живыми глазами, всегда в черной бурке. И, думается, лицо его я запомнил на всю жизнь, оттого что дед рассказывал мне сказки и легенды моих гор. Лица тех, кто в ауле рассказывал мне сказки и пел песни, запечатлены в моем сердце. Но лица тех людей, кто не рассказывал мне сказок, я не могу себе ясно представить, хотя эти люди, наверное, здравствуют и поныне. Помню, когда я слушал белобородых сказителей, мне казалось, не они рассказывают эти удивительные сказки, а горы, древние пещеры, похожие на пасти чудовищ, сама земля и вода, солнце и луна.

Сказки возвращают меня к далекому детству, к родному аулу в Хунзахских скалах. Хунзахские скалы открыли мне большой и волшебный мир своими легендами и сказками о могучих нартах, что заступались за бедный люд, о могущественном Шамиле и о храбром Хаджи-Мурате, о веселом, неунывающем Дингир-Дангарчи, по дождевой струе поднявшемся на небо, и, конечно, о моем горском Насреддине. Он живет в каждом ауле. Находчивость его и остроумие известны всему миру.

О, сказки моего детства! Когда я был маленьким, вы меня лечили от обид и болезней. Когда я нетерпеливо ждал возвращения отца и старших братьев под крышу родной сакли, вы сокращали часы моего ожидания. Когда сам я после долгих странствий спешил домой к близким и родным, вы облегчали мне горные подъемы и спуски. Вы сокращали все расстояния и дарили мне весеннее тепло в зимние звездные ночи. И сейчас, когда я бываю вдали от родины, на душе моей становится легко и светло, лишь только вспоминаю вас. Дни и ночи проходят незаметно, и сердце устремляется к прекрасному; а душа не растает с песней – все эти бесценные сокровища дарите мне вы.

Но не это главное в вас. Вы – бессмертные свидетели богатства мысли, величия цели, красоты и героизма моего маленького народа.

Вы, сказки, можете дать ответ на многие вопросы, которые по сей день волнуют каждого писателя. Как ни в одном жанре, сочетаются в вас стройная простая композиция с глубоким идейным содержанием, вымысел – с действительностью, поэзия – с прозой, высокая романтика – с трезвым реализмом, национальное, самобытное – с общечеловеческим, традиция – с новаторством. Вы – самый старый и в то же время самый современный жанр. После вас для меня ничто не ново в нашей литературе. А какая образность повествования живет в вас, какая краткость и точность! Вы рассказываете об одиноком бедняке и сравниваете его с одинокой тучей в ясном небе, с копной дыма, что оторвалась от дымоходной трубы и задумчиво повисла над саклей. Радость и восхищение вы уподобляете белым цветам, которые пробиваются из-под снега. Да, аварцы еще с давних пор умели удивительно образно мыслить, хоть и не умели читать и писать. Они создали и сберегли для поколений гениальные произведения, отражающие их дух и характер.

Перед юными горцами, чтобы проверить ум и находчивость, ставили три условия: разрубить тупым топором пень, вспахать каменистый горный склон и, конечно, рассказать три сказки. Последнее из этих условий было поставлено и передо мной в мою первую встречу с незабвенным и бесконечно дорогим Самуилом Яковлевичем Маршаком. Он попросил меня рассказать какую-нибудь аварскую сказку. И я рассказал о Дингир-Дангарчи. Самуил Яковлевич раз десять повторил это имя

— Дингир-Дангарчи – и сказал, что хорошо бы написать для детей книгу о Дингир-Дангарчи.

Самуил Яковлевич считал сказки творениями удивительных людей.

Кто же эти удивительные люди?

Никогда не принимал я и не приемлю соавторства в литературе, впрочем, как и в музыке, и в живописи. Я склонен сравнивать каждого художника с отдельным ульем, державой. Но сказки – это творение всего народа, мыслящего едино. Творение земледельца и мельника, каменщика и золотых дел мастера, гончара и лесника. Это творение безымянных писателей и философов. Сказки созданы и верой, и мечтой, и мудростью, и подвигом, и печалью, и радостью. В них отражена история народа.

– Сказки, скажите мне, где и когда вы родились? Я уверен, вы родились у очага в бедной сакле, у костра чабана. Недаром простого мельника с запорошенными мукой усами вы превращаете в падишаха и, наоборот, падишаха – в мельника, а подвиги совершают простые, незаметные люди. Они, эти люди, – творцы сказок. Во дворах не слагали сказок живущим, там они были не нужны. Не в упрек будет сказано имаму Шамилю, даже он говорил: «Мы горцы, мы все время воюем. Нам некогда заниматься песнями

и сказками. Пусть наши недруги сочиняют о нас песни и сказки, лязг наших кинжалов и звон наших шашек дает им богатый материал!»

Печальной была судьба многих певцов и сказителей в прошлом.

За песню зашили рот певице-сказительнице Анхил-Марин, ослепили Саида Кочхюрского, сослали в Сибирь Ирчи-Казака. Из-за угла убили Махмуда, пытались отравить молодого Эльдарилава. Но песня и сказка бессмертны, как бессмертна сама жизнь.

Печальна была в прошлом судьба всего моего народа, создавшего эти сказки. Дед мой, бывало, говаривал: «Младшим везет только в сказках». Он имел в виду прошлое аварского народа, который теснили со всех сторон, обрекая на вымирание. Но пришла пора, и малые народы стали рядом с большими, как братья. Это Ленин через Октябрь отыскал для людей верную дорогу, и на нее ступили народы Страны гор. Недаром в горской песне поется о Ленине:

Ты первым пришел и людьми нас назвал,
И оружие победное в руки нам дал.

Иные думают, что сказки устарели и как жанр изживают себя. Нет, жанр сказки никогда не устареет и никогда не умрет. Ибо не иссякает и не умирает в сердцах людей мечта. И всегда народное творчество будет оказывать влияние на развитие литературы, на произведения писателей. Конечно, есть писатели, которые, как телята, ни на минуту не отпускают вымя коровы – фольклора, а есть и такие писатели, которые строят мельницу там, где нет воды, – в стороне от народного творчества. Ошибаются и те и другие.

Только тогда в полную силу зазвучит слово, когда в нем соединится индивидуальность автора с самобытностью его народа. Нельзя отрывать от того, что создано народом на протяжении тысячелетий, как нельзя строить мельницы там, где нет воды. Сказки как жанр, созданный народом, – великий и бессмертный источник, откуда мы черпаем свои произведения.

Слов *****

Время! Из дней складываются годы, из лет – века. Но что же такое эпоха? Складывается ли она из веков? Или из лет? Или может стать эпохой и один день? Пять месяцев стоит дерево, покрытое зеленью, но одного дня, одной ночи хватает, чтобы все листья сделались желтыми. И наоборот. Пять месяцев стоит дерево, голое и черное, как уголь. И одного теплого светлого утра хватает, чтобы оно покрылось зеленью. Одного радостного утра хватает, чтобы оно зацвело.

Есть деревья, которые от месяца к месяцу меняют свой цвет, и есть деревья, которые никогда не меняют цвета.

Есть перелетные птицы, которые мечутся по земному шару в зависимости от времени года, и есть орлы, никогда не изменяющие своим горам.

Птицы любят лететь против ветра. Хорошая рыба плывет против течения. Настоящий поэт, когда ему велит сердце, восстает «против мнений света». Из записной книжки. Есть у меня один друг – аварский поэт. В прошлом году вышла новая книга его стихотворений. Все стихи в книге он распределял по разделам, словно по комнатам в своей городской квартире. Вот политические или, скажем, гражданские стихи – кабинет; вот интимные, любовные стихи – спальня; вот разные, общие стихи — гостиная; вот стихи о сельском хозяйстве, о хлебе, о чабанах... – не знаю, куда отнести эти стихи – разве что к кухне?

И разве не прав оказался певец, приехавший с гор в Махачкалу на состязание дагестанских певцов? Наш поэт, раскладывая стихи по полочкам, попросил певца спеть по одному стихотворению из каждого раздела. Певец настроил кумуз, несколько минут помолчал, как бы собираясь с мыслями, и запел. Пел он долго. Все испугались: если это из одного раздела, а их всего четыре, то когда же он кончит петь? Но вот певец замолчал и остановил ладонью звучание струн. Продолжения не последовало. Оказывается, он в одну песню собрал главные мысли и главные чувства поэта. Поэт спросил у певца, зачем же он так сделал.

— Друг, – ответил певец, – вот мой кумуз и вот на нем три струны. Я не могу сначала играть на одной струне, потом на второй, потом на третьей.

Еще о теме. Может быть, не все знают, что жил горец, который носил новые сапоги и очень боялся их запачкать. Он ходил только на носках. А однажды он попал в самую грязь, где ему было бы по колено. Бедняге пришлось встать на голову.

СКАЗКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Страну Шамиля, страну поэтических преданий, поразивших ещё Льва Толстого, страну Сулеймана Стальского, Эффенди Капиева, Расула Гамзатова знают все. Сказки передавались от поколения к поколению. Сюжеты сказок интернациональны, но проявляются они в национальных формах: в них волшебный мир образов, жизнь и быт горцев и, конечно, есть наставление и мораль, которая учит быть не жадным, а щедрым, не злым, а

добрым, честным и смелым. Читайте сказки своего народа и познавайте пестрый и самобытный мир дагестанцев.

Медвежий сын (аварская сказка)

Были не были человек и старая матёрая медведица. Был у них сын. Сила у него была медвежья, ум человеческий. Когда сын подрос, человек сказал:

– Хочешь ли уйти из звериной пещеры и побывать среди людей?

– Хочу, – ответил сын.

– Если хочешь, тогда скажи матке, чтобы она на ночь легла у края пещеры, а нас уложила спать в глуби.

Пещера была над обрывом, человек ночью толкнул зверя, и медведица разбилась.

Наутро отец и сын бежали в родной аул. Сын подрос, стал еще сильнее и однажды просит отца:

– Хочу я странствовать по свету, отец. Раздобудь мне железную палку толщиной с дуб.

Пошёл отец к кузнецу, а кузнец удивился: да кто ж, – говорит, – мне такую махину на наковальне разворачивать будет?

– Я буду, – сказал юноша.

Кузнец только диву даётся, – там, где и десятерым не под силу, медвежий сын железную дубинку одним пальцем ворочает.

С железной дубиной в руках и пошел медвежий сын по белому свету, себя показать и людей повидать.

Перевалил он свою гору, обошёл чужую, приходит в незнакомый аул. Увидел на краю аула старуху и спрашивает:

– Как у вас, бабушка, здесь прохожих размещают – по богатству или по очереди?

– Нет у нас ни ваших порядков, ни соседских. Если не погнушаешься, поживи у меня. Только знай, – нет у меня ни подстилки, ни покрывала.

– Ну, это для меня не беда, – отвечает медвежий сын, – была бы спина, а где её положить – место найдётся.

Переночевал медвежий сын, поблагодарил старуху и спрашивает:

– Нет ли у тебя какой нужды, бабушка?

– У меня нет, а вот в ауле беда, – отвечает старуха, – повадился к нам змей-аждаха, с каждого дома девушек уводит. Хан все свои богатства и дочь в придачу обещал тому смельчаку, кто сумеет отбить её у аждахи.

– Я отобью, – говорит медвежий сын. – Сходи, бабушка, к хану, скажи, что есть у тебя маленький, оборванный, шелудивый гость, – он, мол, берётся отбить твою дочь у аждахи.

– Что ты, сынок, – отмахивается старуха. – Если хану будешь служить – аждаха убьет, аждаха пощадит – хан казнит. На силу сильных твоей силы не хватит.

– Хватит, бабушка, – смеётся медвежий сын, – иди скорей к хану. Обещай ему спасти его дочь.

Хан, как услышал от старухи о её шелудивом госте, рассердился и хотел тут же казнить её, а потом подумал: и старуха, и её гость от меня не уйдут, дай сперва испытаю его.

А хан смельчакам, которые брались спасти его дочь, предлагал такое испытание: ставил на столы двенадцать бараньих туш и двенадцать подносов хлеба; если съел – значит, есть у тебя сила идти на аждаху, нет – голова с плеч!

Не успели поставить перед медвежьим сыном нартовский обед, как он всё съел, ещё попросил.

– Вот этот человек, может быть, и спасёт мою дочь. Дайте ему вдоволь припасов и молодецкого коня.

Сел медвежий сын на коня, закинул за плечо свою дубинку и отправился в путь. Только, где живет аждаха, никто ему не мог указать, – все боялись.

Проехал медвежий сын огромный лес, за лесом увидел большое селение, а на краю селения оборванную старуху.

– Здравствуй, бабушка! Как у вас здесь проезжих людей размещают – по богатству или по очереди!

– Нет у нас ни ваших порядков, ни соседских, – отвечает старуха, – если ты хочешь, я приму тебя к себе.

Приняла старуха гостя, начала месить для него толокно, а медвежий сын диву дивится – старуха в толокно воду не льёт, а лишь месит его да поплёвывает.

– Что это у вас за порядки такие? – спрашивает медвежий сын.

– Видишь ли, сынок, – отвечает старуха, – нам и воды взять неоткуда,

– занял наш родник аждаха и, кто ни подойдёт, того и убивает.

Обрадовался медвежий сын, что нашел, наконец, аждаху и говорит хозяйке:

– Дай-ка мне скорее кувшин, я принесу воды. Увидел аждаха незнакомого человека, пустил к воде.

– На первый раз – пригрозил, – так уж и быть прощу тебя, как кунака! Принес медвежий сын воду домой, замесила хозяйка толокно, а остатки воды на радостях пошла продавать по селению.

На утро по всем домам пошел слух, что появился герой, который не боится ходить к роднику. В этот день в ауле была свадьба сына шамхала. Вот шамхал приходит к медвежьему сыну и просит:

– Принеси и мне кувшин воды с родника, а за это я тебя, хочешь ли сидящего – золотом засыплю, хочешь ли стоящего – серебром.

– Не нужно мне ни серебра, ни золота, – говорит, медвежий сын. – Пришли ко мне своего человека с кувшином, я с ним пойду к роднику.

Увидел аждаха медвежьего сына со слугой шамхала, говорит:

– Ещё раз пропущу тебя, незнакомец, а третий раз придешь, – берегись!

Медвежий сын проводил слугу во дворец шамхала, а затем взял свою дубинку и пошёл на аждаху. Из рта аждахи пошёл дым, из глаз посыпались искры, но медвежий сын не испугался, взмахнул дубиной и отбил аждахе все девять голов. Кинулся медвежий сын в пещеры, где жил аждаха, а там никого нет, – это, оказывается, другой аждаха крал ханских дочерей.

На следующий день слуги шамхала увидели отшибленные головы аждахи, захотели выслужиться, прибежали к шамхалу и сказали, что они убили аждаху.

Пришел шамхал к роднику, а народ уже собрался там и говорит слугам шамхала:

– Если это вы убили аждаху, так поднимите хотя бы одну его голову. Никто из них не смог даже с места тронуть ни одну голову.

Тогда народ сказал: что аждаху победил, наверно, человек, который до этого два раза ходил к роднику.

Шамхал послал спросить приезжего человека, а он только зевает: где уже мне справиться с аждахой; я человек, уставший от работы, не мешайте мне спать!

Слуги шамхала сказали, что раз человек говорит, что он слабей аждахи, зачем и приставать к нему, но шамхал всё-таки приказал, чтобы приезжий явился к роднику. Пришлось медвежьему сыну прийти. Он легко поднял голову аждахи одним пальцем, и весь народ удивился. А шамхал убил своих слуг за обман и сказал медвежьему сыну:

– Выбирай, что хочешь, только иди ко мне на службу!

– Ничего мне от тебя, шамхал, не нужно, – сказал медвежий сын. – Я человек, уставший от работы, – поеду, отдохну.

Тогда народ разошелся, а медвежий сын со своей железной дубинкой отправился искать того аждаху, который увёл ханскую дочь. Свою гору перевалил, чужую гору обошёл, переправился через реки Ин да Дин, оставил позади шипучие водопады и дремучие леса и доехал, наконец, до густого орешника.

Сорвал медвежий сын орехов и вдруг слышит крик аждахи:

– На первый раз, незнакомец, я тебя прощаю, но ещё раз появишься в моих садах – берегись!

Медвежий сын ничего не сказал, посмотрел вокруг, увидел, что здесь нет ханской дочери, и поехал дальше.

Снова попались ему на пути шипучие водопады и дремучие леса, а за ними – огромный сад.

Только нарвал медвежий сын абрикосов, да хурмы, как услышал:

– И второй раз я тебя прощаю, незнакомец, но в третий раз появишься – берегись!

Медвежий сын увидел, что и здесь нет ханской дочери, и поехал дальше.

Опять он миновал и шипучие водопады, и дремучие леса и попал в огромный богатый виноградник. Рядом было озеро, а в озере – аждаха. На берегу озера сидела ханская дочь и горько плакала.

Медвежий сын наелся вдоволь винограда, а ещё больше потоптал.

Аждаха расвирепел. Из пасти его пошли клубы дыма, из ноздрей завихрились столбы пламени, и над озером потянулись горячие облака. Медвежий сын бесстрашно вышел навстречу аждахе и ринулся в бой. Он схватил аждаху за шею, окунул под воду, чтоб погасить пламя, и задушил змея.

Посадив позади себя на седло дочь хана, медвежий сын вернулся в родные края. Обрадованный хан в этот же миг, словно с потолка достал кадия, словно из дверной задвижки раздобыл муллу, точно из отверстия оси посыпались муталимы, – и обвенчал свою дочь с медвежьим сыном. Свадьба была веселая, и продолжалась она целый месяц.

За весельем и не заметили, как пришла к концу осень и надвинулась зима. Хан приказал поскорей заготовить дров на зиму. Слуги хана собрали ослов и мулов, навьючили на них мясо и хлеб, собрались в лес за дровами. Медвежий сын узнал об этих приготовлениях и сам решил пойти в лес.

– Куда тебе, – сказал хан, – а что же будут делать тогда мои слуги! Сиди себе дома!

Но медвежий сын не согласился, поехал со всеми в лес. У опушки он присел, набрался сил, съел четыре туши мяса и четыре мешка хлеба, собрал упряжь со всех ослов и мулов, пристроил её себе на плечи и направился в лесную чащу. Поспав там до полудня, он после полудня выбрал сто самых больших и крепких дубов, вырвал их с корнем, связал, взвалил себе на спину и отправился к дому хана.

Дошел медвежий сын до ворот и видит, что с деревьями ему в ворота не пройти.

Поднатужился, – не прошёл, ещё раз поднатужился – и огромные, из белого камня ворота рухнули.

Хан выбежал на шум из дома и видит – во двор тащится целый лес.

Хан испугался. Что же это такое, подумал он, если этот человек рассердится, он одним ударом убьет и всех моих слуг и меня самого. И хан решил придумать медвежьему сыну поручение в такое опасное место, откуда бы он вовек не вернулся.

Вот однажды хан и говорит:

– Послушай, медвежий сын, сослужи мне службу!

– Охотно, мой хан, – отвечал медвежий сын, – куда прикажешь отправляться?

– Видишь ли, медвежий сын, в том лесу, куда ты ходил за дровами, живёт одна ужасная карт-людоедка. Она должна мне тысячу золотых. Не пойдешь ли ты за этим долгом?

– Почему же не пойти, – отвечает медвежий сын, – с удовольствием пойду.

Пришел он к карт и говорит:

– Ассалам алейкум, карт!

– Ва алейкум салам, медвежий сын. Если бы не твое уважение и не салам алейкум, сейчас же раздела бы тебя и бросила себе в рот.

– Не хвастай, карт, по-пустому, – сказал медвежий сын. – Лучше доставай свою казну и отдавай хану долг!

– Какой долг? – рассердилась карт.

– А тысячу золотых, – отвечает медвежий сын. Карт-великанша начала кричать и звать своих слуг, а медвежий сын схватил её одной рукой, да так придавил, что она не могла даже и пошевелиться.

– Ладно, – хрипит, – получай свою тысячу золотых!

Взял медвежий сын золото и пошёл домой.

Когда медвежий сын сумел вырвать у страшной карт несуществующий долг, хан стал еще больше бояться его. Думал он, думал, как бы избавиться от медвежьего сына, и говорит:

– Сделай милость, медвежий сын, я так болен, что меня может вылечить только та вода, что находится за семью горами, между двумя всё время сталкивающимися скалами. Не можешь ли ты принести мне эту воду?

– Отчего же не принести, – сказал медвежий сын, – с удовольствием принесу.

Выехал медвежий сын в путь и скоро прибыл туда, где две скалы всё время сталкивались и бились друг о друга. Только стал подходить медвежий сын к скалам, одна из них заговорила:

– Берегись, медвежий сын, не подходи к нам, – жалко мне твою молодость.

Медвежий сын и ухом не повёл и ещё ближе подошёл к скалам. Тогда они ещё грознее и быстрее стали сходить и расходиться, даже быстрая ласточка не успела бы проскочить между ними. Медвежий сын не побоялся, упёрся руками и не дал скалам сойтись, как они ни сердились. Так он набрал воды и повёз её хану.

Когда и на этот раз медвежий сын вернулся живым, хан от испуга вскричал:

– Ради Аллаха, уезжай ты из моей страны, оставь нас в покое! Бери всё, что хочешь, бери все мои богатства, всё ханство, – только уходи.

Медвежий сын говорит:

– Глупый ты хан. Не нужно мне ни твоего богатства, ни ханства, – я и сам давно хотел уйти от тебя.

Покинул медвежий сын ханский дворец и вернулся в свой отцовский аул. Там он и сейчас живёт и привозит лес на зиму всему аулу.

Примечание [A1]: ички поэзии

Сказка о Кара-Катыре

(кумыкская сказка)

Маленький Кара-Катыр был сыном рабыни. Его отец был хан, но у этого хана душа была так черна, что её никто бы не взялся ни мылом отмыть, ни ножом отскоблить, Родная мать Кара-Катыра давно умерла, а у мачехи душа была ещё чернее ханской, и маленький Кара-Катыр всегда был голоднее и грязнее самого последнего человека в ханском дворце. Потому-то его и прозвали так обидно: Кара-Катыр. Все знали, что это значит Чёрный ослёнок или грязный ослёнок – это ведь одно и то же.

В один из дней хан с чёрной душой отправился в поход. Навоевался он вдосталь и, когда стал для соседей страшней, чем самый страшный кот для мышей, решил вернуться домой. Ханские нукеры гнали впереди табуны лошадей, груженных добычей, а хан ехал сзади, глядел на дымящиеся города, которые он превратил в груды развалин, на огромные сады и поля, которые стали теперь принадлежать ему, и думал: «Эх, почему у меня нет других детей, кроме этого никому не нужного Кара-Катыра!

Было б у меня сорок сыновей, – в сорок раз больше взяли бы мы добычи.

В сорок раз больше людей!

В сорок раз больше коней!

Только размечтался так хан, как вдруг споткнулся под ним испуганный конь и точно из земли вырос рассерженный аждаха.

– Эй, хан! Твой конь наступил мне копытом на палец. Выбирай теперь одно из двух: или коня, отдавай, или лучшее из того, что дома не знаешь!

Жалко стало хану коня, и он обещал то, о чём ещё не знал. А, оказывается, не знал хан о том, что как только он уехал из дому, жена подарила ему сорок сыновей. Они были так же черны душой, как и сам хан, и с нетерпением ожидали отца, чтобы вместе идти в набег и быть в сорок раз страшней для врагов.

Когда хан узнал об этом, ему стало жалко отдавать аждахе то, о чем он мечтал. Поэтому ханша приказала слугам привести Кара-Катыра, умыть его, одеть получше и выдать за одного из своих сорока сыновей.

Но аждаха заметил обман. Он рассердился и в ярости вонзил кинжал в гранитную скалу, на которой высился дом хана, а Кара-Катыра всё-таки увел с собой.

И вот, как только они ушли, хан почувствовал, что с ним творится что-то ужасное. Из гранитной скалы, пронзенной кинжалом, стала капать самая настоящая кровь, а хану казалось, что это он ранен ножом и что это у него льется кровь. Ему было больно, и он кричал, чтобы поскорее вытащили

кинжал из скалы, но никто не мог этого сделать, и даже самым сильным людям не удавалось шевельнуть клинком.

Тем временем аждаха решил разделаться с сыном обманувшего его хана.

– Давно уже, – сказал он Кара-Катыру, – я хотел жениться на красавице Бермес – дочери Алмас-хана. Иди и найди её для меня.

Всякий, кто хоть краем уха слышал о красавице Бермес, понимает, конечно, что аждаха послал Кара-Катыра на верную смерть. Найти хана и его дочь не может никто. Недаром и зовут их так: Алмас и Бермес. Если назвать иначе, получится: Неведомая дочь и Невиданный хан. А попробуй-ка найди того, кого никто не видал, и приведи ту, о ком никто не ведал!

Бедный Кара-Катыр знал об этом. Но послушаться аждаху нельзя, и он не сказал ни слова и пошел за дочерью хана Алмаса в сторону, куда заходит вечером солнце.

Он шёл так долго, что у него совсем износились башмаки, и сам он стал ещё тоньше и невзрачней, чем прежде. В сумрачном песчаном краю, в котором очутился Кара-Катыр, не было ничего живого и из земли торчали только несколько кустиков колючей тобургу да сухой обгорелый пенёк.

На душе у Кара-Катыра было тоскливо. Он был самый одинокий и самый несчастный мальчик на свете.

В отчаянии он подошёл к обгорелому иссохшему пню, обнял его и заплакал:

– Эх, старый кривой пенёк! Ты такой же чёрный и некрасивый, как и я. И никому мы с тобой не нужны.

Он поцеловал обрубок дерева, и тогда к его изумлению вокруг стало светлее, чёрный обгорелый пенёк превратился в столетнего доброго пастуха, а колючие кусты тобургу стали овечками. Они радовались освобождению, резвились на воле, хватали губами песок.

– Здравствуй, Кара-Катыр, – сказал старый чабан. – Ты добрый и хороший мальчик, и я хотел бы помочь тебе. Какие заботы печалят тебя?

– Салам алейкум, дедушка! – почтительно ответил Кара-Катыр. – Я ищу Бермес, дочь Алмас-хана.

И он рассказал пастуху, как плохо жил он у своей мачехи, как попал к аж-дахе, и как послал он его туда, откуда ещё никто не возвращался.

– Не горюй, Кара-Катыр, – сказал старик, – ты вернешься домой. Будь только таким, как до сих пор, постарайся понравиться пяти моим сыновьям, с которыми ты скоро встретишься, и на обратном пути обязательно побывай у меня. А теперь – прыгай поскорей через пенёк и иди за своей Бермес.

Он снова стал пенёком, мальчик прыгнул, и пенек и кусты тобургу вдруг исчезли, вокруг появились деревья и птицы на них, а сам Кара-Катыр очутился на берегу ручья и чуть не закричал от восторга – такой он вдруг стал сильный, рослый, красивый. Это он сам себя, точно в зеркале, увидел в воде.

Кара-Катыр пошел вниз по ручью и вскоре увидел похрустывающую жерновами мельницу и гладкое озеро, отделенное от реки плотиной. На берегу озера лежал обсыпанный мукой мельник и, фыркая и отдуваясь, глотал воду целыми бочками.

Ещё немного, – и он выпил бы всё озеро до капли. Но тут Кара-Катыр заметил в воде ветку шиповника с тысячью острых колючек. В одно мгновение юноша очутился в воде, откинул ветку и, мокрый, запыхавшийся, выскочил на берег.

– Здравствуй, мельник, – сказал он, улыбаясь, – ты мог поцарапать себе горло шипами.

– Алейкум салам, богатырь, – ответил мельник. – Спасибо тебе за услугу.

Кара-Катыр сперва даже не понял, кому это ответил мельник, никто ведь не называл его богатырем, – всё ослёнок, да грязный Катыр. Но мельник говорил ему, и Кара-Катыр понял, что это и есть один из пяти сыновей доброго пастуха. Беседуя, они понравились друг другу, и мельник решил проводить своего приятеля до дворца Алмас-хана.

Когда они выходили из леса, Кара-Катыр заметил охотника, целившегося в орла. Это был такой ловкий птицелов, что он в один миг и совсем незаметно умел связать волоском ноги двух быстро летящих сорок, а стрелой с первого же раза и с любого расстояния мог попасть даже в муравья. Но сейчас ловкости охотника мог наступить конец, потому что сзади подползала змея, и он её не видел. Не раздумывая, Кара-Катыр бросился вперёд, оттолкнул охотника и задушил змею.

– Спасибо тебе, богатырь, – сказал стрелок.

– И от меня спасибо, – добавил мельник. – Это ведь мой младший брат.

Все трое были довольны и решили продолжать путь вместе. В степи им повстречался странный пастух. Он скакал только на одной ноге, так как другая у него была заткнута за пояс, но даже и на одной ноге пастух бежал так быстро, что на ходу умудрялся доить самых быстрых оленей. Оказывается, если б одноножка стал и на вторую свою ногу, он перегнал бы и косуль, и ветер, и всё что угодно. Занятый своими оленями, бегун не заметил, как сбоку наперерез ему мчался дикий кабан с огромными острыми клыками. Ничто, казалось, не могло уже спасти одноножку, но Кара-Катыр успел выхватить нож и метнул его зверю в самое сердце. Олений пастух остановился и сказал:

– Да будет удача тебе, богатырь. Спасибо, что спас меня от дикого зверя.

– И от меня спасибо, – сказал охотник. – Это ведь мой младший брат Бегунок.

Кара-Катыр обрадовался, а Бегунок присоединился к друзьям, и их стало четверо. К вечеру они увидели человека, который, приложив ухо к земле, вслушивался во что-то, но тщетно, так как над головой его звенел комар.

Кара-Катыр на лету поймал комара, и человек послушал еще немного, а потом сказал:

– Спасибо тебе, богатырь! Наконец-то я расслышал слово, которое хотел мне сказать с другого конца земли мой приятель.

– И от меня спасибо, – сказал Бегунок.

Оказывается, это был его младший брат – Соловьиные уши. Друзья взяли его с собой, и пошли вместе к городу Алмас-хана. Неподалеку от него они увидели худого рыжего волка. Кара-Катыр хотел было метнуть в него стрелой, как вдруг заметил огромного, приготовившегося к прыжку тигра. Кара-Катыру стало жалко голодного волка, и он пустил стрелу не в него, а в тигра.

– Спасибо, человек, – сказал волк, – я тебе ещё пригожусь.

– И от меня спасибо, – сказал Человек–Соловьиные уши. – Это ведь мой младший брат.

И вот Кара-Катыр и с ним все пятеро братьев – мельник, чудесный стрелок, Бегунок, Человек–Соловьиные уши и рыжий волк вошли в город Алмас-хана. Сейчас же за воротами города они постучались к бабушке Ажай – самой бедной старушке во владениях Алмас-хана. Она поделилась с гостями последней горстью муки, а когда узнала, что Кара-Катыр пришёл за красавицей Бермес, испугалась и принялась уговаривать друзей отказаться от этой затеи.

– Знаешь ли ты, Кара-Катыр, – говорила она, – что никто ещё и никогда не уходил от Алмас-хана живым.

Оказывается, этот хан всем, кто приходил за его дочерью, ставил невыполнимые задачи. Прежде всего, надо было побороть самую злую собаку из его своры, а потом перегнать в беге ведьму Энем, которой сами черти помогали мчаться быстрее вихря. Наконец, если бы кто-нибудь и сумел справиться с этими двумя задачами, надо было испытать и третью – провести одну ночь в железной, раскаленной почти докрасна комнате. Ну, а этого, конечно, уже не мог вытерпеть никто, – даже самые старые повара, которые всю свою жизнь стояли у горячей плиты.

Кара-Катыр понимал, что никакой надежды выполнить эти три задачи у него нет, но возвращаться без красавицы Бермес он не мог, и, кроме того, ему обещали помочь пятеро его друзей. Поэтому, как только наступило утро, бабушка Ажай отправилась к Алмас-хану и сказала ему, что за его дочерью пришел какой-то джигит и его пять друзей.

– Вай, машалла! – обрадовался Алмас-хан. – Давно у нас не было такой славной забавы. Ну-ка, приведите мою самую злую собаку!

Тут вышел вперед рыжий волк и, стараясь выглядеть ещё несчастней и голодней, чем он казался, проговорил:

– Будь справедлив, Алмас-хан. Разрешите сперва мне померяться силами с четвероногим, а потом уж пусть схватится с ним и Кара-Катыр.

Хан посмотрел на худого и заморенного волка и рассмеялся, а самая злая собака испугалась и убежала. Волк догнал её одним скоком и растерзал.

– Эй, слуги, скорей позовите сюда Энем! – крикнул побледневший Алмас-хан.

Это ведь впервые нашлись смельчаки, которые уцелели после первого ханского испытания.

– Справедливый хан, – сказал тогда олений пастух, – разреши мне вместо Кара-Катыра потягаться в беге с твоей Энем.

Хан посмотрел на бегуна, у которого одна нога была заткнута за пояс, и засмеялся – где уж одноножке догнать Энем! Тогда олений пастух побежал вперед, а Энем сперва захватила кувшин вина и еду, а потом в один миг догнала одноножку и побежала чуть впереди его.

Хан и Кара-Катыр забрались на высокую башню и видели, что ему никак не догнать Энем.

В полдень бегуны остановились далеко в степи, чтобы отдохнуть, а потом бежать назад. Энем достала еду и вино, напоила одноножку, а когда он заснул, покинула его.

Хитрая ведьма была уже совсем близко от города и Кара-Катыру и его друзьям грозила бы верная смерть, но тут ловкий охотник поднял лук и спустил тетиву.

Чуть свистнув, стрела помчалась к заснувшему оленьему пастуху и со звоном разбила пустой кувшин у его головы. Одноножка проснулся и, увидев, что Энем перехитрила его, отвязал от пояса свою вторую ногу и в три скока обогнал ведьму и всех чертей, которые ей помогали.

– Эй, слуги, – испугался Алмас-хан, – скорей разжигайте костры, раскалите добела железную комнату для гостей.

Хан знал, что теперь уж шестерым друзьям от него не уйти, и Кара-Катыр загрустил.

– Не унывай, товарищ, – шепнул мельник. Он пошел к морю, осушил его в семь глотков, а вечером первый вошел в пекло и стал фонтанами разбрызгивать всю выпитую днём воду и плавающих в ней рыб. Раскалённая железная комната сразу остыла, а рыба сжарилась, так что друзья смогли хорошо поужинать и в приятной прохладе спали до утра.

Узнав об этом, Алмас-хан пришел в ярость и созвал всех своих визиров и советников, чтоб они придумали способ умертвить Кара-Катыра.

– О, подобный самому богу повелитель, – сказал главный визир, – позови сегодня Кара-Катыра и его друзей к себе на пир и вели подсылать в их кушанья яду. И когда уста твои будут наслаждаться чудесными яствами, пусть глаза наслаждаются мучениями и смертью твоих врагов.

Визир говорил всё это хану на ухо, шёпотом, чтобы их никто не слышал, но друг Кара-Катыра – Человек–Соловьиные уши – недаром имел такой тонкий слух, – он слышал всё и предупредил друзей. А юркий охотник-птицелов недаром был такой ловкач, что на лету умел связать ниткой двух

быстрых сорок, – он незаметно переменял кушанья, и отравя очутилась на блюдах хана и его визиров.

Так был наказан Алмас-хан и его слуги, а красавица Бермес досталась Кара-Катыру.

Он собрал все добро Алмас-хана, часть дал старушке Ажай, а остальное навьючил на целый табун лошадей и отправился в обратный путь.

У места, где друзья встретились с волком, Кара-Катыр распрощался с ним и оставил ему шестую часть богатства Алмас-хана и его людей. Потом он распрощался с другими своими друзьями и всех одарил, а сам с Неведомой дочерью Невиданного хана прибыл, наконец, к месту, где увидел когда-то чёрный обгорелый пенёк.

– Салам алейкум, дедушка! – поклонился он старому, столетнему пастуху. – Я сделал всё так, как ты советовал.

– Здравствуй, богатырь, – ответил пастух. – Возьми у меня в знак дружбы одну из моих овечек и возвращайся к пославшему тебя аждахе. Помни только одно – когда он захочет наградить тебя, не бери ни стальных мечей, ни ятаганов с дорогими в алмазах рукоятками, а возьми самый плохонький клыч с выщербленным клинком и не слушай никаких уговоров.

Кара-Катыр поблагодарил пастуха, а потом перескочил через обгорелый пенек и вмиг очутился перед аждахой.

– Это ты, Кара-Катыр? – удивился он. – Ты сумел, оказывается, привести мне Бермес – дочь Алмас-хана? Ну что ж, будь теперь свободен и выбирай в награду любое мое оружие.

Он подвел юношу к стене, на которой висели острые ятаганы, украшенные драгоценными камнями, синеватые кинжалы из дамасской стали, чудесные амузгинские клинки и самые лучшие в мире сабли. У Кара-Катыра даже дух захватило от всего этого великолепия, но он помнил совет пастуха и выбрал самый тупой, изъеденный ржавчиной клыч. Сколько ни уговаривал его аждаха, как ни смеялся, – Кара-Катыр стоял на своем.

Тогда аждаха рассердился и прогнал Катыра, а красавицу Бермес потащил к себе.

– Мой храбрый Кара-Катыр, – кричала она, – не оставляй меня! Спаси от этого ужасного аждахи, возьми с собой!

Кара-Катыр бросился на помощь, и он бы погиб в неравной борьбе, да аждаха уже скрылся в своем логове, а вход в него завалило огромной скалой.

Кара-Катыр оказался ни с чем. Только и остались у него – маленькая овечка, да вот этот, никуда не годный клыч, которым, наверно, даже масло нельзя разрубить.

Юноша в досаде взмахнул клинком, полоснул им скалу и вздрогнул от неожиданности – этот паршивый клыч расколол каменную глыбу точно орех, и внутри оказалась ослеплённая дневным светом сова. Тяжело хлопая крыльями, она поднялась в воздух. Кара-Катыр пронзил её стрелой, и к его ногам упали три зеленоватых яйца. Кара-Катыр поднял их, и в тот же миг

перед ним появился испуганный, дрожащий аждаха. Таким его ещё никто никогда не видел.

«Эге, – подумал Кара-Катыр, – в этих совиных яичках заключено, видно, что-то очень важное для этого чудовища. Дай-ка я раздавлю одно».

Он так и сделал, и аждаха упал на землю и стал умолять:

– Мой ненаглядный, добрый Кара-Катыр! Не губи меня. Я сделаю всё, что прикажешь.

Кара-Катыр приказал сейчас же отдать красавицу Бермес и все сокровища, какие только имеются у аждахи.

Не прошло и секунды, как всё это очутилось перед Кара-Катыром. Тогда он раздавил второе яйцо, и аждаха совсем ослабел и пролепетал:

– Пощади, богатырь... Лучше прикажи что угодно... Кара-Катыр приказал, чтобы он сам, его Бермес и все сокровища перед ним сейчас же оказались дома и чтобы все его встречали и видели, какой он герой.

Не прошло и секунды, как всё это исполнилось и Кара-Катыр очутился перед домом своего отца.

Рядом с ним стояла невиданной красоты девушка, чуть впереди – овечка, подаренная пастухом, а вокруг лежали несчитанные сокровища.

Поодаль, как побитая собака, сидел аждаха и ждал малейшего движения своего повелителя. Кара-Катыр сжал рукой третье яйцо, и аждаха испустил дух.

Весь народ узнал бывшего Грязного ослёнка и удивился – такой он стал красивый и сильный. Потом все бросились к юноше и рассказали ему, что случилось за время его отсутствия. Рассказали, как аждаха отомстил хану с чёрной душой, как до сих пор капает кровь из гранитной скалы, в которую он вонзил нож, и как с каждым днём теряет последние силы вероломный отец Кара-Катыра.

Тогда Кара-Катыр подошёл к скале, легко вынул тот самый клинок, который не могли даже пошатнуть прославленные силачи. Все поразились и закричали: «Слава Кара-Батыру! Слава!»

С этих пор бедного заморыша стали называть по-новому. Он был рад, потому что, конечно, гораздо приятнее называться Грозным Катыром, чем Грязным Катыром.

На следующий день Кара-Катыр женился на красавице Бермес и устроил всеобщий пир. Все радовались его счастью и любили его. Только злая мачеха и её сыновья пуще прежнего ненавидели Кара-Катыра. У них даже печёнки позеленели от зависти, и ханша каждый день уговаривала мужа, чтобы он послал сорок её сыновей к старому пастуху за золотыми овечками, а пасынка – в страну холодных теней к его дедам и прадедам.

– Как же я могу послать Кара-Катыра на верную смерть, – говорил хан, – когда он спас мне жизнь и вынул этот проклятый кинжал аждахи.

Но ханша с каждым днём всё сильнее уговаривала хана, а у него недаром была чёрная душа, и поэтому в один из дней он призвал к себе сорок своих сыновей от второй жены и одного сына от первой и сказал им:

– Готовьтесь в дорогу, сорок моих сыновей. Пора вам искать себе жен. Пусть, как и Кара-Катыру, поможет вам старый пастух с его волшебным овечьим стадом.

– А тебе, Кара-Катыр, – продолжал хан, – придётся проститься с красавицей Бермес. Мой покойный отец, уходя в страну теней, забыл сказать мне – кем бы он хотел видеть своего внука, когда тот подрастёт. Иди и спроси.

Сыновья хана с чёрной душой вышли из дворца и пошли туда, где начинается ночь, а Кара-Батыр – туда, где кончают свой путь все, кто когда-либо жил на земле.

За воротами города Кара-Батыр заметил, что следом за ним бежит овечка, подаренная ему добрым пастухом. Как ни отгонял он её, как ни уговаривал вернуться домой, – она не отставала.

«Что ж, – подумал Кара-Батыр, – может быть, веселей мне будет с нею в пути». И он остановил коня и поднял овцу к себе на седло. Так ехали они вперед, и с каждым шагом коня дорога становилась все длиннее, а овца беспокойней. Наконец, в предгорье, где не было ни одной травинки, она вырвалась из рук всадника и побежала к безжизненной серой скале. Здесь среди огромных камней она привела Кара-Батыра к входу в глубокую холодную пещеру, круто уходящую вниз.

«Может быть, это и есть вход в таинственную страну теней», – подумал Кара-Катыр.

Он стреножил коня и смело шагнул в тёмный зев подземного царства. Чем дальше он шёл, тем черней становилась темнота и холоднее ледяной холод.

– Э-ге-ге! – крикнул Кара-Батыр. – Где ты, отец моего отца? Отзовись!

«Отзовиись!» – тысячу раз повторило эхо. Но никто не ответил, и ни одной тени не появилось близ Кара-Катыра. Зато сам он с ужасом почувствовал, как окаменел до колен.

– Э-ге-гей, отец моего отца! – повторил он, и снова никто не ответил, а каменная мертвизна сковала его уже до пояса.

Кара-Катыр не мог уже даже пошевелиться, но он собрал последние силы и крикнул ещё громче прежнего:

– Э-ге-гей, отец моего отца! Отзовись! Это я, дедушка!

– Зачем ты нарушил мой покой, сын моего сына? – спросили Кара-Катыра из темноты.

Юноша догадался, что это его дед, обрадовался и рассказал ему, что он только по приказу отца и мачехи решился потревожить его покой.

Дед простил Кара-Катыра, научил, как ответить отцу, и сказал:

– Теперь уходи.

Каменная половина туловища Кара-Катыра стала такой, какой была прежде.

Он вышел из страны теней и с лёгким сердцем отправился в обратный путь.

Между тем в то время, когда он был уже совсем недалеко от родного города, его сорок братьев по отцу еле добрались до песчаной степи, где их заморыш когда-то встретился со старым пастухом. Они были ленивы и тяжелы – где уж им тягаться с Кара-Катыром!

Вокруг царили пески и сумрак, а братья с трудом нашли кустики колючей тобургу и сухой пенек, о котором рассказывал Кара-Катыр.

– Эй, проклятый прокопченный пень, – закричали они и взмахнули кнутами. – Давай нам поскорее такие же подарки, как и этому паршивому Кара-Катыру.

И вот чёрный обгорелый пенёк превратился в столетнего пастуха, только лицо у него теперь было злое и вместо овец вокруг скакали козлы – худые и препротивные.

– Берите скорей по козлу да прыгайте через меня, – крикнул старик и снова стал иссохшим пнём. Вполголоса, так, чтобы никто не слышал, он добавил: «Да быть вам тем, чем должны быть выродки чёрного хана!»

Братья, не сходя с коней, подхватили козлов и один за другим перескочили через пенек.

Страна заходящего солнца исчезла, а в городе хана с чёрной душой, на площади, где народ встречал Кара-Катыра, один за другим, точно из-под земли, появились сорок сыновей мачехи Кара-Катыра.

Увидев их, все засмеялись, потому что козлы, которых они привезли, были худы и изъедены язвами. Братья слезли с коней и вдруг у всех на глазах стали вдвое меньше, затем на головах у них появились самые настоящие козлиные рога, а на руках и ногах – копыта. Они стали такими же противными козлами, как и те, которых они привезли. Вместе с ними они кинулись в сторону и вмиг расхватили и сено, и листья и всё, что было зелёного поблизости.

– Гоните их вон! – закричали люди, и козлы скоро скрылись далеко за стенами города.

А Кара-Катыр обнял свою Бермес и вместе с ней пошёл в ханский дворец.

– Хотите знать, что сказал мне отец моего отца? – спросил Кара-Катыр. – Он сказал мне: будь ханом!

– Хорошо, будь ханом, Кара-Катыр, – отвечали мачеха и отец, – только не повторяй сейчас того, что он велел передать нам.

– Нет, я повторю, – засмеялся Кара-Катыр. – Он велел сказать: будьте вы свиньями!

Как только Кара-Катыр произнёс эти слова, хан с чёрной душой и его злая жена превратились в диких кабанов и убежали в лес.

От них, говорят, и пошла свиная порода.

А Кара-Катыр и его Бермес поселились в ханском дворце и стали жить на радость и на славу.

Синяя птица

(даргинская сказка)

Жил-был хан. У хана было три сына. По пятницам хан правил страной, а все остальные дни ходил на охоту.

Однажды, когда хан был на охоте и выслеживал в лесу зверя, над деревьями появилась синяя птица. От неё шёл такой блеск, что в чаще стало светло, как в поле.

Хан взглянул на синюю птицу и ослеп. Он опечалился и еле-еле нашёл дорогу домой.

В пятницу, когда люди пришли в совет, хан не вышел к народу.

Тогда сыновья сказали хану:

– Отец, нет ли лекарства от твоей слепоты?

– Есть, – сказал хан, – надо только достать перо синей птицы.

Братья решили отправиться на поиски. Сперва пошёл старший брат. Он обошёл половину света, но ничего не нашёл. Второй брат обошёл вторую половину света, но тоже ничего не нашёл.

Тогда в путь собрался младший брат.

Как ни уговаривал его отец не тратить зря молодые годы, сын не послушался.

Много ли, мало ли ходил по свету сын хана, но очутился, наконец, в утренней стороне и увидел слепого старика с белой бородой. Он пас овец и так искусно управлялся с ними, точно был зрячий.

– Лёгкой тебе работы, отец, – сказал сын хана. – Ты живёшь в тёмном мире, а работаешь, как в светлом. Но обладаешь ли ты пером синей птицы?

– Нет, – отвечал старик, – синюю птицу найти невозможно. Лучше вернись домой.

Но как ни уговаривал пастух юношу вернуться домой, тот говорил:

– Нет, мой отец не для того породил меня на свет, чтоб я так легко отступал от задуманного!

Тогда пастух сказал:

– За этой горой, за чужой горой у моего старшего брата есть загон для его табуна. Вот тебе уздечка, – будут кони к вечеру собираться в загон – примеряй; к чьей голове подойдёт уздечка, ту лошадь и бери – она тебя на край света донесёт.

Сын хана так и сделал.

Поехал он за ту гору, перевалил за чужую, очутился на дневной стороне, нашёл там лошадей, примерил к каждой уздечку и приобрёл такого коня, какого ещё ни один богатырь не имел.

Объехал сын хана полсвета, и вдруг конь заговорил по-человечьи:

– Держись теперь, богатырь, покрепче! За этой стеной – вечерняя сторона. Как прискачем мы с тобой ко двору её падишаха, привяжи меня к железному столбу, а сам иди в дом. Сумеешь держать себя достойно, узнаешь, где синяя птица. Не сумеешь – пеняй на себя.

Перелетел конь через высокую стену и в один миг очутился перед дворцом падишаха. Падишах увидел сына хана и закричал:

– Эй, слуги! Почему человек с той стороны появился там, где ещё ничто живое не бывало?

– Если он в твоём дворе, значит он твой гость, падишах, – отвечают слуги.

Сын хана вывел коня на середину двора и привязал к железному столбу.

– Эй, слуги! – закричал падишах. – Почему человек с той стороны оставил коня там, где ещё ничто живое не бывало?

– Если конь у твоего столба, падишах, – отвечают слуги, – значит этот человек твой гость.

Подошли слуги к сыну хана, повели его в кунацкую, а падишах вызвал своих нукеров и сказал:

– Эй, нукеры! Почему человек с той стороны остался жив там, где ещё ничто живое живым не оставалось?

– Если он в твоём доме, падишах, – отвечают нукеры, – значит, он твой гость.

– Ну, что ж, – согласился падишах, – сделайте гостю в моём доме всё по-царски, а покинет дом – по-рабски!

Сын хана хорошо знал обычаи. Он держал себя с падишахом достойно, но из дома не выходил, – так нукерам ничего и не удалось с ним сделать.

Тогда падишах сказал:

– Неужели нет ещё на свете места, где бы ты ни хотел побывать?

– Есть, – отвечает сын хана, – это там, где живёт синяя птица.

– Синяя птица живёт в небе над этим столбом, – сказал падишах, – но только ничто живое не могло ещё туда подняться.

– А я всё-таки попробую! – сказал сын хана.

Он вышел к своему коню и попросил, чтобы тот поднялся над железным столбом.

– Ну, держись ещё крепче, богатырь, – сказал конь, – и не выпускай синюю птицу, как бы она ни просила. Разве только ради меня попросит, – тогда отпусти.

Сын хана ещё тесней прижался к коню, а когда высоко в небе на железном столбе вспорхнула синяя птица, он зажмурил глаза, схватил её, прижал к груди и понёсся к земле.

– Пожалей меня, богатырь, – отпусти! – молила синяя птица. Но сын хана ещё крепче прижал её к груди.

– Отпусти меня ради своего слепого отца, – молила синяя птица.

Ради отца юноша хотел было уже отпустить синюю птицу, но вовремя вспомнил слова коня.

– Ну, тогда отпусти меня ради твоего коня, и я буду твоей подружкой, – сказала синяя птица.

Сын хана выпустил синюю птицу из рук и очутился во дворе падишаха.

Здесь синяя птица ударилась оземь и превратилась в красивую девушку в синих одеждах. Падишах с завистью смотрел на неё, но ничего сделать не мог. Гость падишаха с синей птицей отправился в обратный путь.

Много ли он ехал, мало ли, но, миновав и чужие горы, и свои, возвратился домой.

Хан в великой радости встречал молодых, потому что в тот самый миг, когда его сын схватил синюю птицу, к нему вернулось зрение.

Сыграли свадьбу, и не было ещё в том краю невесты красивей, чем девушка–синяя птица.

Я тоже был на этой свадьбе, получил платок, когда раздавали подарки, но по дороге встретилась соседка Хадижат, и я отдал ей этот платок.

Волшебный сад и его хозяйка

(аварская сказка)

Жил-был хан. Он был строгий и умный, и было у него три сына.

Сыновья очень любили отца и, когда хан на старости лет лишился зрения, и телом его овладела болезнь, сыновья сказали:

– Отец, разве нет лекарства для твоих глаз? Разве нет средства от твоей болезни?

– Есть, – ответил хан. – Существуют плоды волшебного сада, но только достать эти плоды невозможно, – их охраняет Царевна молодости.

Сыновья всё-таки решили отправиться на поиски волшебного сада.

Первым выступил в путь старший брат. Он накормил коня, захватил хорошее оружие, миновал свою гору, обошёл чужую, позади оставил снежную долину, за ней ледяную и наутро встретил старика с белой бородой, который, склонившись к земле, сшивал травяными нитками растрескавшуюся от зноя дорогу.

Старший сын хана так удивился этому занятию, что не удержался от насмешки.

– Шить тебе, да не зашить, – сказал он.

– Ехать тебе, да не доехать, – ответил старик.

Сын хана рассердился и поехал дальше.

Наконец он очутился в местах, где текли молочные реки и среди зимы поспевал виноград.

«Если и существует где-нибудь в мире волшебный сад, так он должен быть здесь», – подумал юноша.

Он наполнил сумки плодами и вернулся домой.

– Что это ты ни поздно, ни рано? – спросил отец. – Далёк ли был твой путь, сын?

– Далёк, отец, – ответил старший сын. – Я достиг тех мест, где текут молочные реки и среди зимы вызревает виноград. Если есть где волшебные сады, так это в них я побывал.

– Увы, сын мой, – сказал хан, – куда больше надо скакать, чтобы достичь этих садов. До тех мест, где ты побывал, я в молодые годы добирался скорей, чем старик успевал выкурить трубку.

Настала очередь отправляться в путь среднему брату. Он тоже взял хорошее оружие и доброго коня, перевалил и через горы, и через долины и тоже повстречал старика, сшивавшего трещины в дороге.

– Шить тебе, да не зашить, – сказал юноша.

– И тебе бы так, – отвечал старик.

Сын хана засмеялся и поехал дальше. Он миновал молочные реки, оставил за собой землю, где среди зимы поспевают виноград, и, наконец, очутился в местах, где текли масляные реки и где вместе были и знойная пыль, и грязь по колена. За этими местами он нашёл такие сады, что забыл все прежние, – такие только и бывают, наверно, в раю. Наполнив сумки, юноша вернулся домой.

– Что это ты ни поздно, ни рано? – спросил отец. – Далёк ли был твой путь?

– Наверно далёк, отец, – сказал сын. – Я миновал и молочные реки, и масляные, был и там, где среди зимы поспевают виноград, и там, где вместе лежат и грязь, и пыль, и попал, наконец, в такие сады, какие бывают только в раю. Если существует на свете волшебный сад, так это он!

– Увы, сын мой, – сказал хан, – до земли, в которой ты побывал, я в молодости поспевал быстрее, чем хинкал успевал свариться в котле. До волшебных садов куда дальше!

– Что ж, попробую теперь доскакать туда я, – сказал младший сын хана.

Он повторил путь старших братьев и, когда перевалил через горы и доли, тоже повстречал старика, сшивавшего трещины на дороге.

– Не помочь ли тебе, отец? – спросил юноша.

– Спасибо, сынок, дай лучше я тебе помогу.

– Ох, дедушка, если бы ты мог, – обрадовался юноша и рассказал старику о своей задаче.

– Что ж, сын мой, – говорит старик, – выполнить её можно. Только не спеши, если увидишь какую-нибудь диковинку.

Рассказал старик, что надо проехать и молочные реки, и масляные, и медовые, потом проскакать ещё столько же, сколько до тех пор проскакал от дома, повстречав вечернюю зарю, догнать утреннюю, миновать и хрустальную башню, и серебряную, и остановиться только у золотой. Тут и будет волшебный сад с плодами, возвращающими здоровье.

– Только смотри, – предупредил старик, – станешь подходить к железным воротам в этот сад, не вздумай отворять их руками. Найди железный прут и толкни им. Будешь входить в сад, оберни ноги травой. А плоды рукой тоже не рви, – расщепи палку и срывай ею.

– Спасибо, отец, – сказал сын хана и, пожелав старику здоровья, поехал дальше.

Долго ли, близко ли ехал, – неизвестно, но только миновал он и все реки, и башни и на вечерней заре очутился у волшебного сада.

Только он тронул железным прутом ворота, как они заскрежетали.

– Хозяйка, проснись! Нас толкает железо! Железо сильнее нас.

– Молчите, дайте мне спать! – сказала хозяйка волшебного сада. – Что же может толкать вас, как не железо.

Она подумала, что одна половинка ворот придавила другую.

Сын хана между тем обернул ноги травой и вошёл в сад.

– Проснись, хозяйка, проснись! – зашелестели цветы. – Нас давит трава!

– Замолчите, дайте мне спать! – сказала хозяйка. – Кто же может давить вас, как не трава?

А сын хана расщепил палку, начал срывать плоды.

– Проснись, хозяйка, проснись! – зашумели плоды. – Нас касается дерево, нас срывает дерево!

– Молчите, не мешайте мне спать! – пробормотала хозяйка. – Что же может касаться вас, как не дерево!

Наполнив дорожные сумки, сын хана хотел было уже возвращаться домой, но подумал: как же это я, побывав в волшебном саду, не увижу его хозяйки? Пойду-ка взгляну на неё! Сказал так, вошёл в золотую башню и ахнул – такая там была красота. Вокруг светло, всюду просторно, а на столах такое кушанье и питье, что разве только соловьиного молока не хватает. Сын хана покушал в своё удовольствие и пошёл дальше. Увидел он хозяйку волшебного сада и замер, – царевна спит, а вся так и светится, это от неё светло по всей башне.

Не удержался юноша и поцеловал девушку в щеку, цвета занимающейся утренней зари. Там, где поцеловал, разлилась сейчас же вечерняя заря, а царевна так и не проснулась – ведь губы юноши легки – они для девушки, что цветы для травы.

Не хотелось ханскому сыну покидать такую красавицу, но дома ждал больной отец. Вот он и предстал перед ним.

– Здравствуй, сын, – сказал отец, – приехал ты не рано. Видно не близок был твой путь.

– Не близок, отец, – ответил младший сын хана и печально добавил: – Вот и побывал я в волшебном саду, а теперь никак не могу забыть его хозяйку.

Хозяйка волшебного сада между тем, встав поутру, подошла к столу и заметила, что пища и питьё её кем-то тронуты. Посмотрела в зеркало и заметила цвет вечерней зари на щеке.

– Говори, кто у нас был этой ночью? – спросила она своё зеркальце.

Зеркало рассказало. Тогда царевна собрала свои войска и пришла во владения умного и старого хана. Окружив его ханство, она велела, чтобы к ней явился герой, осмелившийся рвать плоды в волшебном саду.

«Это ведь я первый рвал», – подумал старший из трёх братьев и пошёл к царевне.

– Так это ты рвал плоды в моём саду? – спросила царевна.

– Я рвал, – ответил старший брат.

– А как ты их рвал?

– Как? – удивился юноша. – Да руками рвал.

– Вернись домой, – рассмеялась царевна, – это не ты был в моем саду?

Тогда к хозяйке волшебного сада решил пойти средний брат. И с ним вышло все так же, как и со старшим. Наконец, пошел младший брат.

– Ага, значит, это ты, добрый молодец, рвал плоды в моём саду? – встретила его царевна.

– Я рвал, а кому же больше, – ответил юноша.

– А как ты их рвал?

Юноша рассказал, как он перехитрил волшебных сторожей ее сада – и ворота, и цветы, и плоды.

Тогда хозяйка волшебного сада поднялась с места и перед всем народом трижды поцеловала юношу – три раза в одну щеку и три раза в другую.

– Это в отместку, – засмеялась она. – По нашему обычаю украденное следует взыскивать вдвое и втрое.

Младший сын хана на радостях повёл свою царевну к отцу. Во дворце стало светлей. Царевна провела руками по своему лицу цвета утренней зари, а потом по лицу старика, и он сразу прозрел. Потом девушка провела руками по груди хана, и болезнь сейчас же вышла из его тела.

Младший сын хана женился на хозяйке волшебного сада.

У них были сыновья, похожие на отца, и дочери, похожие на мать, и они и сейчас живут в счастье и радости.

ЭФЕНДИ КАПИЕВ

«Не на сумрачном мосту я всегда вижу Эфенди Капиева, а на мосту, построенном им самим, чтобы по нему вести поэтическую мысль Дагестана в широкий мир, и слышу его голос: «О великий русский язык! Стою перед тобою на коленях. Усынови и благослови меня.»

Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя и ныне я не сирота!»

Расул Гамзатов

Эфенди Капиев – сын Дагестана, лакец. Он был одним из русских писателей и переводчиков. Владея тремя горскими языками, создал два шедевра «Резьба по камню» и «Песни горцев», в которых поведал о мудрой дагестанской устной поэтике. Потом открыл миру Гомера XX века – Сулеймана Стальского, в своей книге «Поэт». А еще были «Фронтовые записки» и 20 записных книжек. И, конечно, переводы ...

Многие не понимали, почему Капиев пишет на русском языке. «Ведь он дагестанец, - говорили они, - и должен писать на своем родном языке». А он просто очень любил свою Родину, свои горы и свой народ. И хотел рассказать об этом всему миру.

Эфенди Капиев был неутомимым искателем, первооткрывателем древних песен дагестанских горцев, произведений и жизнеописаний классиков дагестанской поэзии: Махмуда, Батырая, известных и малоизвестных певцов. Он первым открыл для всей страны своих современников, народных поэтов С. Стальского, Г. Цадаса, Абуталиба. Он создал образы дагестанских народных певцов прошлого, певцов больших и разных - сильных, самостоятельных в суждениях. Песни о Хочбаре, об Айгази, о Хаджи-Мурате, большие циклы о любви, о героях.

Из фронтового блокнота

«Мы обратили внимание на множество книг, которые были рассыпаны по дороге. Это было на подъеме у выхода из города. Липкая осенняя грязь была здесь особенно глубока. Заинтересовавшись, мы слезли с мотоцикла. Это была чаша редчайшая библиотека по кавказоведению, которой немцы, покидая город, гатили дорогу, чтобы не буксовали машины.

«В Пятигорском гестапо была машина, которую называли «пекарней». В неё сажали приговоренных к смерти и, закрыв герметически, отвозили к месту, где ждали их ямы. Люди задыхались отработанным газом, и на месте выгружали трупы.

«Боец-разведчик Шейхов, лезгин, пишет письмо своей жене, мучительно думая, уединяясь. Оказывается, он все выдумывает ласковые слова, ласковые прозвища своей жене, ибо это единственное, что он еще может послать в

подарок ей отсюда, с этих суровых пустынных кладбищ - ласка.
«Душа моя, свет мой, слеза моя».

«Похороны жертв гестапо в Пятигорске. Страшный холод, мороз, туман. И вот из-за поворота снизу медленно начинают подниматься вверх гробы на плечах людей - гробы, гробы десятками. Гробы начинают стекаться по всем улицам, со всех сторон сюда, на площадь. Величавое, плавное движение этих гробов на плечах черною людского потока. Вот они все выше и выше восходят па площадь... На руках несут детские гробики - один, другой, пятый... Да что это? Ужели им нет конца?

- Милый мой деточка, Ваня! - плачет старуха, наклоняясь и идя за гробом. -
За что ж ты погиб?! Ой, люди!

«Подобно тому, как в древнем Риме был обычен в разгар пира вносить мумию, чтоб люди помнили о смерти, надо после этой войны завещать человечеству приносить в разгар пира портрет Гитлера, чтоб люди задумались и не забываясь, помнили бы и учли опыт нашего поколения...

«Она была ранена в ногу, но, однако, продолжала перевязывать раненого, укрываясь в воронке. Осколком снова ранило ее в обе ноги. Тогда она, упав, подняла окровавленный бинт и стала кричать:

- Кто ранен, подползайте ко мне! Я сама двигаться не могу!

«Артиллерист из станицы Абинской обстреливает свою станицу. А там его мать.

- Хай ховається. Я не ее, а немцев бью!..

«После ураганного огня тишина и в тишине шепот:

- Вылезай, гады!

Немцы, онемев от страха, подняли руки!

«...И писатель подобен птице. Птице легче лететь, когда ветер дует ей в грудь.

«КРАСНЫЙ ЛЕВ»

Вот он — молодой горец Абаш Чамаев, наводчик орудия Н-ской фронтальной части. Черноволосый, тонкий юноша, он с первых же дней войны с честью и героизмом выполняет свой долг.

Вот он степенно закуривает, сидя у своего орудия. Его смуглое лицо задумчиво.

— Два года назад я знал только свой язык, — говорит он спокойно. — Война научила меня русскому языку, и я очень вырос. Много городов я видел, много людей встречал, ой, ой, как в большой школе учился!..

— А учиться небось не шутки! Устал? Чамаев усмехается.

— Днем устаем, ночью отдохнем, и все. Война теперь мое дело. Дом мой называется «блиндаж», враг мой называется — вон там, видишь, — «немец». Немец кушает наш хлеб, пьет нашу воду!..

Чамаев вздыхает, и лицо его становится замкнутым, он умолкает.

...Мы беседуем с его друзьями, широколицыми, налитыми здоровьем и бодростью, русскими парнями. Все они отзываются о нем с любовью. Его орудие, с которым он путешествует от самой границы, переправляясь через бесчисленные реки и протоки, было ранено много раз, но, несмотря на все, оно до сих пор считается лучшим в батарее. На досуге часто можно видеть, как Чамаев, мурлыча про себя какую-то песню, возится, то проверяя замок, то пробуя прицел, то просто очищая пыль со своего орудия. Знаменитая любовь кавказских воинов к коню перешла у Чамаева в любовь к орудию, и он даже назвал его, как сказочного коня, «Кзыл аслан» — «Красный лев».

— Мой «Красный лев» сегодня больной, — говорит наводчик невесело. — Видишь, как смотрит бедный туда: стрелять хочет...

Или вдруг обхватит обеими руками ствол, точно морду коня, и, заглядывая в дуло, как в глаза, скажет:

— Ой, ой, молодец, будем бить собаку фашиста!

Однажды в июньский зной в тяжелом бою у переправы батарее было дано задание прикрыть наши отходящие части и не дать танкам и пехоте врага прорваться к дороге. Орудие Чамаева оказалось на решающем участке.

В неравном бою вышел из строя весь расчет, и Чамаев вскоре оказался один у орудия. Но храбрый воин не растерялся, орудие продолжало стрелять. Чамаев действовал за троих. Он сам подносил, сам наводил, сам стрелял. Так он сдерживал рвущихся к дороге врагов, отсекая им огненной лапой своего «льва» одну голову за другой. И победил!

Четыре раза атаковали немцы высоту, и все четыре атаки их были смяты. Когда же пришел приказ отойти на новый рубеж и подоспела подмога, был уже вечер. Чамаев весь в поту, в изорванной на груди темной рубахе, впервые выпрямился и глянул вокруг. Далеко на горизонте заходило солнце, весь запад пылал огнем. У дороги валялись изуродованные, окровавленные тела врагов, дымили подбитые танки. В глазах утомленного, обессиленного Чамаева смешались цвета заката и крови в сплошной синебагровый туман, и он без чувств упал на руки товарищей.

— Вот герой, — сказал командир после, в восторге пожимая руку бойцу. — Ну, прямо молодец!

За этот подвиг наградили Чамаева орденом Красной Звезды. И вы знаете, первый вопрос его, как только он очнулся тогда, был: «Где мой «Красный лев»?».

За все время этой беседы задумчиво сидевший поодаль у орудия Чамаев вдруг встал и озабоченно подошел к нам.

— Скажи, товарищ, — обратился он, — ты хочешь написать про меня в газету?

Я ответил утвердительно.

— Обо мне пиши, но вот о том, что у меня есть умная, красивая невеста Айша и что она пишет мне письма, не пиши. Хорошо? А то, если она узнает, подумает, что я всем хвастаюсь ее любовью и рассказываю каждому. Будет обижаться! Когда этой собаке Гитлеру оторвем голову, когда я приду домой, женюсь, будут дети, приходи, пожалуйста, пиши сколько хочешь. А пока это секрет.

Мы все засмеялись.

— Какой же это секрет, если у вас замечательная невеста, о ней надо писать? Пусть все знают.

Засмеялся и сам Чамаев.

— Пока пиши по-русски, а по-нашему напишешь потом. Пусть в нашем ауле никто не знает, что Айша любит меня, а я ее.

...Так вот о чем думает Чамаев. Стоя или прикорнув на досуге возле своего «Кзыл аслана», он думает о будущей победе, о своей невесте, о доме, о счастье, которого лишил его подлый враг и которое он непременно отстоит в кровавых схватках на полях сражений. Он назвал свое орудие «Кзыл аслан», но и сам Чамаев не подобен ли льву, сильному своей могучей волей?

ЛЕГЕНДА И ЖИЗНЬ

Гвардии капитан Хазаев молод: ему всего 23 года. Но имя его знают далеко в горах Осетии, и народ издали следит за героем. Это его, Хазаева, отряд в сентябре прошлого года принял на себя главную силу удара у Вознесенска. Танки и мотопехоту дивизии СС бросил тогда враг на Вознесенск. Наши части стояли треугольником, причем на западном углу, направленном острием в грудь врага, находился Хазаев со своим отрядом. Ни шагу назад не отошли в те дни герои. Дышащий огнем и смертью железный вал немецкой атаки разбился об их волю. Именно с этого, с катастрофы у Вознесенска, и начались тогда для немцев сплошные беды на Кавказе. Отряд Хазаева вошел в историю, он отмечен командованием Северо-Кавказского фронта, и почти все бойцы его ныне награждены орденами и медалями. Но речь сейчас не об этом...

В те дни, когда один за другим освобождались города Северного Кавказа, капитан Хазаев и его бойцы познали однажды великое счастье воинов, доступное лишь тем истинным бойцам, что до конца верны своему

народу. Оказывается, о них, об отряде Хазаева, в тылу у немцев, в народе ходила легенда-песня, возникшая еще в тяжелые дни отступления, и в легенде этой воспевалась их героическая гибель. Где и когда это было? Хазаев будто бы со своими русскими друзьями-гвардейцами, окруженный в лесу несметными черными полчищами врагов, не сдался и принял бой. Десять дней длился небывалый поединок горсточки храбрецов с морем немецких войск. Наконец, на одиннадцатый, гласила легенда, патроны у бойцов кончились, почти все они были перебиты и оставались в живых только командир отряда Хазаев и его верный друг комиссар Василий, оба смертельно раненные, истекающие кровью...

— Сдавайтесь! — кричали немцы. — Мы вас пощадим как храбрецов!

— Сдадимся, — ответили Хазаев и Василий. — Подойдите ближе...

И когда немцы, в надежде взять умирающих героев живыми, подошли ближе, Хазаев и Василий, собрав воедино всю оставшуюся волю, рванулись вперед и впились зубами в горла офицеров. Так и окоченели их трупы...

Легенда эта потрясла народ, и целые толпы девушек и стариков ходили в те дни в тылу у немцев по окрестным лесам, выискивая место гибели героев, чтобы с почетом предать их земле.

Но жизнь оказалась чудесней легенды, и герой Хазаев со своим отрядом вернулся к народу не мертвым, а живым. С какой великой радостью встречал народ храбрецов, вступавших в числе передовых частей в станицы и села Осетии! Русские бойцы Хазаева за эти дни научились осетинскому языку, так много спрашивал и хотел поделиться с ними народ!

— Братья наши, — шептали старики, — как нам вас называть?

...И вот в одном из селений после многолюдного митинга в круг вышел седобородый старик и спел бойцам Хазаева легенду о их неравном поединке с немецкими полчищами, о дивной храбрости русских, о преданности их своему командиру-осетину, о беззаветности и хладнокровной кончине всех их, всех до одного.

— Легенда малость ошиблась, — сказали бойцы, выслушав старика с веселой улыбкой. — Но насчет характеров наших все, кажись, правильно! Так оно и должно было быть, отец. Если б нас и вправду окружили, то мы бы все приняли смерть точь-в-точь, как сказано в твоей песне. Поэтому не стесняйтесь, продолжайте петь эту песню о нашей смерти, будто и в самом деле так было...

И весь народ, собравшийся вокруг, разом, как по команде, захлопал в ладоши: «Ура!», «Слава героям!», и бойцы на руках донесли плачущего старика до самого его дома...

Так жизнь переплелась с легендой.

...С тех пор испытано и пережито немало. Отряд капитана Хазаева прошел с боями от Вознесенска, через Ставропольские степи, до низовьев Кубани, и не раз вместе с другими частями вступал он первым в освобожденные города и села. Но Осетия осталась в памяти бойцов, как песня, и о ней они вспоминают с радостной любовью и сыновним чувством.

Произошла странная вещь. Осетин Хазаев, единственный горец в отряде, проникся от русских своих бойцов русской волей и думой, русским спокойствием и широтой души, русской жизнерадостностью, а русские бойцы в его отряде в свою очередь восприняли от командира-горца осетинское упорство и гибкость, осетинскую нетерпеливость. Народы наши взаимно дополняют и обогащают друг друга. Сформировалась многогранная, испытанная и великая в каждой мелочи общая душа нашего обновленного советского народа. Именно это и есть одна из тайн непобедимости нашей страны...

СЦЕНАРНАЯ ЧАСТЬ

«ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ – В СТИХАХ МОИХ»

Оформление мероприятия:

- книжная выставка, посвященная жизни и творчеству Расула Гамзатова,
- портрет Р. Гамзатова,
- зарисовки кавказских пейзажей (презентация),
- фотографии из семейного альбома,
- подборка песенной тематики, отражающей ход мероприятия.

*Там, где вознесся к небу сопредельный
Кавказ, достойный славы и любви,
Не из твоей ли песни колыбельной
Берут начало все стихи мои?*

Расул Гамзатов

Ведущий: Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов родился в сентябре – это месяц плодородия, буйства красок в природе, месяц свадеб и хмельного вина. Он родился в начале прошлого века в 1923 году, в горном селении Цада, что в Дагестане.

Родился я в горах, где по ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью
Мать пела песню на аварском языке.

Ведущий (от автора): Когда родился я, отец, чтобы исполнить обряд наречения, пригласил самых почетных людей аула. Они неторопливо и важно расселись в сакле, словно предстояло решать судьбу целой страны. В руках они держали по пузатенькому изделию балхарских гончаров. Только у одного, самого старого человека с белоснежной головой и бородой, у старца, похожего на пророка, руки были свободны.

Этому старцу передала меня мать. Старец поднял меня высоко к потолку сакли и произнес: в имени мужчины должны воплощаться звон сабель и мудрость книг. Оказывается, седовласый горец, повидавший мир и прочитавший много книг, вложил в мое имя смысл и цель.

Ведущий: Расул по-арабски означает «посланец», или, еще точнее, «представитель». Так чей же я посланец, чей представитель?»

Ведущий:

Расулом мой отец меня нарек,
Что по-арабски представитель значит....
Чей представитель я?..
С каких дорог и для чего мой путь по свету начат?..
...Земля прекрасна, и широк мой путь,
И я мечтаю, как о высшем счастье,
Чтоб был и я, земля, хоть чем-нибудь
К великой красоте твоей причастен!
Чтоб без стыда сказал народ родной:
«Расул, мой сын, ты представитель мой!»

Ведущий:

Отец был первым учителем в поэтическом творчестве Расула. Из его уст он услышит народные легенды, сказки. А отцовские стихи будет знать наизусть все. Отец был больше, чем наставник. Таланту не научишь. Его можно лишь шлифовать. И в том была заслуга отца. Позже Расул станет подписывать стихи именем отца – Гамзатов (сын Гамзата).

Чтец: «Стихи о Гамзате Цадасе»

Лишь ступив на житейскую сцену
В предназначенной роли, старик,
Я отца настоящую цену
Поневоле с годами постиг.
И любовь, и терпенье, и слово,
И крутая тропа в вышине
Воедино сливаются снова
Потому, что отец мой во мне.

Ведущий: Учителями своими Расул считал и учителей «школы Гасана», которая открывалась в Цада, как очаг ликвидации неграмотности и куда отец

отвел сына в 5 лет. Красоту русского языка открыла там Расулу русская женщина Вера Васильевна, которой он посвятил такие строки:

Чтец:

Вспоминаю себя семилетнем пострелом
В дальнем горном ауле осенней порой.
На меня, как родная, она смотрела
Та приезжая женщина с речью чужой.
Первый русский урок позабыть я могу ли?
День погожий в сиянье сквозной синевы
Друг наш, Вера Васильевна, в горном ауле
Двадцать лет прожила ты – посланец Москвы.

«Вера Васильевна»

Ведущий: Расул начал писать стихи в 1932 году, печататься в 1937 году. Его первая книга на аварском языке вышла в 1943 году. Он также переводил на аварский язык классическую и современную литературу: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского и др. После окончания Буйнакского педучилища Расул Цадаса стал работать учителем в школе, которую когда-то окончил. Но даже тогда, он не знал, посвятит ли всю свою жизнь такой капризной музе, как Поэзия.

Ведущий: Он меняет профессии: работает суфлером, помощником режиссера в аварском театре, сотрудничает в газете и на радио. В его жизни происходят важные события: переезд в Махачкалу, выход первой книги на родном языке.

Ведущий: А в стране уже полыхает Великая Отечественная война. Война – большое личное горе Гамзатова. Погибли два его родных брата – Магомед и Ахильчи.

Чтец: Отрывок из поэмы «Брат»

Я не забыл глаза скорбящей мамы
И горький взгляд Гамзата Цадаса,
Когда плясали строки телеграммы
В ладонях потрясенного отца.

Ведущий: Эти строки он пишет спустя годы. Он не позволил своей боли выплеснуться тогда, понимая, народную боль, понимая, что жертвы несет весь народ, каждый аул, в который приходили похоронки.

Чтец: Отрывок из стихотворения «Говорят, что посмертно»

Говорят, что посмертно
Тела наши станут землею.
Я поверить готов
В немудреную эту молву.

Пусть я стану частицей
Земли, отвоеванной с бою,
Той земли, на которой
Сейчас я всем сердцем живу.

Ведущий: Памятный 1943 год ознаменуется рождением Расула Гамзатова как поэта. Выйдет первая книга на русском языке «Пламенная любовь и жгучая ненависть».

Чтец:

С головами поникшими,
Над отцами погибшими
Встали мы...
Верность ваши обличиям,
Верность вашим обычаям –
Мы храним!
Верность вашему воинству
И мужскому достоинству
Мы храним.

«Клятва сыновей»

Ведущий: Вечная благодарность потомков нашим защитникам, отвоевавшим мир на земле. И пришел День Победы. Солдаты вернулись домой и занялись мирным трудом.

Ведущий: «Держа под мышкой несколько собственных книг, поэму «Дети Краснодарна», имея в кармане членский билет Союза Советских писателей и скудное количество денег, я приехал в Москву, чтобы поступить в Литературный институт им. Горького. Там я понял, что долгое время принимал за золото стертые пятаки. Я по очереди влюблялся в разных поэтов: то в Блока, то в Маяковского, то в Есенина, то в Пастернака, то в аварца Махмуда, то в немца Гейне. Но любовь к Пушкину, Лермонтову осталась навсегда».

Ведущий: Это была одна из самых счастливых дорог Расула Гамзатова. Он стал одним из первых дагестанцев, кому довелось учиться в литературном институте. В 1950 году после окончания университета начинается его литературный путь, приходит известность. Первые стихи книги «Песни гор» полюбилися читателям за мудрость и щедрость души.

Чтец: Р. Гамзатов отрывок из стихотворения «Мой Дагестан»

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый, с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
«Не край ли далекий тебе полюбился?»

На гору взошел я и с той высоты,
Всей грудью вздохнув, Дагестану ответил:
«Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете.

Я, может, в любви тебе редко клянусь,
Не ново любить, но и клясться не ново,
Я молча люблю, потому что боюсь:
Поблекнет стократ повторенное слово.

И если тебе всякий сын этих мест,
Крича, как глашатай, в любви будет клясться,
То каменным скалам твоим надоеет
И слушать, и эхом в дали отзываться.

Когда утопал ты в слезах и крови,
Твои сыновья, говорившие мало,
Шли на смерть, и клятвой в сыновней любви
Звучала жестокая песня кинжала.

И после, когда затихали бои,
Тебе, Дагестан мой, в любви настоящей
Клялись молчаливые дети твои
Стучащей киркой и косою звенящей.

Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.

И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых, и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых».

Ведущий: В статьях, выступлениях он подчеркивает необходимость уважения к народному творчеству, традициям, разрабатывает народные жанры застольных слов, колыбельных песен и кратких афористичных стихов.

Чтец:

Пусть ждет меня судьба лихая,
Но я скажу себе: «Держись!»
- Но жизнь ведь штука неплохая...
- Жизнь труса? Разве это жизнь...

Ведущий: «Поэзия без родной земли, без родной почвы – это птица без гнезда», - писал поэт. Его поэзия выросла на национальной почве, на которой появлялись темы, образы его произведений.

Чтец: Р. Гамзатов отрывок из стихотворения «Звезды»

Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь,
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.
По земному беспокоясь,
Загляну я в чей-то стих,
Словно совесть, словно совесть
Современников моих.

«Звезды»

Ведущий: Особое место в творчестве поэта занимает тема любви: к матери, женщине, любимой. Эта лирика близка своим теплом, благородством, чистотой. Она трогает лучшие струны сердца.

Ведущий: Гамзатов был счастлив в любви. Много прекрасных строк посвятил он своей жене. У Гамзатова часто спрашивали: «Как Вы познакомились со своей Патимат?»

– Не знакомился вовсе! Мы родились в одном ауле. Ее родители были богатые люди, деньги давали мне, чтобы я присматривал за ней в люльке.

Потом, когда она выросла, я без денег готов был смотреть. Она согласилась, я женился... – и с наигранным сожалением: – А иначе у меня была бы большая богатая история любви... Не пришлось похищать на белом коне...».

Прошло время, и Гамзатов посвятил своей Патимат лучшие свои стихи:

Ведущий: «Красиво любить, тоже нужен талант. Может быть, любви талант нужен больше, чем любовь таланту, любовь сопутствует таланту, но не заменит его».

Ведущий: В поэзии Гамзатова образ матери всегда сердечен, нежен, трогателен. Сколько прекрасных слов сказано о ней, но поэт нашел новые, необыкновенные слова. Он не побоялся в выборе темы повториться. И оказалось, что его гимн матери зазвучал в мировой лирике.

Чтец

Изрек пророк:

- Нет бога, кроме бога!-

Я говорю:

- Нет мамы, кроме мамы!..-

Никто меня не встретит у порога,

Где сходятся тропинки, словно шрамы.

Вхожу и вижу четки,

на которых

Она в разлуке, сидя одиноко,

Считала ночи, черные, как порох,

И белы дни, летящие с востока.

Кто разожжет теперь огонь в камине,
Чтобы зимой согрелся я с дороги?
Кто мне, любя, грехи отпустит ныне
И за меня помолится в тревоге?

Я в руки взял Коран, тисненый строго,
Пред ним склонялись грозные имамы.
Он говорит:
- Нет бога, кроме бога!-
Я говорю:
- Нет мамы, кроме мамы!

Ведущий: Хандулай – типичная горянка, мать пятерых детей. Держала на своих плечах весь дом, следила, чтобы всегда горел огонь в очаге. Но своим примером она показывала необходимость перемен в жизни женщины гор: садилась за парту, отказывалась от устаревших традиций. Была мудрой, понимающей людей в горе и радости.

Чтец:

Все то, что мной написано доселе,
Сегодня до строки готов отдать
За песню ту, что мне у колыбели
Вблизи вершин ты напевала, мать.
Там, где вознесся к небу сопредельный
Кавказ, достойный славы и любви,
Не из твоей ли песни колыбельной
Берут начало все стихи мои?

«Автограф на книге, подаренной маме»

Ведущий: Известие о ее смерти пришло, когда Гамзатов был в Японии. Чувство раскаяния и мольбы о прощении приходят к поэту над могилой матери. Обращаясь ко всем детям, у кого матери еще живы, он говорит:

Чтец:

Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова,
Знайте, дети ранят всех больней.

Ведущий: Как и все горцы, Гамзатов высоко ценит настоящую дружбу. О наставнике – друге, который был, как надлежит учителю, олицетворением совести, строгим судьей, поэт пишет:

Чтец:

Тяжелых льдов не растопить слезами,
Ты не зови друзей своих былых,
Они с коней живыми не слезали
И клятв не нарушали боевых.
Ушли друзья, ушли невозвратно.
Их не вернешь ни зовом, ни мольбой.
И, раньше срока став седее дыма,
Я голову склоняю пред тобой.

Ведущий: Немало у Гамзатова стихотворений о друге, носителе святого побратимства, в котором и достоинство, и любовь к людям, и верность высокому товариществу. Верой в жизнь, в ее неодолимость звучит обращение к другу:

Чтец:

Скоро песни вернувшихся стай
Зазвенят над разбуженной чашей.
Хорошо, что ты рядом, Мустай,
Верный друг и поэт настоящий.

Ведущий: И друзья отвечали ему преданной дружбой. Эдуардас Межелайтис признается: «Расула Гамзатова я люблю, как настоящего брата...Его нельзя не любить...Чувство любви льется через край его доброго и щедрого сердца. Его хватает всем: своему родному Дагестану, трудовому человеку, любимой женщине, прекрасной родной природе, героизму защитника Родины, всей великой нашей Родине...»

Звучит музыка на стихи «Берегите друзей»

Ведущий: Творчество Гамзатова оказалось на редкость благодатной почвой для рождения музыкальных произведений. Многие стихи поэта стали песнями. С ним работали известные композиторы: Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Александра Пахмутова, Юрий Антонов. Их исполняли: Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев, Вахтанг Кикабидзе, Валерий Леонтьев, Ренат Ибрагимов, Лев Лещенко и многие другие. Песнями стали стихи: «Берегите друзей», «Пожелание», «Исчезли солнечные дни», «Есть глаза у цветов», «Боюсь я» и многие другие.

Звучит музыка на стихи «Разве тот мужчина»

Ведущий: Всем известно стихотворение «Журавли», ставшее песней-реквиемом. Стихотворение было написано в 1965 году в Хиросиме. Гамзатов увидел проект памятника японской девочке с журавликом в руках. Узнав ее историю, он был взволнован. Девочка лежала в госпитале. В надежде на выздоровление делала бумажных журавликов. Их должно было быть 1000. Но она не успела умерла. В день, когда поэт узнал эту историю, в небе Японии появились журавли. И пришло сообщение о смерти матери поэта.

Ведущий: По дороге домой он думал о матери, о девочке с журавликами, о братьях, не вернувшихся с войны, и так родились стихи «Журавли».

Ведущий: В 1968 году стихотворение «Журавли» в переводе Наума Гребнева было напечатано в журнале «Новый мир». Оно попало на глаза певцу Марку Бернесу. Сам Бернес в войну никогда не участвовал в боях, но он ездил выступать с концертами на передовую. И особенно ему удавались песни, посвященные войне. Очевидно, что война тоже была его личной темой. Прочитав стихотворение «Журавли», возбужденный Бернес позвонил переводчику Науму Гребневу и сказал, что хочет сделать песню. По телефону сразу же обсудили некоторые изменения в тексте. Гамзатов вспоминал: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми, и вместо «джигиты» написали «солдаты». Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание.

Ведущий: Одна из вечных тем в лирике Гамзатова – философские размышления о времени и о человеке. А «время» – одно из наиболее частых слов в его стихах. Время как форма бытия. И время – век, эпоха. Без отдыха, без остановки шагать в ногу со своим временем, опережать его, служить ему – закон поэта.

Ведущий: В глазах миллионов Гамзатов – величина почти неприкосновенная, поэт, пресыщенный всенародной любовью и обласканный властями. Если судить по внешним приметам биографии, можно так и предположить, нарисовать образ «придворного поэта», который пребывает в раю – без забот и печали. Но так ли это? Через удивление и потрясение, восторг и разочарование, обретения и потери пришел Гамзатов к прозрению: не будет, не должно быть у поэта легкой, удачливой жизни и отдельного от людей счастья, что за грехи придется платить по самому строгому и жесткому счету – собственной судьбой. «О многом сожалею, – признавался поэт со страниц газеты. – Сожалею, что не написал то, что мог написать. Но куда больший грех: писал то, что мог не писать».

Ведущий: Познал Гамзатов и уловки века, и неверность людскую, и коварство близких. Не дошла в сохранности до читателя поэма «Шамиль», около тридцати лет находилась под домашним арестом поэма «Люди и тени» и стихотворение «Аплодисменты».

Чтец:

Теперь я знаю сам давно,
Что лестница – вот жребий мой,
Высоко светится окно,
Ступенька под ногой...
И на которой ждет удар,
Узнать нам не дано.

Ведущий: Поэту жаль, что время так быстро уходит. Он сравнивает его с мельницей, которая своими жерновами мелет человеческие годы. Трудно примириться с тем, что время ускользает. Но Гамзатов верил, что человек живет не зря. Нужно жить так, чтобы оставить след: «дом иль тропинку, дерево иль слово». Человек не в силах остановить время, но может служить людям, делать добро, а это остается грядущим поколениям.

Чтец:

Не спит, не спит суровый счетовод,
Пусть даже сон давно царит над всеми.
«Тик – так, тик- так» - неспешен этот ход!
«Тик – так» - как быстро пролетает время!
Часы идут, и тикают, и бьют...
Что сделал ты, прислушиваясь к бою?
Или пришлось вести им счет минут
Бессмысленно растраченных тобою.

Ведущий: Сегодня мы говорили о Расуле Гамзатове, как о живом. Встречая свой 100-летний юбилей, поэт просил у судьбы, у Бога ещё хотя бы год жизни, чтобы привести в порядок свои «земные» дела. Но жизнь распорядилась иначе... 3 ноября 2003 года поэт занял место в журавлином клине бессмертия. Восемь десятилетий своей жизни на земле он сумел использовать сполна. Он создал столько великих творений, что современникам и потомкам нужны еще долгие годы, чтобы осмыслить и оценить это бесценное наследие.

Звучит музыка из стихотворения «Журавли»

Поэзия Гамзатова будет жить, пока жив Дагестан. Он пророчески написал об этом стихотворении «Я памятник себе воздвиг из песен». Тема эта не нова в поэзии. Первым было стихотворение древнеримского поэта Горация, в русской поэзии вольный перевод его сделал Державин. Всем известен «Памятник» А.С. Пушкина. Расул Гамзатов продолжил эту традицию, но внес в стихотворение национальный колорит, отразил в нем черты времени.

Чтец:

Я памятник себе воздвиг из песен.
Он невысок, тот камень на плато,
Но если горный край мой не исчезнет,
То не разрушит памятник никто.
Ни ветер, что в горах по-волчьи воет,
Ни дождь, ни снег, ни августовский зной.
При жизни горы были мне судьбою,
Когда умру, я стану их судьбой.
Поддерживать огонь мой не устанут,

И в честь мою еще немало лет
Младенцев нарекать горянки станут
В надежде, что появится поэт.
И мое имя, как речную гальку,
Не отшлифует времени поток.
И со стихов моих не снимут кальку,
Ведь тайна их останется меж строк.
Когда уйду от вас дорогой дальней
В тот край, откуда возвращенья нет,
То журавли, летящие печально,
Напомянут вам будут обо мне.
Я разным был, как время было разным,
Как угол – острым, гладким – как овал...
И все же никогда холодный разум
Огня души моей не затмевал.
Однажды мной зажженная лампада
Еще согреет сердце не одно,
И только упрекать меня не надо
В том, что мне было свыше не дано.
Я в жизни не геройствовал лукаво,
Но с подлостью я честно воевал
И горской лирой мировую славу
Аулу неизвестному снискал.
Пусть гордый финн не вспомнит мое имя,
Не упомянет пусть меня калмык.
Но горцы будут с песнями моими
Веками жить, храня родной язык.
На карте, что поэзией зовется,
Мой остров не исчезнет в грозной мгле.
И будут петь меня, пока поется
Хоть одному аварцу на земле.

«Памятник»

1-й ведущий: Он воспевал героев своего времени, возвращал из небытия героев прошедших веков и доказывал, что можно жить в этом мире так, чтобы не было стыдно за свои дела и поступки. Гамзатов своим жизненным примером показал всем, как много может достичь один человек, орудие которого – поэтическое слово.

2-й ведущий: 3 ноября 2003 года поэт занял место в журавлином клине бессмертия. Восемь десятилетий своей жизни на земле он сумел использовать сполна. Он создал столько великих творений, что современникам и потомкам нужны еще долгие годы, чтобы осмыслить и оценить это бесценное наследие.

Мероприятие заканчивается песней «Журавли». На экране клином летят журавли...

СЦЕНКА «ИЗ ДЕТСТВА РАСУЛА»

От автора: Отец был примером во всем для Расула. В своей книге «Мой Дагестан» Расул описывает один случай: «Однажды в детстве отец сильно наказал меня, – пишет Расул, побои я давно забыл, но причину помню до сих пор крепко».

Утром он вышел в школу, а на самом деле свернул в переулок и с уличными мальчишками до вечера играл в стуколку на деньги, которые отец дал ему на книги. Когда деньги закончились, он стал думать, где бы достать еще. Когда играешь в азартную игру и когда отдаешь последнюю копейку, кажется, найдись еще пятак, и все отыграешь.

Он стал просить у мальчишек займы, с которыми играл, но никто не захотел ему дать. Ведь есть примета: во время игры дашь займы проигравшему, проиграешь и сам.

Тогда он думал выход. Стал обходить все дома в ауле. Но и этих несчастных денег не хватило надолго. К тому же во время игры приходилось ползать по земле на коленях. За целый день его штаны продрались насквозь, а колени исцарапались. Между тем старшие братья искали его по всему аулу. Жители аула, которым Расул наплел насчет пехлеванов, приходили один за другим к ним домой, чтобы узнать поподробней насчет их приезда. Одним словом, когда его за ухо вели домой, о его похождениях было известно всем. И вот Расул предстал перед судом отца.

Расул: Завтра в аул приезжают пехлеваны, и мне поручили собрать для них деньги!

Отец: Что это?

Расул: Это колени.

Отец: Колени-то колени, но почему они на виду? Расскажи-ка, где ты порвал штаны?

Расул: В школе..зацепил гвоздь...

Отец: Как, как? Повтори....

Расул: За гвоздь.

Отец: Где? (Отец ударил его по щеке ладонью).

Расул: В школе.

Отец: Скажи теперь, как ты штаны порвал?

Автор: Расул молчал. Отец ударил его второй раз.

Отец: Если сейчас же не расскажешь все как было, ударю плетью.

Автор: Расул знал, что такое плеть с окаменевшим узелком на конце. Страх перед ней заставил рассказать все злоключения по порядку, начиная с утра.

Суд окончился с дня Расул ходил сам не свой. На 3-й день отец усадил его рядом, погладил по голове и спросил:

Отец: Ты знаешь, за что я тебя бил?

Расул: За то, что играл на деньги.

Отец: Нет, не за это. Кто из нас в детстве не играл на деньги. И я играл, и твои старшие братья играли.

Расул: За то, что порвал штаны?

Отец: Нет, и не за штаны. Ты ведь не девочка, чтобы ходить все время по тропочке.

Расул: За то, что не пошел в школу.

Отец: Конечно, это твоя большая ошибка, но побил я тебя, сын, за твою ложь.

Ложь – это страшный сорняк на поле твоей души. Если его вовремя не вырвать с корнем, он заполнит все поле так, что нигде будет прорасти доброму семени. Если ты солжешь еще раз, я тебя убью.

Автор: Много лет спустя Расул рассказал эту историю своему другу.

«Как? – воскликнул он, – ты до сих пор не забыл эту маленькую ничтожную ложь».

Расул ответил: «Ложь есть ложь, а правда есть правда. Они не могут быть ни большими, ни маленькими.

Ведущий 2: В детстве Расул любил слушать отцовские рассказы о знаменитом

Шамиле, который имел восемь ранений сердца и умел одним ударом шашки рассечь всадника вместе с конем; о храбром наибе Хаджи-Мурате, о котором Лев Толстой написал свою прекрасную повесть.

Эти народные легенды, сказки и песни на всю жизнь оставили свой след в сердце поэта, стали для него вещими страницами большой истории его маленького народа.

Ведущий 1: Свои собственные стихи, Расул начал писать, когда ему было 9 лет. Потом его стихи начали печатать в республиканской аварской газете «Большевик гор».

Ведущий 2: Гамзатов – поэт пушкинского склада, один из лучших переводчиков и комментаторов Пушкина. Он блестяще перевел на аварский язык многие стихи и поэмы Пушкина.

Я слово правды не нарушу

Когда скажу тебе, поэт:

Как в очи входит солнца свет

Твой чистый голос входит в душу.

Как мне отрадно, что аварец

Твоим пленяется стихам

Джигит находит мудрость в нем

И юность обретает старец.

Гамзатов высоко отзывался о русской литературе и языке: «Русский язык позволил мне, человеку из маленькой республики, стать поэтом огромной России».

Ведущий 1: Мировую популярность поэту принесла песня «Журавли», она стала одной из самых великих песен XX века. Эта песня преклоняется перед памятью всех погибших и предостерегает человечество от новых войн. А началось все с того, что в 1965 году в японском городе Хиросиме поэт увидел памятник девочке, держащей в руке белого журавлика.

Девочка при атомной бомбардировке получила облучение, но до последней минуты надеялась на выздоровление. Для этого она должна была вырезать из бумаги тысячу журавлей, но не успела...

В Хиросиме этой сказке верят:

Выживает из больных людей

Тот, кто вырежет, по крайней мере,

Тысячу бумажных журавлей.

Мир больной, возьми бумаги тонкой,

Думай о бумажных журавлях,

Не погибни, словно та японка

С предпоследним журавлем в руках.

Ведущий 2: Судьба девочки потрясла поэта. Здесь же, в Японии, он получил телеграмму, в которой сообщалось о кончине его матери. Гамзатов вылетел в Москву и в самолете, думая о матери, вспомнил и умершего отца, и погибших на войне братьев. И та хиросимская девочка с бумажными журавликами не уходила из памяти. Вот так и родилось стихотворение, которое перевел на русский язык Наум Гребнев, а затем и музыка композитора Яна Френкеля. «Журавли» Расула Гамзатова продолжают свой полет и в третьем тысячелетии. В честь этой песни воздвигнуты замечательные памятники. Их десятки: в России и на Украине, в Узбекистане и на Алтае, в прожженной солнцем Калифорнии и в горах Кавказа. У подножия памятников горит Вечный огонь – сердца павших, а на самой вершине журавлиного клина – душа павших.

Звучит песня «Журавли» в исполнении М. Бернеса (Я. Френкель)

Ведущий 1: Он никогда не фальшивил... Он метался вместе со страной, пытаясь угадать ее путь, и очень много работал. Это был уже другой Гамзатов – трагичный, философский.

Он призывал всех: «Берегите друзей!», «Берегите матерей!». Его проникновенные строки о матери для многих поколений людей стали молитвой. Образ матери представляет перед нами, как хранительницы семейного очага, опорой горской семейной сакли.

Берегите матерей

Воспеваю то, что вечно ново.

И хотя совсем не гимн пою,

Но в душе родившееся слово

Обретает музыку свою.

И, моей не подчиняясь воле,
Рвется к звездам, ширится окрест...
Музыкою радости и боли
Он гремит - души моей оркестр.
Но когда скажу я, как впервые,
Это Слово – Чудо,
Слово – Свет,
Встаньте, люди!
Павшие, живые!
Встаньте, дети бурных наших лет!
Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте, все цветы!.. И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!
Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это – древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!.. Встаньте все!
Как леса встают с зарею новой,
Как травинки рвутся к солнцу ввысь,
Встаньте все, заслышав это слово,
Потому что в слове этом - жизнь.
Слово это – зов и заклинанье,
В этом слове – сущего душа.
Это – искра первая сознания,
Первая улыбка малыша.
Слово это пусть всегда пребудет
И, пробившись сквозь любой затор,
Даже в сердце каменном пробудит
Заглушенной совести укор.
Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем – исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!.. Я произношу его: «Мама!»
Ведущий 2: Его дар предвиденья поражает. Ведь задолго до Бесланской трагедии он написал пророческое стихотворение «Берегите детей»:
Этот мир, как открытая рана в груди,
Не зажить никогда уже ей.
Но твержу я, как будто молитву в пути,
Каждый миг: «Берегите детей!»
Всех, творящих намазы, прошу об одном
Прихожан всех на свете церквей:
«Позабудьте про распри, храните свой дом
И своих беззащитных детей!»

От болезней, от мести, от страшной войны,
От пустых сумасбродных идей.
И кричать мы всем миром сегодня должны
Лишь одно: «Берегите детей!»
Напишите на своем кинжале
Имена детей, чтоб каждый раз
Вспыльчивые люди вспоминали
То, что забывается подчас.
На ружейном вырежьте прикладе
Лица матерей, чтобы каждый раз
С осуждением иль мольбой во взгляде
Матери смотрели бы на вас

Ведущий 1: Расул Гамзатов всегда писал естественно, горячо и страстно, самобытно и вдохновенно, смело и гневно. Поэт Роберт Рождественский так сказал о Расуле Гамзатове: «Поэт он огромный, сделавший знаменитым и Дагестан, и аварский язык, и свои горы. Сердце его мудрое, щедрое, живое. Я видел его во многих выступлениях, где он оставался гражданином, мудрецом, шутником. С врагами он сражался без жалости, бил их мудростью. Поэт он не только дагестанский, но и русский поэт. Его всегда называют в числе любимых поэтов».

Звучит песня «Разве тот мужчина?»

Ведущий 2: Его поэтическая палитра невероятно богата: Гамзатовым написаны стихи, поэмы, письмена, восьмистишия, четверостишия, эпиграммы и надписи. Поэт заново открыл жанр лирических миниатюр, показал его богатейшие художественные возможности.

Ведущий 1:

В начале девяностых он оказался, как и вся литература на обочине, без гонораров с нищенской пенсией и мизерной зарплатой. Перестройку он принял как долгожданную перемену, радостно по-детски, потому что очень устал от фальши, участником которой приходилось быть и ему самому.

Но он был разочарован тем, что случилось потом, не желая принимать участие в этой вакханалии. Его не печатали в Москве, как, впрочем, и других больших поэтов. Но в своих последних стихах он отразил не только собственное разочарование, но и разочарование всей страны:

Растерзана могучая страна,
Разъято ложью время и пространство...
И серость вновь от хаоса пьяна,
Напялила корону самозванства.

Ведущий 1: Гамзатова при рождении нарекли именем Расул, что значит посланник. Он был до последнего своего дня посланником мира на нашей беспокойной планете.

Ведущий 2: Творчество Расула Гамзатова – это единая книга, книга мудрости и мужества, книга любви и боли, книга молитв и проклятий, книга истины и веры, книга благородства и добра, книга мгновений и вечности.

Книги, книги мои – это линии
Тех дорог, где и робок и смел,
То шагал, поднимаясь к вершине я,
То, споткнувшись, в ущелье летел.

Ведущий 1: Своим творчеством Расул Гамзатов поднял дагестанскую литературу на небывалую высоту. Он сумел перекинуть мосты дружбы Между народами, укрепить их взаимное доверие. В конце жизни он позволил себе написать строки, которые дались ему нелегко:

Россия, больно мне, не скрою,
Бывает уроженцу гор,
Когда чернит тебя порою
Разноплеменный оговор.

Ведущий 2: Он ушел в последнюю осень, как уходят поэты, отдав нам все, что имел. Он был наш, он принадлежал всем. Он всегда возвращается, когда нам нужен – стихами, песнями. И он жив, пока мы помним о нем.

Ведущий 1. Расул Гамзатов покоится там, где хотел – на склоне Тарки-Тау, видя весь город, который он любил, и море, которое воспел, как Пушкин

«ЛЮБОВЬ ВСЕГО ПРЕВЫШЕ НА ЗЕМЛЕ...»

Ведущий 2: Творчество Расула Гамзатова – это единая книга, книга мудрости и мужества, книга любви и боли, книга молитв и проклятий, книга истины и веры, книга благородства и добра, книга мгновений и вечности. Любовная лирика Расула Гамзатова – неотъемлемая часть его творчества. Его стихи о любви искренние, чистые, благородные, они полны нежной заботы и сердечной теплоты. Гамзатов – неповторимый лирический поэт, глашатай высоких чувств, рыцарского отношения к женщине.

Ведущий 1: «Вообще, у меня, говоря строго, всего две темы: Родина и Женщина, – как-то признался Гамзатов, – как гражданин своей страны я должен высказать свое отношение ко всему, что происходит вокруг. И как человек я должен выразить свое отношение к другому человеку: я выражаю свое отношение к женщине».

Исполняется песня «С любовью к женщине» на стихи Р. Гамзатова муз. О. Фельцмана

Ведущий 2: Уже в первых книгах Расул Гамзатов попытался сделать набросок своей любви, эмоциональный эскиз своего молодого чувства.

Дождик за окном – о тебе я думаю,
Снег в саду ночном – о тебе я думаю,
Ясно на заре – о тебе я думаю,
Лето на дворе – о тебе я думаю.
Птицы прилетят – о тебе я думаю,

Улетят назад – о тебе я думаю.
Зелены кусты, скрыты ли порошею, –
Уж, наверно, ты девушка хорошая,
Если день и ночь о тебе я думаю.
(«Дождик за окном – о тебе я думаю...», перевод В. Звягинцевой)

Ведущий 1: Многие стихи Расула Гамзатова о любви написаны на одном душевном подъеме, спеты раз и навсегда. В них есть та цельность, которая в других темах поэту далась не сразу. Любовь, по его же словам, вела поэта по жизни, но она его вела и в творчестве, служила тем маяком, который светил ему изначально, не позволяя наткнуться на рифы бессодержательной и умозрительной поэзии.

Стихотворение «**Красивая девушка**»

Кто писал, а кто в бумагах рылся,
Посетитель на начальство злился,
Машинистка копии снимала,
Секретарша почту принимала...
Вдруг один, сидевший у окна,
Закричал и замахал рукой:
«Посмотрите, как она стройна,
Век не видел девушки такой!..»

Все вскочили, бросили работу,
Посетителей, машинку, споры,
Опрокинул пепельницу кто-то;
Все в окошко устремили взоры
И, тесня друг друга и толкая,
Повторяли: «Красота какая!»
А бухгалтер, старый и солидный,
Встал на стул, чтоб лучше было видно.
Все в окно на улицу смотрели,
И министр, впервые за неделю
Оторвавшись от текущих дел,
Тоже на красавицу глядел.
А у засмотревшихся парней
Шеи стали вчетверо длинней.

Бросился к окну со всех я ног,
Но пробраться все-таки не смог.
Наконец я подошел поближе,
У окошка встал. Но что я вижу?
Со старушкой старичок проходит,

Министерский «ЗИМ» шофер заводит...

«Где она?» – я им кричу в окно,
А шофер, смеясь: «Прошла давно!
Бедный! Ты не видел? Это ж чудо!»
«Кто она? – спросил я. – И откуда?!»
Цвел в окне душистый день апреля,
Долго мы на улицу смотрели.
Стало в нашей комнате светлей:
Каждый думал о любви своей...
А когда я вышел, вижу вдруг:
Ты идешь среди своих подруг
Так светла, красива и стройна,
Что я сразу крикнул: «Вот она!»

Ведущий 2: Его жена и верная спутница Патимат Гамзатова – первый человек, которому читал поэт свои стихи. Поэт сам сделал её строгим судьёй, она как бы часть того большого, что зовётся Гамзатовым, продолжение этого большого, его значительная ветвь. Ей посвящал благодарный поэт свои трогательные стихи.

(Фрагмент из документального фильма «Кавказец родом из Цада», режиссер Владимир Карпов).

Стихотворение «**Хочу любовь провозгласить странею**»

Хочу любовь провозгласить странею,
Чтоб все там жили в мире и тепле,
Чтоб начинался гимн ее строкою:
«Любовь всего превыше на земле».
Чтоб гимн прекрасный люди пели стоя
И чтоб взлетала песня к небу, ввысь,
Чтоб на гербе страны Любви слились
В пожатии одна рука с другою.
Во флаг, который учредит страна,
Хочу, чтоб все цвета земли входили,
Чтоб радость в них была заключена,
Разлука, встреча, сила и бессилье,
Хочу, чтоб все людские племена
В стране Любви убежище просили.

Ведущий 1:

Захочет любовь – и в клубящейся мгле
Багряный цветок расцветёт на скале,

И снег зажурчит на вершине.
Но в каменном сердце во все времена
Не в силах посеять она семена,
В нём тёрн прорастает поныне.

Ведущий 2: С самого рождения и до последних дней суетного бытия для нас всех самой главной и самой любимой женщиной является мама. Для Расула Гамзатова слово «мама» – это великое, священное слово.

Ведущий 1: Поэт однажды сказал: «О матери, как и о Родине, надо заработать, не заслужить, а именно заработать право писать. А то у нас пишут на эти святые темы все кому не лень, считая их выигрышными, стало быть, верно оплачиваемыми, пишут, приседая, раскланиваясь направо и налево, налево – партии, направо – Христу или Магомету, не забывая помянуть, что до революции женщине было плохо, а теперь стало хорошо, что раньше ее в одном месте унижала церковь, в другом – законы шариата...»

Ведущий 2: Мать для поэта являлась и высшим воплощением доброты, отзывчивости, нравственной красоты.

Стихотворение «**Мама**»

По-русски «мама», по-грузински «нана»,
А по-аварски – ласково «баба».
Из тысяч слов земли и океана
У этого – особая судьба.

Став первым словом в год наш колыбельный,
Оно порой входило в дымный круг
И на устах солдата в час смертельный
Последним зовом становилось вдруг.

На это слово не ложатся тени,
И в тишине, наверно, потому
Слова другие, преклонив колени,
Желают исповедаться ему.

Родник, услугу оказав кувшину,
Лепечет это слово оттого,
Что вспоминает горную вершину –
Она прослыла матерью его.

И молния прорежет тучу снова,
И я услышу, за дождем следя,

Как, впитываясь в землю, это слово
Вызывают капельки дождя.

Тайком вздохну, о чем-нибудь горя,
И, скрыв слезу при ясном свете дня:
«Не беспокойся, – маме говорю я, –
Все хорошо, родная, у меня».

Тревожится за сына постоянно,
Святой любви великая раба,
По-русски «мама», по-грузински «нана»
И по-аварски – ласково «баба».

Ведущий 1: «Матери – самые первоначальные поэты, – пишет в «Моем Дагестане» Расул Гамзатов. – Они зароняют зернышки поэзии в души своих сыновей и дочерей, а потом уж из этих зернышек вырастают и расцветают цветы. В самые трудные, тягостные, страшные часы своей жизни вспоминают потом мужчины колыбельные песни... Песня матери – начало, источник всех человеческих песен. Первая улыбка и последняя слеза – вот что такое она».

Ведущий 2:

У меня бы не было языка родного,
Собственного имени, голоса, лица,
В странствиях далеких я давным-давно бы
Заблудился, словно в космосе овца...
Я б не знал, как сильно, нежно, страстно, смело
Ты, любовь, способна вспыхивать во мне, –
Если б моя мама песен мне не пела,
Колыбель качая, как лодку на волне.

Ведущий 1: Мама для поэта – всеобъемлющий символ человеческой жизни, понятный каждому. Говоря о своей матери Хандулай, он говорит о всех матерях.

Ведущий 2: «Разные люди по-разному вспоминают своих матерей. Я ее помню утром, днем и вечером. Утром она с кувшином, полным воды, возвращается с родника. Несет она воду как что-то самое драгоценное. Поднялась по каменным ступенькам, опустила кувшин на землю, начинает разжигать огонь в очаге. Разжигает она его как что-то самое драгоценное... Пока огонь разгорается как следует, мать качает люльку. Качает она ее как что-то самое драгоценное... Так делала она каждый день весной, летом, осенью и зимой».

Ведущий 1: Читая стихи Гамзатова, посвященные матери, невольно задумываешься о своей маме, и хочется преклонить колени перед самым родным человеком.

Исполняется песня «Матери» на стихи Р. Гамзатова, муз. Я. Френкеля.

Ведущий 2: Когда-то мать разжигала для сына очаг. Когда-то она поила его родниковой водой. Когда-то она давала ему понять, где добро, а где зло. Когда-то она гладила его поседевшую голову...Мы как и сам поэт подчас не ценим времени, «не сумел я, мама, тебя сберечь...». Чувство раскаянья приходит часто лишь над могилой, где просим прощения. И поэт обращается с призывом к тем, у кого матери живы, беречь и жалеть их.

Ведущий 1:

Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова,
Знайте, дети ранят всех больней!

Ведущий 2: Но сохранила душа материнское прикосновение, усвоены заветы матери, утолена жажда и по-прежнему горит в очаге огонь. Торжественным гимном всем Матерям Земли звучат строки из стихотворения «Берегите матерей»:

Слово это сроду не обманет,
В нём сокрыто жизни существо.
В нём – исток всего. Ему конца нет.
Встаньте! Я произношу его: «МАМА!»

Звучит музыка А. Экимяна из песни «Пожелание»

Ведущий 1: Каждое слово поэта как совет, наставление, предсказание, пожелание. И сегодня женщинам в нашем зале Расул Гамзатов оставил свой подарок – пожелание в стихах. Строчки из его стихов расцвели и стали тюльпанами, а внутри них пожелание, каждой свое.

Мы все умрём, людей бессмертных нет,
И это всё известно и не ново.
Но мы живём, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово.

Ведущие раздают цветы – тюльпаны, изготовленные из бумаги в технике оригами с напечатанными стихами поэта.

Ведущий 2: «Пусть добрые люди пребывают в добре, а плохие станут хорошими», – пожелал поэт. Пусть имена поэтов, их песни, не уйдут в небытие, а останутся назиданием для будущих поколений.

Исполняется песня «Пожелание» на стихи Р. Гамзатова, муз. А.Экимяна

«ГОРЕЦ, ВЕРНЫЙ ДАГЕСТАНУ...»

Литературно-музыкальное представление

За столами, на сцене, сидят участники вечера, ведущая обращается к присутствующим. Непринужденная обстановка. На экране фото Расула Гамзатова.

Начинается литературное представление с танца «Лезгинка» (на экране).

...Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь,
Может стану, может стану
Сам звездой когда-нибудь...

Р. Гамзатов

Ведущая: Чтобы лучше понять душу народа, нужно увидеть, как он танцует и поет. Давайте посмотрим народный танец Дагестана – лезгинку (*видео лезгинки*).

Ведущая: Лучшим и любимым сыном дагестанского народа является народный поэт Дагестана Расул Гамзатов, 2023 год объявлен в Дагестане Годом народного поэта.

Расул Гамзатович Гамзатов родился в сентябре – это месяц плодородия, буйства красок в природе, месяц свадеб и хмельного вина. Он родился в начале прошлого века в 1923 году, в горном селении Цада, что в Дагестане. В этом году мы отмечаем юбилейную дату – 100-летие народного поэта.

Родился я в горах, где по ущелью
Летит река в стремительном броске,
Где песни над моею колыбелью

Мать пела на аварском языке.

1-й стол:

Когда родился я, отец, чтобы исполнить обряд наречения, пригласил в саклю самых почтенных людей аула. Они неторопливо и важно расселись в сакле, словно предстояло решать судьбу целой страны. В руках держали по пузатенькому изделию балхарских гончаров. В кувшинах была, конечно, пенная буза. Только у одного, самого старого человека с белоснежной головой и бородой, у старца, похожего на пророка, руки были свободны.

Этому-то старцу передала меня мать, выйдя из другой комнаты. Я барахтался на руках старца, а мать между тем говорила.

- Ты пел на моей свадьбе, держа в руках то пандур, то бубен. Песни твои были хороши. Какую песню ты споешь сейчас, держа в руках моего младенца.

- О женщина! Песни ему будешь петь ты, качая его колыбель. А потом песни ему пусть поют птицы, реки. Сабли и пули тоже пусть поют ему песни. Лучшую из песен пусть споет ему невеста.

- Тогда назови. Пусть я, мать, пусть весь аул и весь Дагестан услышат имя, которое ты сейчас назовешь.

Старец поднял меня высоко к потолку сакли и произнес:

- Имя девочки должно быть подобно сиянию звезды или нежности цветка. В имени мужчины должны воплощаться звон сабель и мудрость книг. Много имен узнал я, читая книги, много имен услышал я в звоне сабель. Мои книги и мои сабли шепчут мне теперь имя – РАСУЛ.

Старец, похожий на пророка, наклонился над одним моим ухом и шепнул: "Расул". Потом он наклонился над моим другим ухом и громко крикнул: "Расул!" Потом он подал меня, плачущего, моей матери и, обращаясь к ней и ко всем, сидящим в сакле, сказал:

- Вот и Расул.

Сидящие в сакле молчаливым согласием утвердили мое имя. Старцы опрокинули кувшины, и каждый, вытирая рукой усы, громко крикнул.

Две вещи должен беречь каждый горец: папаху и имя. Папаха может оказаться тяжелой. Имя тоже. Оказывается, седовласый горец, повидавший мир и прочитавший много книг, вложил в мое имя смысл и цель.

Расул по-арабски означает "посланец", или еще точнее, "представитель". Так чей же я посланец, чей представитель?

Ведущая:

Расулом мой отец меня нарек,
Что по-арабски представитель значит...
Чей представитель я?..
С каких дорог и для чего мой путь по свету начат?..
Земля прекрасна, и широк мой путь,
И я мечтаю, как о высшем счастье,
Чтоб был и я, земля, хоть чем-нибудь
К великой красоте твоей причастен!
Чтоб без стыда сказал народ родной:
«Расул, мой сын, ты представитель мой!

1-ый стол: Из произведения «Мой Дагестан»: «В дагестанском ауле Цовкра – ауле знаменитых канатоходцев – днем рождения сына считают тот день, когда маленький мальчик начинает впервые ходить по канату, а в ауле знаменитых златокузнецов Кубачи днем рождения сына считается тот день, когда мальчик приносит отцу свою первую работу – нанесенные на серебро узоры – и когда обрадованный отец говорит: «Вот и у меня родился сын!».

Мне вспоминается картина: аул Цада. Весна. Впервые безусый юнец выходит пахать каменистую землю; второй – его сверстник – впервые приступает к постройке дома; третий – оседлав коня, впервые отправляется в дальнюю дорогу, и, глядя на них, мой довольный отец говорит: «Как много сыновей родилось нынешней весной в нашем маленьком ауле».

О человеке без призвания и таланта, который не приносит пользы своим трудом, не знает сердечной дружбы, не мечтает о подвигах, в горах говорят: «Дожил до седин, а на свет не родился».

(из статьи Р. Гамзатова «Верность таланту») ...Мне трудно сейчас сказать: когда я родился? Может быть, это было тогда, когда я одиннадцатилетним мальчишкой, еще не носившим ремня и не оседлавшим коня, лежа на бычьей шкуре, что была расстелена на плоской крыше сакли, написал свое первое стихотворение.

Или, может быть, это случилось позже – когда впервые в школьной стенной газете появилось мое первое стихотворение... Я не знаю, когда мой отец, скупой на похвалу, сказал в душе своей: «Вот и у меня родился сын». Вся жизнь и творчество поэта связаны с родным его сердцу Дагестаном. Он впитал его культуру, традиции, обычаи и сам стал национальным достоянием. А чтобы лучше понять духовный мир поэта, необходимо прикоснуться к его культуре.

Исполнение танца.

Ведущая: Отец, знаменитый поэт Дагестана, был первым его учителем и наставником в поэтическом искусстве. Свое первое стихотворение юный поэт написал в возрасте 11 лет. «Первое стихотворение» *Собр.соч.т.1, стр.196*

Одни хвалили его стихи, другие считали, что для «одной Аварии одного Гамзатова достаточно».

2-ой стол. Расул начал писать стихи в 1932 году, печататься – в 1937 году. Его первая книга на аварском языке вышла в 1943 году. Он также переводил на аварский язык классическую и современную русскую литературу: Пушкина и Лермонтова, Маяковского и Есенина. После окончания Буйнакского педучилища Расул Цадаса стал работать учителем в школе, которую когда-то окончил.

Но даже тогда, он не знал, посвятит ли всю свою жизнь такой капризной музе, как Поэзия.

Из книги «Мой Дагестан»: «Но был в те времена один человек, и вот я мечтал, чтобы он обратил внимание на мои стихи. Я думал: только он поймет и оценит. Это был Эфенди Капиев». Однажды Расул Гамзатов прочел

несколько своих стихотворений, уже переведенных на русский язык, Эффенди Капиеву, и тот посоветовал ему поехать учиться в Москву. Через 2 года после этого разговора он отправился в столицу поступать в Литературный институт имени А.М. Горького. Директор института Федор Васильевич Гладков, прочитав его стихи, хотя и видел, что Гамзатов плохо владеет русским языком, а написанный им диктант был таким пестрым от карандашных поправок, что казалось, будто на нем дрались воробьи, все же написал его фамилию среди принятых. С 1945 по 1950 годы учился в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве.

Когда-то стихи мы друг другу
Читали в пылу молодом,
И строфы ходили по кругу,
Как будто бы чаша с вином.
Все помнят лицейские своды
От святости и до грехов.
Друг другу, как в лучшие годы,
Уж мы не читаем стихов.

(Стихотворение «Сокурсникам литинститута»).

Ведущая: В 1950 году Расул Гамзатов окончил Литературный институт. «Благодаря русским переводам мои стихи прочитали другие народности Дагестана», а я отмечу, и всего мира.

На вопрос: «Как рождаются стихи?» Расул Гамзатов отвечает:

– Стихов ждут, как ждут любимую девушку на свидание. Ты мучаешься, страдаешь, а она все не идет. И вдруг! – «Муза, ты ли это?» Наступает счастливое мгновение и появляются, случаются стихи! Никто не может знать, какие впечатления, какие токи любви и ненависти пробегают по бесчисленным проводам моего организма, никто не может этого уловить. Но – возникает стихотворение – наивысшее нечто, созданное моей душой из жизненных впечатлений.

Из книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан»

Поэзия, я был бы без тебя сиротой
Мир был бы без тебя пещерой, что темна,
Солнце не имеющей понятия.
Иль небом, где звезда не светит ни одна,

Любовью, не слышавшей про объятья.

Мир был бы морем, но без синевы,

Без этой вечно блещущей прохлады,

Иль садом без цветов и без травы,

Без пенья соловья или цикады.

Деревья стали бы голы и черны,

Сплошной ноябрь: ни лет, ни зим, ни весен,

А люди бы стали дики и бедны.

А песни... Песен не было бы вовсе.

Ведущая предлагает гостям прочесть любимые стихи Р. Гамзатова.

Стихи о родной земле, о мужской чести, о дружбе, о поэзии читают гости встречи (можно с листа).

Ведущая: Очень многие из его современников могли бы назвать себя другом Расула Гамзатова. Я приведу воспоминания Юрия Борисовича Бореева – это теоретик культуры, эстетик, член Международной ассоциации эстетиков. Вот, что он писал о Р. Гамзатове: «Настоящий горец. Восточный человек. Аварец. Весельчак, жизнелюб и мудрец. Щедрый и гостеприимный человек. Лучший тамада Кавказа и его окрестностей. Помню один из тостов, поднятых Расулом в застолье за меня: "Выпьем за Юру Бореева. У него было много возможностей стать подлецом, но он ни разу не воспользовался этими возможностями".

Поговорить с Гамзатовым – это, как выпить чистой родниковой воды в жару. Сколько житейской мудрости! Сколько метафизических философских суждений! Сколько остроумия! Вот, например, надпись на стене ресторана Центрального дома литераторов:

Пить можно всем.

Необходимо только знать,

Где и с кем, когда, за что и сколько.

Просмотр видео М. Магомаев «Разве тот мужчина».

3-ий стол:

Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкале из курдюка с чесноком.

Т.4., стр.324-325.

Некогда жил в Аваристане богатый хан. Трижды женился он в стремлении иметь сына, но ни одна жена не родила ему не только наследника, но даже дочери. Пришлось хану жениться в четвертый раз.

Скоро ли, долго ли, родился у хана сын. Радости не было конца. Били в барабаны, трубили в бубны, плясали, пели. Пировали три дня и три ночи.

Но недолго прожила радость в роскошном ханском дворце. Вскоре сын заболел, и никто не мог определить, что за болезнь. Какие бы колыбельные песни ему ни пели, он не спал. Какие бы яства ему ни давали, он не ел. И все видели, что дни его сочтены. Ни доктора из заморских стран, ни индийские талисманы, ни тибетские травы не могли излечить единственного наследника. А хан, наверно, не пережил бы его.

И вот пришел к хану простой бедняк из ближнего аула, которого никто не считал за человека. Он заявил, что знает средство и может спасти наследника. Приближенные хана хотели вытолкнуть бедняка, но хан их остановил. "Так и так сын умрет, – подумал хан, – отчего же не попробовать последнего средства".

- Что тебе нужно для того, чтобы спасти моего сына?

- Мне нужно побыть с твоей женой наедине.

- Как? Наедине?! С моей женой! Да ты с ума сошел! Вон с моих глаз!

Бедняк повернулся и пошел, а хан подумал. "Так и так сын умрет. Какой мне будет вред, если он поговорит с моей женой с глазу на глаз".

- Эй, бедняк, воротись, мы передумали. Тебе разрешается говорить с моей женой.

Когда бедняк и ханша остались вдвоем, бедняк спросил:

- Ты хочешь, чтобы твой сын был жив и здоров? Ханша вместо ответа упала на колени.

- Тогда скажи, кто его настоящий отец? Глаза ханши забежали из стороны в сторону.

- Не стесняйся. Наш разговор мы унесем в могилу. А иначе сын не выживет.

- Хан очень хотел сына. Я знала, что если не рожу, то меня прогонят, как прогнали уже других. И вот я поехала в горы и спала там с простым молодым чабаном, и после этого родился наследник.

- О высокий хан, – возвестил лекарь после этой беседы – Я знаю средство, которое спасет твоего сына. С этой минуты его колыбель должна стоять около костра, подобного тому, какой разводят чабаны в горах. Постлать ему в колыбель нужно овечью шкуру, а кормить его нужно только пищей, которую едят твои чабаны.

- Но... они едят хинкал из жирного курдюка с чесноком. Как же может мой наследник... годовалый ребенок...

Бедняк повернулся и пошел. «Так и так сын умрет», – подумал хан и велел принести блюдо с хинкалом.

Ханша сама взялась готовить еду. Она готовила хинкал так, как готовила тогда в горах молодому богатырю перед той ночью, лучшей из всех ее ночей. Она поставила деревянное блюдо перед сыном так же, как поставила тогда блюдо перед чабаном.

Хинкалы были большие и круглые, как булыжники. Вареный курдюк источал жир. Отдельно в кувшине была подана родниковая горная вода.

Как только запах чеснока и вареного жира коснулся ноздрей наследника, он открыл глаза и поднялся, воспрянул и вдруг обеими ручонками схватил самый большой хинкал. С этого мгновения сила отца начала переливаться в ребенка. Он пожирал хинкал, как оголодавший лев. Он рос не по дням, а по часам и вскоре превратился в стройного здорового молодца. От болезни, конечно, не осталось и следа.

Может быть, и не было такого случая на самом деле, но я знаю одно: когда литература перестанет питаться пищей своих отцов, а перейдет на иные изысканные заморские блюда, когда она переменит нравы и обычаи, язык и характер своего народа, когда она изменит им, она захиреет и зачахнет, и не помогут ей никакие лекарства.

Мой Дагестан

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
"Не край ли далекий тебе полюбился?"
На гору взошел я и с той высоты,
Всей грудью вздохнув, Дагестану ответил:
"Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете.
Я, может, в любви тебе редко клянусь,
Не ново любить, но и клясться не ново,
Я молча люблю, потому что боюсь:
Поблекнет стократ повторенное слово.
И если тебе всякий сын этих мест,
Крича, как глашатай, в любви будет клясться,
То каменным скалам твоим надоест
И слушать, и эхом вдали отзываться.
Когда утопал ты в слезах и крови,
Твои сыновья, говорившие мало,
Шли на смерть, и клятвой в сыновней любви
Звучала жестокая песня кинжала.
И после, когда затихали бои,
Тебе, Дагестан мой, в любви настоящей
Клялись молчаливые дети твои
Стучащей киркой и косою звенящей.

Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.
И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых, и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых.

Просмотр видео И. Кобзон «Покуда вертится земля».

4-ый стол: Свои самые светлые, самые страстные, самые чувственные стихи поэт посвятил женщине. Любовь к женщине – вот самая преданная муза поэта. А образом, в котором воплотились все лучшие качества любимых женщин, стал образ его жены Патимат. У Гамзатова часто спрашивали: «Как Вы познакомились со своей Патимат?»

– Не знакомился вовсе! Мы родились в одном ауле. Ее родители были богатые люди, деньги давали мне, чтобы я присматривал за ней в люльке. Потом, когда она выросла, я без денег готов был смотреть. Она согласилась, я женился... – и с наигранным сожалением:

– А иначе у меня была бы большая богатая история любви... Не пришлось похищать на белом коне...».

Ты малюсенькой крошкой пришла

В мир, который огромней громад.
Мать кормила тебя, берегла:
Патимат, Патимат, Патимат.
Мчатся годы своим чередом
Две косички бедой мне грозят.
Я шепчу под знакомым окном:
Патимат, Патимат, Патимат.
Наши дочки чисты, как родник.
На тебя восхищенно глядят.

Словно доброе солнце для них –
Патимат, Патимат, Патимат.
Красоте твоей радуюсь я
И твержу похвалы невпопад.
Ты судьба и молитва моя:
Патимат, Патимат, Патимат.

Прошло время, и Гамзатов посвятит своей Патимат лучшие свои стихи:
Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи. Вдруг, их прочтя,
Другой, меня достойней и моложе,
Тебя полюбит, тоже не шутя.
Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать. Вдруг кто-нибудь, любя,
Заговорит с другой, любимой тоже,
Словами, что нашел я для тебя.
Ю. Антонов «Я тебя не забуду».

Ведущая: Р. Гамзатов пишет стихи о любви с особой искренностью и почтением. В каждом стихотворении поэт вновь и вновь утверждает всемогущество самого сильного чувства на земле.

*Ведущая предлагает гостям прочесть любимые стихи Р. Гамзатова.
Стихи о любви читают гости.*

Ведущая: Из книги Гамзатова «Мой Дагестан»: «Красиво любить, тоже нужен талант. Может быть, любви талант нужен больше, чем любовь таланту, любовь сопутствует таланту, но не заменит его».

5-й стол: Стихи и поэмы Расула Гамзатова переводили на русский язык друзья-поэты Наум Гребнев, Яков Козловский, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц и Марина Ахмедова. Гамзатова переводили на многие языки мира, в том числе и на румынский язык. Среди переводчиков его стихов такие авторы, как П. Кэраре, который перевел его

книгу прозы «Мой Дагестан» и самое знаменитое стихотворение «Журавли» («Сосоги»), его стихи переводили также румынские поэты-переводчики Титу Ионович, Томозей Георгий и др.

Сам Расул Гамзатов перевел на аварский язык стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Блока, Маяковского, Есенина, стихи поэтов пушкинской плеяды, арабского поэта Абдул Азиз Ходжи и многих других авторов.

Гамзатовым было написано более сорока книг. Во всех он писал о Любви к женщине, людям, земле, Родине и человечеству.

М. Магомаев «С женщиной наедине».

6-ой стол: Как мы знаем, многие его стихи стали песнями – «Журавли», «Исчезли солнечные дни» и многие другие. Расул Гамзатов тесно работал со многими композиторами, среди которых Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова.

«Рождение песни» *Собр.соч.т.2, стр.182*

Строка без музыки – бескрыла,
Ты удружи мне, удружи
И все, что в слове сердцу мило,
На музыку переложил.
Не забывая слез соленных,
Ты радость людям приноси
И на полях любви сраженных
Благослови и воскресил.
Возьми слова мои, и если
В них землю с небом породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев как птицы с горских крыш.

Его песни исполняли Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе.

Бюль Бюль Оглы «Даллалай», С. Захаров «Любовь».

7-ой стол: Каждое литературное произведение имеет свою судьбу. Интересна судьба песни «Журавли», которой поэт посвятил в своей прозаической книге «Мой Дагестан» несколько страниц:

«... Эта песня родилась у меня в 1965 году в городе Хиросиме. О трагедии этого города написано много, и я возложил венок своих горестных стихов у памятника жертвам большой беды века - написал поэму «Колокол Хиросимы», который ежедневно звонит о погибших, написал о рояле Хиросимы, чьи сгоревшие клавиши играли во мне музыку страшной трагедии, написал о хиросимских часах, которые навечно остановились утром 6 августа 1945 года, в 8 часов 15 минут.

Песня «Журавли» стоит особняком. Неожиданно для меня она стала больше, чем стихи...

Увидев в Хиросиме проект памятника, простой японской девочке с журавлем в руках, узнав ее историю, я испытал глубокое волнение, которое вылилось потом в стихи. Девочка лежала в госпитале и должна была вырезать из бумаги тысячу журавлей в надежде на выздоровление, но не успела - скончалась.

Потом, уже у памятника японской девочке с белым журавлем, я видел впечатляющее зрелище - тысячи и тысячи женщин в белой одежде. Дело в том, что в трауре японские женщины носят белое одеяние, а не черное, как у нас. Случилось так, что, когда я стоял в толпе в центре человеческого горя, в небе появились вдруг настоящие журавли. Говорили, что они прилетели из Сибири. Их стая была небольшая, и в этой стае я заметил маленький промежуток».

Потом была телеграмма о кончине матери. По дороге домой, на всей воздушной трассе, поэт думал о матери, о погибших двух братьях, о миллионах, не вернувшихся с войны, женщинах в белом одеянии и о многом другом, но мысли поэта все время возвращались к белым журавлям.

Мне кажется порою, что джигиты,

С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей...

В 1968 году стихотворение «Журавли» в переводе Наума Гребнева было напечатано в журнале «Новый мир». Стихотворение «Журавли», напечатанное в журнале, попало на глаза певцу Марку Бернесу.

Сам Бернес в войну никогда не участвовал в боях, но он выступал с концертами на передовой. И особенно ему удавались песни, посвященные войне. Очевидно, что война тоже была его личной темой.

Прочитав стихотворение «Журавли», возбужденный Бернес позвонил поэту-переводчику Науму Гребневу и сказал, что хочет сделать песню. По телефону сразу же обсудили некоторые изменения в тексте. Расул Гамзатов вспоминал: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми, и вместо „джигиты“ написали „солдаты“. Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание».

Сегодня крик журавлиный продолжает звать всех нас, живущих на Земле, к миру, братству, единению.

Исполнение песни. Песню «Журавли» исполняют все присутствующие на вечере. (Зажигаются свечи, на фоне музыки звучат слова).

Ведущая: Да будет нескончаемо долгой благодарная память о великом поэте, нашедшем своё место в улетающей стае белых журавлей.

Памяти Расула Гамзатова

Виктор Ергин

Ты ушел... но оставил свой след
Меж проплешин веков и столетий.
Каждый век обозначит привет
Новой книгой из старых соцветий.
Возрождался ты в песнях не раз –
Ты в поэзии, как буревестник,
И прародина Ноя Кавказ

Будет петь из стихов эти песни.
Пусть ушел твой томящийся дух
Из уставшего тела на небо,
Но живет человеческий слух
Словом всяким духовного хлеба;
Но запомнит наш мир каждый шаг,
Что твоим отозвался словом
В каждом сердце, у всех на устах,
И во времени старом, и новом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамзатов Расул (1923-2003). Собрание сочинений [Текст]: в 5 т.: перевод с аварского / Расул Гамзатов; [вступ. ст. С. Наровчатова]. – Москва: Художественная лит., 1980-1982.
2. Высокие звезды [Текст]: стихи и поэмы / Р. Гамзатов; авториз. пер. с аварского Н. Гребнева и Я. Козловского. – Москва: Советский писатель, 1962. – 268 с.
3. Горянка [Текст]: поэма / Р. Гамзатов; пер. с аварского Я. Козловского; вступ. ст. О.-Г. Шахтаманова. – Москва: Детская литература, 1969. – 174 с.
4. Двадцатый век [Текст]: избранные стихотворение / Р. Гамзатов; вступ. ст. Э. Межелайтиса; [сост. В. Гольцев]. – Москва: Известия, 1983. – 480 с.: ил.
5. Клинок и роза [Текст: стихи / Р. Гамзатов; пер. с аварского. – Москва: Воениздат, 1972. – 320 с.
6. Книга сонетов [Текст]: стихи / Р. Гамзатов; пер. с аварского Наума Гребнева. – Москва: Молодая гвардия, 1983. – 78 с.
7. Мой Дагестан: [Повесть]. Кн. 1-я и 2-я / Расул Гамзатов; [Перевод с авар. В. Солоухина]. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. – 439 с.
8. Сказки народов Дагестана. – М.: Наука, 1965.
9. Сказочные самоцветы Дагестана [Текст] в обраб. лучших горских мастеров: [Сборник сказок] / Сост., пер., обобщения, коммент. А. Назаревича. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1975. - 208 с.
10. Капиев, Э. Из фронтовых блокнотов / Э. Капиев // Кавказская здравница. – 1985.

11. Капиев Э. Сочинения: в 2 т. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	
Из воспоминаний современников о Расуле Гамзатове	
Странички поэзии	
Расул Гамзатов	
Матери.....	
Не оставляйте матерей одних.....	
Родной язык.....	
Вера Васильевна.....	
Старые горцы.....	
Звезды.....	
У Максобского моста.....	
Ответ на твое письмо.....	
У черных завистников шустрые слуги.....	
Махмуда песни будут жить, покуда.....	
Хоть я не бессмертник, хоть ты не сирень.....	
Есть три заветных песни у людей.....	
Дорогая моя, мне в дорогу пора.....	
Журавли.....	
Солдаты России.....	
Стихи на аварском языке	
Расул Гамзатов	
Вера Васильевна.....	
Къункъраби.....	
МацIалда дур цIаргин.....	
Къеч.....	
ГIахъвахъ.....	
Авар мацI.....	
Цо-цо мехаль урхъула.....	
Гъитинай шагъриде.....	
Къо гъечIо.....	
ПатIимат.....	
Бицунге.....	
Лезгинка.....	
Огъ, руччабиI.....	
Дагъистан.....	
Нильер цIарал.....	
Дун цIидасан гъанже.....	

ЦIадастан.....	
Дур цIар.....	
Рорхатал цIвабазде сухьмахьал гьарун.....	
Репертуарная часть	
«Мой Дагестан» Фрагменты из книги Расула Гамзатова.....	
Слово о сказках моего детства.....	
Сказки народов Дагестана	
Медвежий сын (аварская сказка).....	
Сказка о Кара-Катыре (кумыкская сказка).....	
Синяя птица (даргинская сказка).....	
Волшебный сад и его хозяйка (аварская сказка).....	
Эфенди Капиев.....	
Из фронтового блокнота.....	
«КРАСНЫЙ ЛЕВ».....	
ЛЕГЕНДА И ЖИЗНЬ.....	
Сценарная часть	
«Вся жизнь моя – в стихах моих».....	
Сценка «Из детства Расула».....	
«Любовь всего превыше на земле...».....	
«Горец, верный Дагестану...»	
Литературно-музыкальное представление.....	
Литература.....	

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

«МЫ – БРАТЬЯ, ДЕТИ МЫ ОДНОЙ СТРАНЫ...»

*Сценарно-репертуарный сборник по произведениям Р. Гамзатова и
других авторов для школьных театров
в рамках Республиканского форума-фестиваля народных театров
«Народная маска»*

**Подготовлено
Республиканским домом народного творчества
Министерства культуры Республики Дагестан**

РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О. Кошевого, 35 «а»
E-mail: rdnt35@yandex.ru
www.dagfolkkultura.ru

